

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

НАУЧНО-ПРОПАГАНДИСТСКИЙ КООРДИНАЦИОННЫЙ
ДЕЛОВОЙ ПРОЕКТ «МУРАС»

ДРЕВНИЙ
И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ
КЫРГЫЗСТАН

Бишкек «Илим» 1996

ДРЕВНИЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КЫРГЫЗСТАН // Ред-коллегия: К. И. Ташбаева, Е. И. Лубо-Лесниченко, Б. И. Маршак, Я. А. Шер; НАН Кыргызской Республики, Ин-т истории. — Б.: Илим, 1996 — 186 с., илл.

ISBN 5-8355-0452-7

Сборник содержит материалы, посвященные основным проблемам истории и культуры Кыргызстана эпохи бронзы, ранних кочевников и средневековья. Подведены некоторые итоги многолетних археологических работ на территории республики. Дан анализ отдельных категорий археологических находок и др.

Редакционная коллегия: К. И. Ташбаева (ответ. редактор),
Е. И. Лубо-Лесниченко, Б. И. Маршак, Я. А. Шер

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном сборнике помещены научные статьи по материалам докладов, заслушенных и обсужденных на научной конференции, проведенной в Государственном Эрмитаже г. Ленинграда (ныне г. Санкт-Петербург) в июне 1983 г.

Конференция была приурочена к открытию выставки «Памятники культуры и искусства Киргизии». В стенах Эрмитажа — сокровищницы мировой культуры и искусства — впервые показывались лучшие образцы археологических и этнографических коллекций, раскрывающих различные этапы истории и культуры, быт и искусство племен и народов, населявших территорию Кыргызстана с древнейших времен и до современности. К открытию выставки и конференции были изданы тезисы докладов¹, каталог археологических предметов² и проспект по этнографической экспозиции³.

Вопросы древней и средневековой истории и культуры Кыргызстана привлекли внимание около 100 ученых из различных научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Душанбе, Ташкента, Самарканда, Ашгабада, Нукуса, Каланина, Бишкека, Оша, а также из Франции и Германии. В представленных докладах были охвачены многие общие и частные проблемы истории и культуры древнего и средневекового Кыргызстана и окружающей его территории, а также вопросы этнографии. Краткий обзор заслушенных докладов в свое время получил отражение в двух информационных К. Ташбаевой⁴.

¹ См.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Л., 1983. Вып. 1, 2.

² См.: Каталог выставки. Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Изд-во «Искусство». Л., 1983.

³ Проспект выставки «Памятники культуры и искусства Киргизии XVIII — нач. XX вв.». Л., 1983.

⁴ См.: Ташбаева К. И. Всесоюзная научная конференция «Культура и искусство Киргизии» // Информ. бюллетень МАИКЦА. Вып. 5. М., 1983. С. 67—71. Ее же. Культура и искусство Киргизии. (Всесоюзная научная конференция в Эрмитаже // Памятники Киргизстана. Вып. 8. Фрунзе, 1986. С. 50—52.

ISBN 5-8355-0452-7

© Издательство «Илим», 1996 г.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ КЫРГЫЗСТАНА И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

К сожалению ряд докладчиков не представили своих статей к публикации. Темы же были интересными и могли значительно обогатить не только данный сборник, но и восполнить ряд пробелов древней и средневековой истории Кыргызстана. В особенности это доклады Б. А. Литвинского «Древняя и средневековая культура Кыргызстана — интeгральная часть культуры Востока»; М. П. Грязнова «Раннесакские памятники Кыргызии в свете событий VIII—VII вв. до н. э. в степях Евразии»; И. Кожомбердиева «Неолитская культура»; С. Сорокина «Рациональное в петроглифах Саймалы-Таша»; Т. В. Грек «Буддийские и индуийские культовые предметы из Семпирчя; В. Д. Горячевой «Раннесредневековой город Северной Кыргызии и вопросы культурной интеграции» и ряд других.

Представленные же статьи были написаны и сданы авторами в 1983—1984 гг. Долгое время сборник лежал по неизвестным причинам «в столе» у тогдашнего зам. директора по науке Института истории В. М. Плоских. В 1990 г. был сдан в издательство и прошел редакторскую подготовку, но напечатать его по известным экономическим процессам последних лет оказалось невозможным. Таким образом сборник пролежал более 10 лет. С тех пор авторы не вносили изменений в свои работы и, вероятно, они несколько устарели, т. к. в них не учтены новые материалы и публикации. Однако, думается, что данные работы представляют научный интерес для специалистов и не утратили своей актуальности. Читатель же отнесется к ним с должным пониманием.

Перед публикацией в сборник внесены некоторые изменения. Так из него изъята небольшая этнографическая часть и статьи по археологии, которые получили отражение в других публикациях. Введены две новые работы (Л. Ведутовой и К. Табалдиева), отражающие результаты археологических работ последних лет.

Издание этого многострадального сборника стало возможным благодаря пониманию и финансовой поддержке д.и.н. Абылабека Асанканова — директора научно-пропагандистского координационного делового проекта «Мурас», человека искренне переживающего за судьбы отечественной исторической науки.

К. Ташбаева

Археологические материалы являются надежным источником для изучения древнего мира во многих его проявлениях — от материальной культуры до социальных структур и духовного производства. Устойчивость, массовость, повторяемость археологических объектов позволяют ставить и решать вопросы закономерного характера и направленности многих процессов, в первую очередь культурногенетических. Именно на обоснованное решение этих проблем направлены методологические и методические разработки, осуществляемые в советской археологии [1].

Выявление значительного числа археологических комплексов как статистически устойчивых общностей позволяло осуществлять подобные исследования и на материалах Кыргызстана. Некоторые направления таких разработок намечены в новом издании «Истории Кыргызской ССР», хотя, разумеется, в силу специфики издания не получили в нем развернутой археологической аргументации [2].

Остановимся кратко на некоторых из этих аспектов. Археологические памятники Кыргызстана ярко отражают такую особенность культурогенеза, как взаимодействие различных культурных традиций. Сейчас совершенно ясно, что древний Кыргызстан был одним из важных центров историко-культурного синтеза в масштабах всего Азиатского континента. Изучение древних культур и цивилизаций ясно показывает, что взаимодействие и взаимообогащение культур различных племен и народов было магистральной линией мирового прогресса, и каждый новый виток творческого скрещения культурных взаимодействий оказывается весьма результативным в творческом плане. В недрах таких взаимодействий лежат и истоки этногенеза современных народов Среднеазиатско-Казахстанского региона.

Судя по открытиям В. П. Любина, в Западном Копетдаге [3] и В. А. Ранова — в Юго-Западном Таджикистане, освоение Средней Азии человеком начинается в позднеледниковое время, во всяком случае, в пору древнего ашельа. А. П. Окладников на основании отдельных находок убедительно говорит о нижнем палеолите как о поре освоения человеком территории Кыргызстана [4]. Новые находки свидетельствуют о широком распространении здесь группы древнего населения в ашельо-мустьерское время. Культурные связи палеолитической Средней Азии явственно идут по двум направлениям. Ашельские комплексы, обнаруженные в 80-е годы в Туркмении, по некоторым типам изделий и приемам обработки тяготеют к Восточному Средиземноморью. Галечные же орудия Кыргызстана и Таджикистана в ряде отношений близки к индоанскому Соану. Такая памятник Кыргызстана, как Георгиевский бутор, по техническим показателям может быть охарактеризован как мустьеро-соанский [5]. Для другого памятника той же эпохи — стоянки Тосор — характерны иные культурные признаки. Таким образом, культурное разнообразие и многообразие имеет на территории республики весьма древнюю традицию. Число подобных примеров для эпохи палеолита легко может быть увеличено.

Роль и значение кыргызстанского центра древних культур усиливаются с появлением металлургии и наступлением бронзового века. Формирование пастушеско-земледельческой культурной общности андроновского типа сопровождалось усилением подвижности населения, упрочением межкультурных связей, расширением их диапазона. Археологические материалы позволяют достаточно уверенно выделить семиреченский локальный вариант в рамках общности андроновского типа. Показательно и наличие самостоятельного металлургического очага, получившего в литературе наименование семиреченского [6]. Он характеризуется интенсивной местной металлообработкой, нашедшей выражение в появлении ряда специфических форм древних бронзовых изделий. Развитие горного дела, металлургии, функционирование литейных мастерских, о которых мы знаем по их продукции, отражают кардинальные изменения, происходившие в обществе хотя они и не всегда сразу заметны за внешней бедностью культуры, взятой в ее археологической выборке. При наличии традиционных местных форм бронзовых изделий, при бесспорном господстве археологических типов андроновского облика наличие

и свидетельства более отдаленных культурных связей. Так, булавка с ажурной головкой из известногоклада в Шамши [7] явно связана с формами соответствующих изделий, распространенных в оседлых оазисах среднеазиатского юга, а кинжалы с навершиями в виде фигур животных указывают на иное направление культурных связей, уходящих в традиции художественных бронз Восточной Европы.

Синтез культурных традиций может быть прослежен и в оседло-земледельческо-скотоводческой чустской культуре, распространенной на юге республики. Для нее так же, как для раннеземледельческой традиции юго-запада Средней Азии, характерны расписная керамика и сырцовая архитектура. Вместе с тем отдельные формы бронзовых изделий, хозяйственные ямы-хранилища, детали конской упряжи свидетельствуют о связях, уходящих в зону азиатских степей. Весьма показательны наличие комплексов чустского типа и на территории Восточного Туркестана. Вероятно, речь может идти о большой культурной общности, одной из формопроявлений которой была чустская культура. И особо следует подчеркнуть, что культурные типы этой общности резко отличны от традиций, представленных в более восточных районах КНР и, в частности, в долине Хуанхэ. Это две разных культурных зоны, два разных культурных ареала.

Сложение раннекочевнических культур было важнейшим событием мировой истории. Как правило, они генетически связаны со скотоводами степной бронзы, но вместе с тем их появление в степях и на плоскогорьях Евразии знаменовало наступление новой исторической эпохи. Следует полагать, что территория Кыргызстана была одним из центров, где протекал процесс трансформации скотоводческо-земледельческих племен бронзового века, развивавших илажное скотоводство, в ранних кочевников, хотя материалы этого переходного периода пока выявлено недостаточно. Во всяком случае новые открытия и прежде всего раскопки в Кетмень-Тюбе позволяют говорить о том, что Кыргызстан был важным центром сакского кочевого массива, сыгравшего большую роль в противоборстве с ахеменидским Ираном и армией Александра Македонского.

Учитывая исключительную важность этого исторического рубежа, остановимся на нем несколько подробнее [8]. Сложение раннекочевнических обществ означало кардинальные перемены в жизни значительной части населения степной зоны и прилегающих областей. По своим послед-

ствам переход к подвижному скотоводству в разных его вариантах для этой зоны играл не меньшую роль, чем так называемая городская революция, способствовавшая сложению здесь оседлых земледельцев, экономических и культурных основ цивилизации. Новые формы хозяйственной деятельности позволяли в степной зоне получать максимальный прибавочный продукт при существующем уровне технического развития.

Экологическая ситуация создавала для этого вида хозяйственной деятельности режим наибольшего благоприятствования. Известно, в частности, что сухой воздух возбуждает активный обмен веществ, тогда как влажный действует в этом отношении угнетающе. Сухой воздух и яркая освещенность степей и полупустынь создавали исключительно благоприятные условия для разведения скота, который в целом лучше переносит холод и жару, чем сырость. В этом отношении соответствующие ландшафтные зоны Средней Азии и Казахстана были естественными центрами развития нового вида хозяйствования. Сухие степи с их керофильными древовидными злаками и ковьями отличаются высокими кормовыми показателями — 12—15 центнеров на гектар. Весьма важна и возможность использования этого ландшафта скотоводами в течение ряда сезонов — весной, ранним летом и осенью. Полупустыни, где распространены солончи с полкустарниковой растительностью (польш, прутник, эфемеры), также являются надежными кормовыми угодьями (7—12 центнеров на гектар). Наличие по соседству с пустынно-степной зоной нагорий и горных систем позволяло варьировать хозяйственный цикл выпаса по временам года. Кормовые ресурсы горно-степных ландшафтов оцениваются в 5—8 центнеров на гектар. Выше в высотном отношении расположены альпийские и субальпийские луга, кормовые ресурсы которых колеблются от 2 до 8 центнеров на гектар. Однако из-за разреженности воздуха крупный рогатый скот, например, чувствует себя здесь гораздо хуже, чем на более низких высотных отметках. Система кочевого скотоводства, практиковавшая сезонные перекочевки порой на весьма значительные расстояния по традиционным маршрутам [9], позволила реализовать огромные возможности этих ландшафтных зон, объединить их в единую макросистему.

Экономические изменения влекли за собой целый спектр разного рода инноваций и перемен. Так, были созданы предпосылки для развития быстрых и динамичных

внутризонных контактов, особенно с появлением верхового коня. Скорость передачи любых форм информации при этом скачкообразно возрастала, что, в частности, способствовало почти мгновенному (с позиций археологии) распространению однотипных категорий вещей.

Была выведена порода крупных и быстрых лошадей, известных уже по раскопкам Пазырыка [10]. Потенциальные возможности коней этой породы были исключительно велики. Так, известно, что в III в. н. э. римский военачальник Марк Аврелий Проб получил в качестве добычи парфянского коня, который мог проходить в сутки около 150 км и сохранять такую скорость движения в течение 8—10 дней. Приблизительно те же цифры называют авторы для ахалтекинских коней XIX в. [11]. Недаром конь и связанная с ним символика приобретают особое идеологическое звучание, как это видно по памятникам изобразительного искусства. Конь становится символом и знаком социального престижа, знаком привилегий господствующего слоя. Возникают и взаимодействуют по системе прямых и обратных связей такие явления, как накопление богатства, усиление социальной и имущественной дифференциации, прогресс военного дела в ходе борьбы в первую очередь за пастбища и угодья. Скот как легко отчуждаемое имущество открывал огромные возможности для его насильственного перераспределения был источником первоначального накопления. Одновременно в среде ранних кочевников происходит коренная ломка всего быта, устанавливаются новые формы традиционной массовой культуры, новые стереотипы в мире вещей, что находит прямое воплощение в новом наборе типов археологических объектов (артефактов).

Особо следует остановиться на состоянии военного дела в среде раннескотоводческих племен и на развитии военной функции, игравшей большую роль в социальной революции, политической истории да и в повседневной жизни кочевых племен. В частности, можно отметить, что удилы встречаются и в женских погребениях раннекочевнической эпохи, — это свидетельствует о том, что равноправие, восходящее к глубинным традициям первобытного строя, получило новое оформление, закрепившись в популярной легенде об амазонках.

Как известно, социальное насилие составляет особый род человеческой деятельности, и одной из его форм является венец вооруженных насильственных действий [12].

С накоплением богатств, начавшимся с переходом к производящей экономике, это явление получило широкое распространение. По антитезе «удар и защита» начинается интенсивное развитие первобытной фортификации, с которой археологи несколько неожиданно для себя впервые столкнулись при раскопках Иерихона VIII тыс. до н. э. Однако межплеменные войны не носили социального характера, и насилие как особое социальное явление развивается в классовом обществе, воплощением его становится военная функция государства. Корни этих явлений уходят в завершающие этапы первобытнообщинной формации, когда происходит, как писал Ф. Энгельс, «вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел» [13]. Вооруженные действия требовали создания материальных средств для их ведения, которые, по существу, аналогичны средствам труда. Развитие военной техники, начиная с самых примитивных форм, когда она обособляется от охотничьего ружья, археологи могут наблюдать в становлении новых типов артефактов. Так постепенно складывается военная организация, осваиваются приемы владения военной техникой, концентрируются массы оружия.

В среде скотоводческо-земледельческих племен степной зоны этот процесс становится особенно выразительным в эпоху бронзы, когда появляются снаряженные лошадьми легкие двухколесные экипажи — мобильное средство владения. Вооруженные копытами колесницы, захоронения которых мы находим в ряде могильников андроновской эпохи, составляли привилегированную элиту, социальный и имущественный ранг которой все более противостоял основной массе общинников. С освоением верхового коня военное дело сделало решающий скачок. Усовершенствование тактики ведения боя, основанной на стремительных атаках конных лучников, усовершенствование оружия, которое теперь представляло почти во всех погребениях, резко повысили политический потенциал раннекочевнических обществ. В результате на границах зоны древневосточных цивилизаций появляется новая сила, могущественная масса конных воинов, и она играет все большую роль в политической истории. Достаточно вспомнить киммерийские походы в Передней Азии [14] и кочевые племена ди, опустошавшие земли по Хуанхэ и активно участвовавшие

в военно-политической борьбе между древнекитайскими царствами в VII—VI вв. до н. э. [15].

Кочевнические объединения нередко утверждаются в оседлых оазисах, и династии кочевого происхождения становятся во главе новых государств, из которых особенно прославились Парфия и Кушанская держава. Наряду с отчетливыми связями с культурой древневосточных цивилизаций, особенно заметными в элитарной субкультуре кочевых обществ, кочевой мир сам оказывает немалое обратное воздействие. Таковы, например, влияние хунну на военную технику и художественное ремесло Китая. Раскопки могильников Бактрии и, в частности, Тиллятепе в Северном Афганистане показали, сколь велико было значение кочевнического компонента в культурном комплексе кушанской эпохи. Таким образом, с формированием ранних кочевников в степной зоне Азии появился яркий, во многих отношениях стабильный культурный и политический феномен, успешно противостоящий иноземным вторжениям и прежде всего ханьской экспансии.

Важным центром, важным очагом этих процессов и явлений был древний Кыргызстан. Здесь накоплены многочисленные археологические комплексы данной эпохи, позволяющие ставить целый ряд ответственных историко-культурных проблем, но требующие тщательной типологической обработки на уровне современных стандартов процедуры археологического исследования. Такая работа в настоящее время проводится на материалах Кетмень-Тюбе, где очень важно выявить устойчивые комплексы, восходящие к древним культурным обществам. Эти комплексы и будут исходной операционной единицей во всех последующих разработках.

В рассматриваемую эпоху культурные контакты и взаимодействия стали качественно другими, и дело здесь отнюдь не в увеличении самой амплитуды культурных связей, хорошо демонстрируемых например, находками римского импорта в горах Тянь-Шаня. Зона древних кочевников представляла собой сложную поликультурную и полиэтническую среду, компоненты которой находились в постоянном взаимодействии, и порой крупные политические события резко меняли всю этнокультурную ситуацию.

Изучение этих процессов как конкретно исторического явления во многом облегчается введением в оборот массового археологического материала, организованного на должном уровне археологической систематики. Со време-

нем это должно позволить выделить в разных центрах, в том числе и в древнем Кыргызстане, реальные группировки нескольких племен или даже отдельных племенных образований, проследить их эволюцию и развитие.

Совершенно ясно, что раннекочевнические общества Азии прошли в своем развитии ряд периодов, специфика и хронологические рамки которых подлежат исследованию и уточнению. По материалам последних археологических открытий можно говорить о наличии по меньшей мере трех таких периодов.

Контуры первого, древнейшего («протосакского?») периода намечаются, когда происходит трансформация обществ степных скотоводов бронзового века в культуры ранних кочевников. Предпосылки такой трансформации, включая освоение верхового коня, уходят в глубь II тыс. до н. э.

Второй период — это время собственно ранних кочевников или, если следовать расширительной терминологии древнеперсидских текстов, сакский период. В основных центрах кочевнической зоны интенсивно идет процесс социальной дифференциации, типологически напоминающий формирование раннеклассовых обществ в оседлых оазисах. Мощные идеологические усилия направлены на возвышение фигуры царя-правителя, военного лидера в первую очередь. Складываются основы тактики конных войнов, действующих как своего рода профессионалы, утверждается как ведущий культурный эталон эпохи знаменитая триада, объединяющая стандартные образцы вооружения, конной упряжи и специфические памятники искусства.

Третий период — время древних кочевников. Он, как нам представляется, достаточно четко намечается с III—II вв. до н. э. и в свое время именовался С. В. Киселевым «гунно-сарматским» [16]. В эту пору завершается освоение территорий, пригодных для новых форм хозяйственной деятельности, численность населения увеличивается, свидетельством чего являются огромные курганные некрополи. Процессы социального неравенства отмечаются почти повсеместно. Складываются мощные объединения, в первую очередь объединения хунну, с его примитивным бюрократическим аппаратом и, видимо, со своей собственной системой письменности. Усиливаются передвижения больших масс кочевников в степной зоне, вырабатываются новые культурные эталоны, трансформируются раннекочевнические традиции.

Формирование древнекочевнических комплексов сопряжено было в южных областях Кыргызстана, как и во всей Ферганской долине, сложением оседло-земледельческих оазисов, достигших, во всяком случае на уровне культурных эталонов, стадии урбанизации уже в древний период. Взаимодействие и взаимовлияние зоны оседлых земледельцев и зоны ранних кочевников было важнейшим фактором в процессах как культурогенеза, так и этногенеза. О постоянных межэтнических взаимодействиях свидетельствуют и полиморфизм расовых типов, изучаемых палеоантропологами.

В пору раннего средневековья в VI—VIII вв. урбанизационные процессы охватывают всю территорию Кыргызстана, происходит интенсивное развитие оседлой культуры в Семиречье. В этом явлении процессы взаимодействия играли особенно большую роль. Широкое распространение в этот период согдийских культурных стандартов долгое время объяснялось преимущественно на основе прямолинейной механистической модели миграции и колонизации. Нет оснований отрицать факт физического перемещения в эту пору согдийского населения, достигавшего глубинных районов Азии на окраинах древнекитайской цивилизации. Однако на содержательном уровне процессов культурного развития следует иметь в виду и такой аспект, как явление культурной интеграции. Следует считать, что в пору раннего средневековья согдийские эталоны (прежде всего в сфере материальной культуры) являлись культурными стандартами, наиболее отвечающими нормам раннефеодальных обществ [17].

Культурное и социально-экономическое взаимодействие сказалось и на развитии древнетюркской государственности, создавшей собственную письменность, творчески переработавшей согдийский алфавит. Важным показателем утверждения собственных политических традиций, так же, как и развития товарно-денежных отношений, является выпуск тюркоязычных монет, известных в литературе под названием тюркешских. Западнотюркский каганат, а затем тюркешское и карлукское объединение являются ярким примером средневековых государственных образований, творчески соединивших в своей культуре и правовом порядке разнокультурные и разноэтнические традиции. Феодальная государственность Караханидов, распространивших свою власть на среднеазиатское междуречье, была одним из наивысших достижений этого культурного синтеза.

Л и т е р а т у р а

1. Массон В. М. Перспективы культурологических разработок в археологии // Достижения советской археологии в XI пятилетке: Тезисы докладов всесоюз. археол. конф. — Баку, 1985. С. 19—21.
2. История Киргизской ССР. Т. 1.: С древнейших времен до середины XIX в. — Фрунзе, 1984.
3. Любин В. П. Палеолит Туркмении // СА. 1984. № 1. С. 26—45.
4. Окладников А. П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. — М.; Л., 1966.
5. Юсупалиев М. Б. Палеолитическая стоянка в Чуйской долине — Георгиевский бутур // По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. — Фрунзе, 1982.
6. Кузьмина Е. Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. 1970. № 122.
7. Кожомбердиев И. К., Кузьмина Е. Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4.
8. Массон В. М. Древние кочевники Азии и мировой исторический процесс // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тез. докл. всесоюз. конф. — Кемерово, 1979.
9. Акишев К. А. К проблеме происхождения нomaдизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. — Алма-Ата, 1972.
10. Витт В. С. Лошадь древнего Востока // Конские породы Средней Азии. — М., 1937.
11. Массон В. М. Городища Нисы в селении Багир и их значение // Труды ЮТАКО. Т. 1. — Ашхабад, 1949. С. 21.
12. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. — М., 1983. С. 310 и сл.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 108.
14. Дьяконов И. М. Предистория арийского народа. — Ереван, 1968. С. 169 и сл.
15. Гроков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. П. Древние китаицы: проблемы этногенеза. — М., 1978. С. 179, с.л.
16. Киселев Е. М. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951.
17. Массон В. М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана // УСА. Вып. 4. — Л., 1979. С. 6.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО КЫРГЫЗСТАНА В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ (1976—1984 гг.)

Во второй половине 70-х — начале 80-х годов на территории Ошской области проводили систематические и плановые исследования археологи Института истории АН Республики Кыргызстан (А. А. Абетков, И. Кожомбердиев, В. П. Мокрынин), Ферганская экспедиция ЮО ИА АН СССР (Ю. А. Заднепровский) и экспедиции ИА АН СССР (Г. А. Брыкина), ИА АН УзССР (У. Исламов). Основное внимание было уделено комплексному изучению больших оазисов: Ош — Карасуйского, Наукатского, Ляйлякского, Кетмень-Тюбе, Хайдаркан.

В результате исследований получены новые материалы, позволяющие охарактеризовать основные этапы первобытной, древней и средневековой истории края. С учетом ранее накопленных данных появилась возможность разработать периодизацию развития культуры юга Кыргызстана с древнейших времен:

I — период раннего палеолита, время первоначального появления человека на территории Южного Кыргызстана. Замечательное открытие сделано в ходе раскопок У. Исламова (1980—1984 гг.) в пещере Сель-Ункура около Хайдаркана. В нижних слоях пещеры обнаружены каменные орудия ашельской эпохи¹. Возраст ашельских памятников — 800—500 тыс. лет. Конкретная дата раннего слоя Сель-Ункура еще не определена, и в настоящее время она уточняется. Но уже сейчас можно утверждать, что Южный Кыргызстан наряду с Южным Таджикистаном (В. А. Ратов) и Южной Туркменией (В. П. Любин) является одним из немногих районов первоначального заселения человеком Средней Азии в эпоху древнего палеолита.

В Сель-Ункуре культурные слои содержали материалы

от ашеля до мезолита, что бесспорно свидетельствует о непрерывности обитания в долине Хайдаркана первобытного человека на протяжении всего каменного века, возможного при существовании здесь благоприятных природных условий.

II — период мустье (средний палеолит, 100—40 тыс. лет), время относительно широкого освоения человеком горных долин края, районов Узгена, Оша, Аравана, долина Охна и Ходжа-Гаир и др.

К этому периоду относится уникальная каменоломня — мастерская Капчигай в долине р. Ходжа-Гаир, где добывали и производили первичную обработку кремня².

Новые находки каменных изделий эпохи мустье обнаружены во вторичном залегании на Мирзалим-Тепе (вост. окраина г. Ош)³. В 1980 г. в составе Ферганской экспедиции П. Г. Павлов заложил около тепе 2 шурфа и нашел в лессовых отложениях на большой глубине аналогичные каменные изделия. Они свидетельствуют о существовании на этом месте первобытной стоянки. Особо важно, что здесь впервые в равнинной части Ферганы выявлен культурный слой с находками эпохи мустье. Проведенные работы, которые, к сожалению, не были продолжены, показывают перспективность расширения поисков памятников каменного века на территории юга республики.

III — период верхнего палеолита. К ранее известным местонахождениям следует отнести материалы, добытые У. Исламовым в верхних слоях пещеры Сель-Ункур.

IV — период мезолита-неолита (VIII—IV тыс. до н. э.), время распространения в Фергане основ производящего хозяйства. Лучше изучены мезолитические памятники: пещера Обшир на юге, в долине Хайдаркана⁴, и пещера Таш-Кумыр — на севере⁵.

V — бронзовый век; период обитания племен степной бронзы, входивших в андроновскую культурную общность (2 пол. II тыс. до н. э.). Новые находки единичных фрагментов керамики этого времени сделаны в насыпи разграбленного кургана могильника Темир-Коруг II у сел. Янгй-Наукат и на Чапн-Тепе (окраина г. Ош). Большой интерес представляют случайные находки бронзовых изделий возле сел. Джана Салда (восточнее райцентра Ала-Бука). Ныне они хранятся в Ошском областном историко-краеведческом музее.

Среди находок — целый и обломанный бронзовые браслеты с литыми рожками. Они одинаковой формы, изготов-

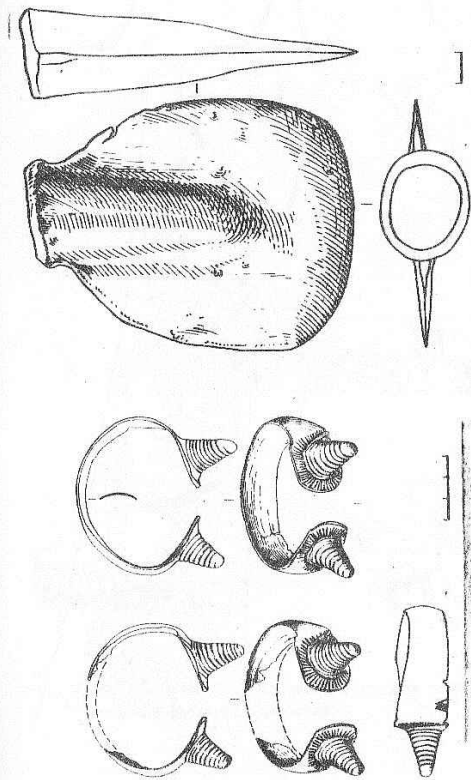

Рис. 1. Джалл Сама: бронзовые браслеты с литыми рожками, кельт-мошата.

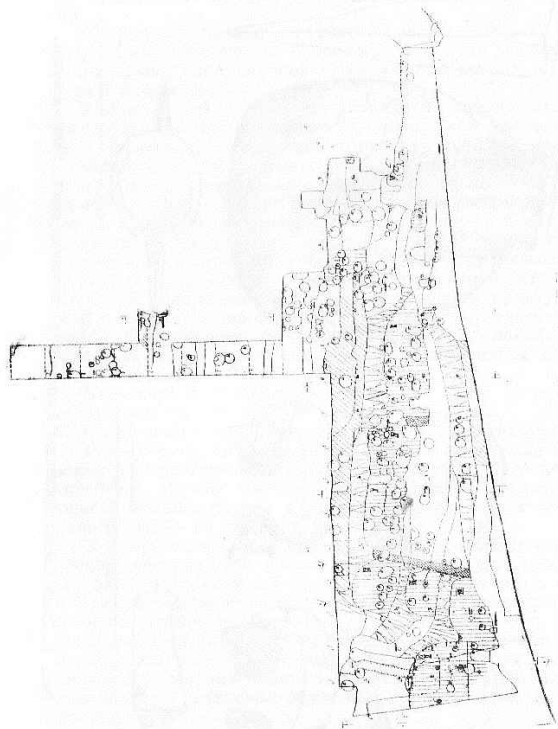

Рис. 2. Ошское поселение. План раскопки.

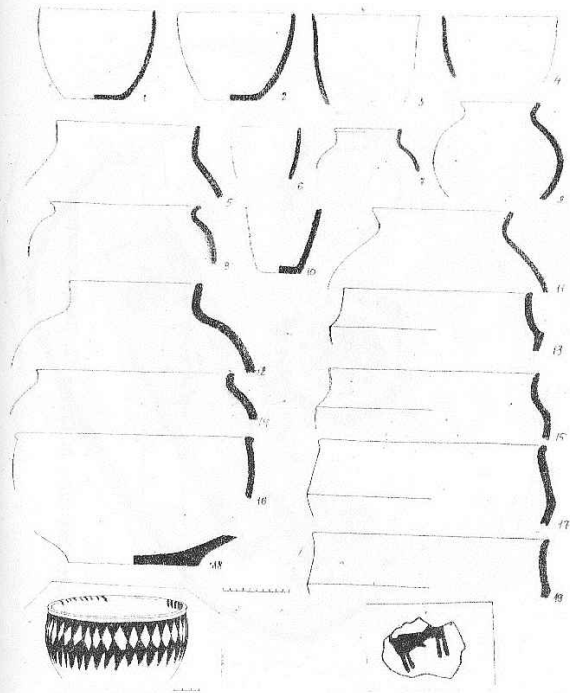

Рис. 3. Ошское поселение. Керамика с красной обливкой, образцы расписной керамики.

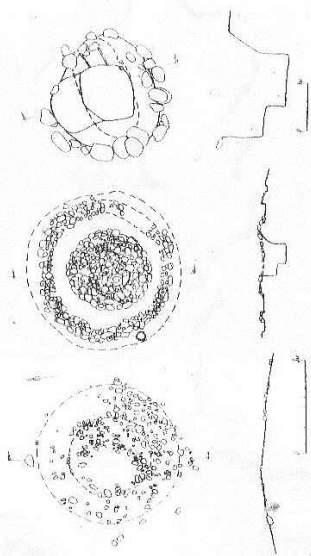

Рис. 4. Могильник Озгор II. Курган 12. Планы и разрезы.

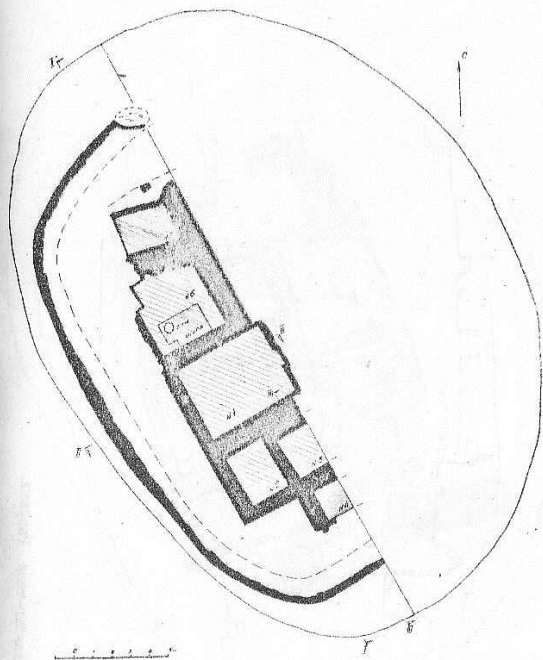

Рис. 5. Хожомбаг - тепе. План западной половины. 1, 2, 3, 6 - комнаты верхнего горизонта, 4, 7 - нижнего горизонта.

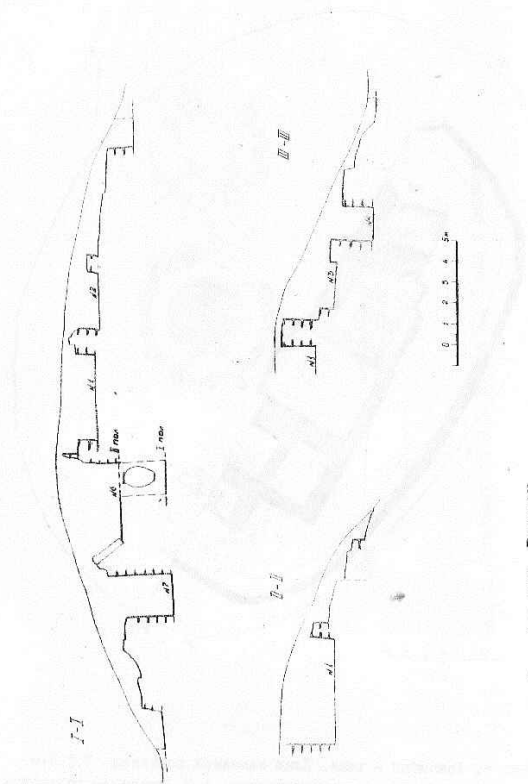

Рис. 6. Хожамдаг-тепе. Разрез.

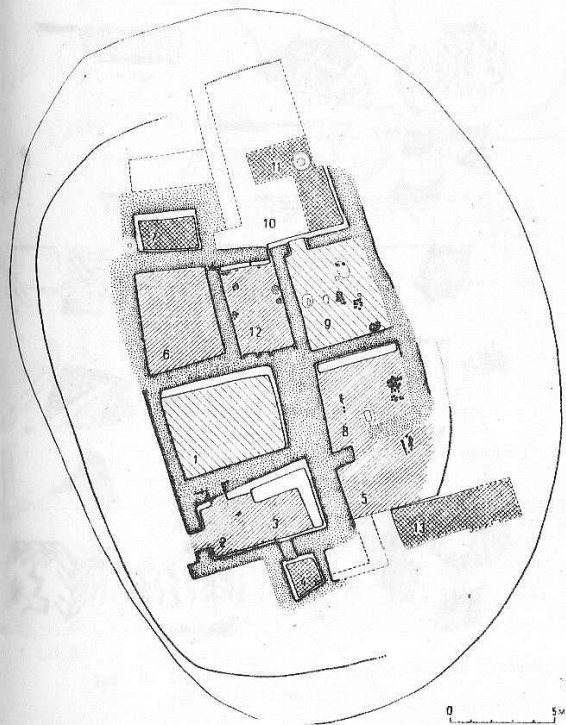

Рис. 7. Хожамдаг-тепе. План.

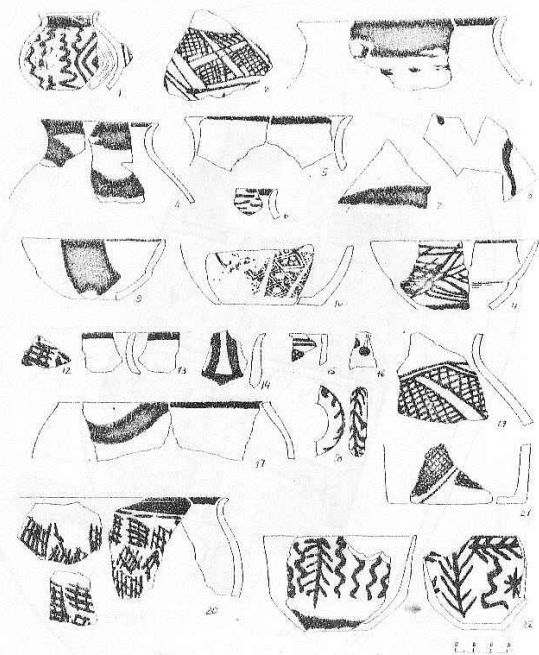

Рис. 8. Хожамбаг-тепе. Расписная и крашеная керамика.

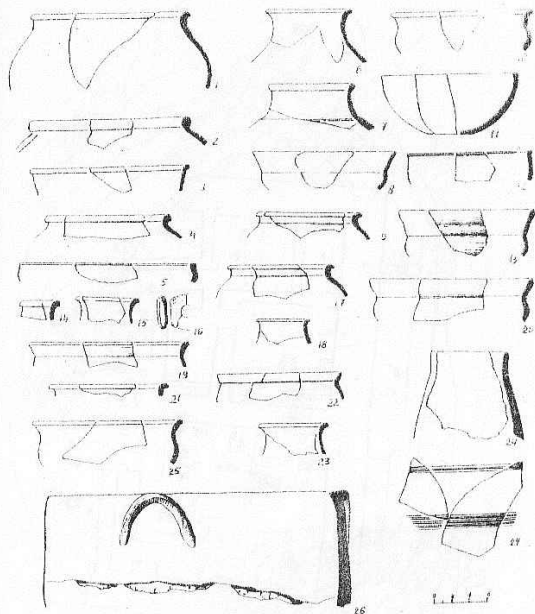

Рис. 9. Хожамбаг-тепе. Керамика с красным ангобом. Кухонный котел (внизу слева).

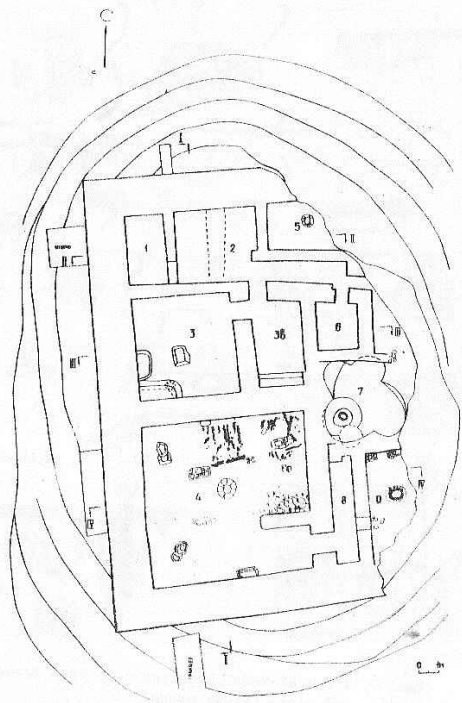

Рис. 10. Мирзалим-тепе. План.

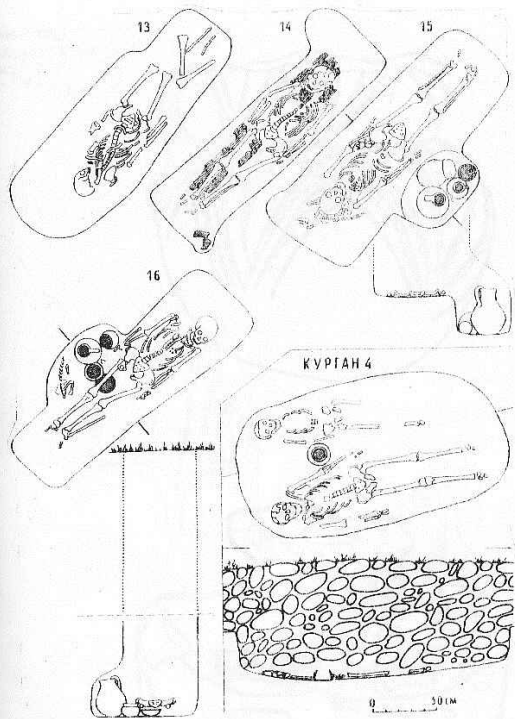

Рис. 11. Темір-кург. Плани могил 13-16; Темір-кург II, курган 4.

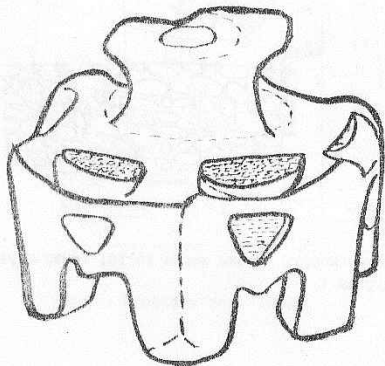
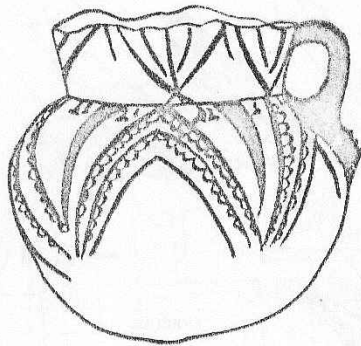

Рис. 10. Район Кизил-Кая, Расписной кувшины, курьельница.

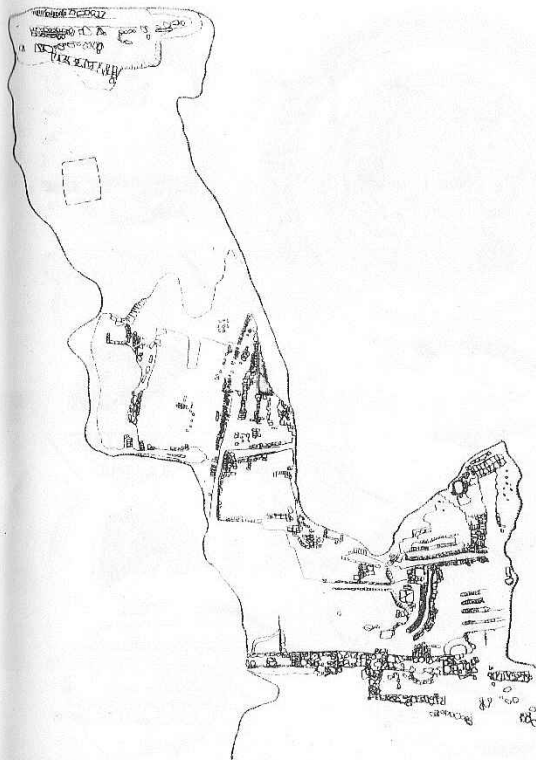

Рис. 13. Ст. Средневова бая. План раскопа.

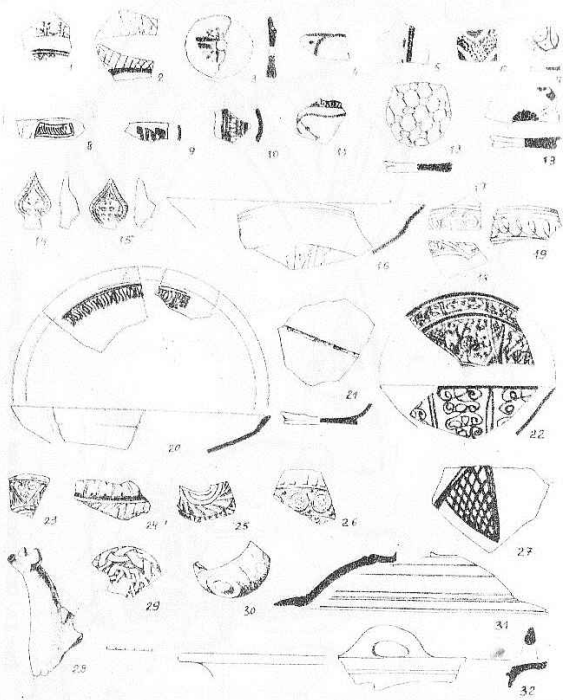

Рис. 14. Ост. Средневековая баня. Керамика.

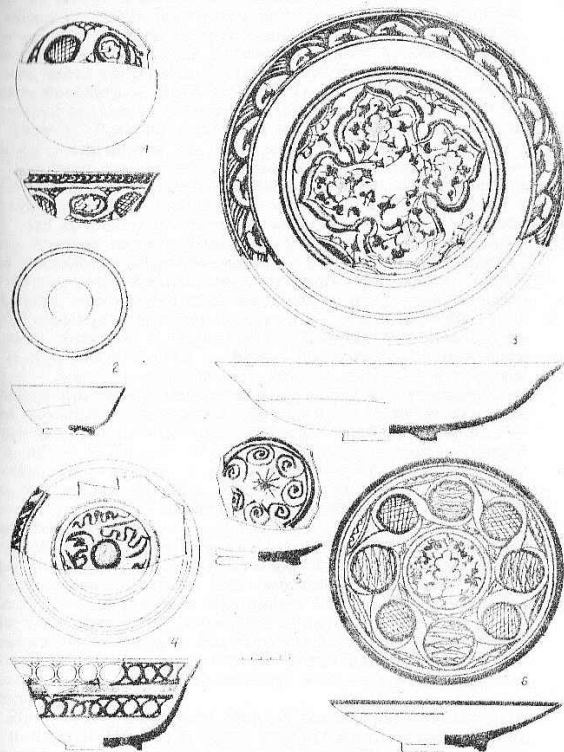

Рис. 15. Городецкие Меды. Подливная керамика ХУП-ХУШ вв.

лены из выпукло-вогнутой пластины с округлыми краями. На обоих концах выступают конические рожки со спиральным резным узором. Вокруг основания рожков — радиальный узор насечками. На пластинке одного браслета сохранилась часть треугольного орнамента. Диаметр — 7 см, вес целого браслета — 80,77 г. (рис. 1). Эта вторая находка подобных браслетов в Фергане. Первая происходит из района Узгена. Все они относятся к одному типу, хотя несколько различаются по размерам и орнаменту.

Подобные украшения обычно находят в женских погребениях, и они являются специфическими для андроновской культуры. Новая находка подкрепляет предположение о том, что браслеты этого типа были характерны для культуры степных племен Ферганы. Они имеют большое сходство с аналогичными браслетами из Ташкентского оазиса⁶ и Центрального Казахстана⁷. В настоящее время, следовательно, выделяются два основных центра распространения браслетов с литыми рожками: 1. Ташкентский оазис (долина Чирчика) и Фергана; 2. Центральный Казахстан.

В сел. Базар-Курган в 1973 г. на глубине 2,5 м найден кельт — лопатка своеобразной формы. Орудие с прямым рабочим краем и закругленными углами и с опущенными вниз покатыми плечиками. Круглая скрытая втулка возвышается над плечиками. Высота — 10,6 см, ширина — 8 см, вес — 377 г (рис. 16). Эта находка представляет новый вариант лопатковидных кельтов. В Северо-Восточной Фергане это вторая находка. Она по форме и размерам отличается от кельта — лопатки, найденной в с. Бешбала Багышской волости⁸.

Следовательно, в Фергане были известны по крайней мере две разновидности этих орудий. Аналогичные находки встречены на севере Кыргызстана — в долине Чу и на Иссык-Куле, а также в Восточном Казахстане. Большинство известных ныне кельтов — лопаток происходит с территории Кыргызстана. Рассмотренные случайные находки представляют еще одно свидетельство однородности культуры степных племен бронзового века на севере и на юге республики.

Интересный комплекс сосудов рассматриваемого периода найден в 1984 г. в зоне переработки Андизжанского водохранилища, на мысу между реками Карадарья и Яссы в Узгенском оазисе*.

* Приношу благодарность Б. А. Абдулгазиевой, любезно показавшей эти находки.

VI — чустский период эпохи поздней бронзы (конец II тыс. — рубеж VIII—VII вв. до н. э.), время существования древнеземледельческой культуры. Поселения чустской культуры выявлены в Угенском, Ош — Карасуйском и Наукатском районах. Больше половины из известных в настоящее время в Фергане 80 чустских памятников располагается на территории Южного Кыргызстана, что является показателем широкого распространения земледелия в это время.

Работы Ферганской экспедиции выявили новые данные об этих памятниках на юге республики и тем самым внесли существенный вклад в изучение чустской культуры Ферганы в целом.

Небольшие раскопки проведены на поселении Хожамбаг (1976—1977 гг.) в восточной части Отуз-адыра в Карасуйском оазисе. Здесь на нескольких холмах заложены шурфы и раскоп. В последнем открыты части 4—5 комнат глинобитной постройки, общей площадью 160 кв. м. На основном холме расчищена часть постройки с 12 хозяйственными ямами и очагом на полу и многочисленными находками керамики и каменных изделий.

В Хожамбаге выявлен новый для чустской культуры тип рассредоточенного поселения. Оно состоит из нескольких холмов разного размера и занимает площадь более 4 га. Судя по размерам, поселение Хожамбаг, видимо, было центром отузадырской группы чустских поселений, расположенной на протоках древней дельты Талдыкусу и насчитывающей более 200 памятников.

Большие стационарные работы проведены на Ошском поселении чустской культуры, находящемся на склонах центральной вершины горы Такти-Сулейман в центре г. Ош (1976, 1978—1982, 1984 гг.). Поселение занимает крутой южный склон и имело значительные размеры. На вскрытом участке площадью более 2000 кв. м. выявлено 15 жилых террас (рис. 2).

Своей необычной террасовидной планировкой Ошское поселение представляет новый, до этого неизвестный тип чустских поселений. Вообще это первое поселение с такой планировкой в среднеазиатской археологии. Оно отличается, очевидно, и по своему назначению.

На жилых террасах открыто 14 землянок овальной в плане формы и разного размера. В самой большой по площади землянке (100 кв. м) выявлена система ям для опорных столбов, на которые опиралась крыша. Она представ-

ляет собой четырехколонный зал с центральным световым проемом. Такая планировка жилища имеет важное значение для истории архитектуры Средней Азии первобытного периода. Ошское поселение — третий памятник чустской культуры, на котором обнаружены землянки.

На вскрытой площади поселения расчищено более 150 хозяйственных ям, служивших кладовками.

Найдены захоронения древних жителей на территории поселения. Один костяк положен на правый бок в скорченной позе головой на юг. Перед лицом стояли два типичных чустских сосуда. На северо-восточном участке на близком расстоянии друг от друга найдены две литейные формы, и весьма возможно, что на этом участке обитали мастера-литейщики или находилась их мастерская. Судя по ряду находок, обработка меди и бронзы производилась непосредственно на территории самого поселения.

На Ошском поселении найдены типичная чустская керамика (рис. 3) и каменные изделия. В коллекции оказалось необычно большое количество расписной керамики. В процентном отношении ее было больше, чем на всех других чустских памятниках. Имеются замечательные образцы посуды, украшенной росписью, свидетельствующие о высоком развитии прикладного искусства. В Фергане пока только на Ошском поселении найдены два образца расписной керамики с зооморфным узором — изображением козлов.

Три радиоуглеродных определений возраста: 1520 ± 40 до н. э., 990 ± 40 , 620 ± 40 до н. э. — дают достаточно веские основания датировать Ошское поселение концом II — началом I тыс. до н. э.

Необходимо особо отметить, что в 1981 г. в долине Науката обследовано второе поселение чустской культуры Юро-Дёбе. Оно представляет собой остатки отдельного дома-усадебки. Находится к юго-востоку от сел. Иски-Наукат и занимает обособленный холм на краю адыра. На поверхности, занятой современным кладбищем, собраны керамика и типичный для чустской культуры каменный серп.

Проведенные исследования показали, что, начиная с чустской культуры, наблюдается непрерывная преемственность в развитии оседло-земледельческой культуры населения древней Ферганы.

VII — зйлатанский период раннежелезного века (VII—IV вв. до н. э.). Новые материалы по этому периоду дают раскопки Ферганской экспедиции в могильнике Озгор-II (1979, 1980, 1982 гг.). Он располагается на левом

берегу р. Ак-бура, к югу от г. Ош. Всего вскрыто 19 курганов с захоронениями в неглубокой грунтовой могиле, вытянутой по линии запад-восток. На уровне дневной поверхности вокруг могилы сооружены две кольцевые выкладки из валунов (рис. 4). Погребенные лежат в вытянутом положении на спине, головой на запад, иногда с небольшим отклонением к югу. Все могилы ограблены. Но, несмотря на это, обнаружено значительное количество глиняных сосудов, бронзовый и железные наконечники стрел, железный чекан, украшения (браслет, перстень, кольцо, бусы), костяные поделки. Найденные станковые сосуды сходны с посудой Эйлтанского городища. В Озгоре оказалось необычно много станковых кувшиннов. Формы лепных сосудов разнообразны, и среди них имеются новые для этого времени типы.

По всем признакам конструкции могил, погребального обряда и инвентаря Озгор сходен с другими погребальными памятниками эйлтанской культуры (могильниками Актамской группы)⁹. Однако в нем отсутствует крашенная и расписная посуда, характерная для комплексов Ахтама. Локальное и, может быть, хронологическое отличие могильника Озгор проявляется также в находках железных наконечников стрел.

Добытые в Озгоре материалы расширяют наши представления о культуре эйлтанского периода в Ошском оазисе, ранее известные только по небольшим находкам в могильнике Тюлейкен, изученном в 1947 г. А. Н. Бернштамом.

Аналогичные захоронения в новом районе открыла Г. А. Брыслан. В 1981 г. она раскопала 6 подобных курганов в могильнике Андархан в долине Ходжа-Вақырган в юго-западной части Ошской области¹⁰. В комплексе Андархана так же, как в Озгоре, отсутствует расписная керамика.

Рассмотренные памятники позволили охарактеризовать некоторые новые особенности культуры поры раннего железа и прежде всего расширили наши знания об ареале могильников эйлтанского периода, принадлежавших оседло-земледельческому населению Ферганы.

На окраинах Ферганы в этот период обитали кочевые сакские племена, новые памятники которых исследовали в 1978 г. в долине Кетмень-Тюбе И. Кожомбердиев и К. Ташбаева¹¹, а также в долине Карасу.

Курган этого же времени раскопан в 1980 г. в могильнике Темир-Коргун II в долине Науката. В широкой грунтовой могиле, заваленной валунами, обнаружены два костяка, лежащие в вытянутом положении на спине, головой на запад. Между костяками стояла лепная чаша (рис. 11, курган 4).

Сравнительное изучение погребальных памятников древних ферганцев и кочевников сакского круга позволяет выявить общее и особенное в них и обнаружить принципиальное различие их культуры, а также существование тесных культурных и торговых связей между земледельческим и кочевническим населением.

VIII — шурабашатский период (IV—I вв. до н. э.), поры сложения и расцвета древнеферганского (Даванского) государства.

В настоящее время известно уже более 50 шурабашатских поселений, подавляющая часть которых сосредоточена на территории Южного Кыргызстана. Добытые Ферганской экспедицией материалы на четырех памятниках (Хожамбаг-тепе, Мирзалим-тепе, Чаян-тепе и Мады) дают возможность по-новому осветить некоторые стороны шурабашатской культуры и разработать дробную периодизацию шурабашатского периода.

На Хожамбаг-тепе, расположенном к западу от одноименного чустского поселения в Карасуйском оазисе, раскопки проведены в 1976—1977 гг. В первый сезон вскрыта западная половина, во второй — восточная. На тепе выявлено два строительных горизонта. Удалось почти полностью вскрыть планировку верхнего горизонта. Дом прямоугольной в плане формы, площадью 750 кв. м, состоит из 7 комнат, расположенных в три ряда с севера на юг. Среди небольших помещений выделяется размерами комната площадью 20 кв. м. (рис. 6). Здание нижнего горизонта вскрыто частично в северной и южной частях тепа. Стены комнат сохранились на высоту 2,2—2,8 м. Постройка нижнего горизонта занимала большую площадь и была ограждена массивной оборонительной стеной, овальной в плане формы (рис. 5, 6). В целом постройка на Хожамбаг-тепе дает представление о планировке укрепленного дома-усадьбы рядового общинника.

В комплексе керамики Хожамбаг-тепе представлены все типы, характерные для шурабашатской культуры. Найденные типичные образцы лепной крашеной и расписной посуды (рис. 8), среди которой имеются оригинальные экземпляры.

пляры (рис. 8-1, 10, 22). Значительное количество створок керамики покрыто красным ангобом (рис. 9). Кухонные сосуды аналогичны находкам в Шурабашате (рис. 9-26).

В 1979—1980 гг. почти полностью раскопана вторая усадьба рассматриваемого периода — Мирзалим-тепе — на восточной окраине г. Ош. Она относится к типу тепе с площадкой. В северной части возвышается холм, на котором открыты остатки укрепленного дома. Дом прямоугольный в плане, площадью 400 кв. м. Оборонительные стены из прямоугольных блоков, толщиной 2 м, сохранились на высоту 2,4 м. Монументальной стеной дом разделен на примерно равные северную и южную половины (рис. 10). В северной части 6 небольших комнат, расположенных в два ряда и соединенных проходами. Судя по всему, северная половина была жилой частью дома, где находились жилище, хозяйственные и подсобные помещения.

В южной половине выделяется квадратный зал, размером 8,2×8,2 м. В центре пола большой, возможно, культовый очаг. По четырем сторонам на равном расстоянии в 2 м от очага находятся ямы для столбов перекрытия. Вдоль стен зала проходил деревянный помост, от которого дошли частично сплывшие бревна. Эта комната представляет собой большой четырехколонный зал (традиция, восходящая к Ошскому поселению) с помостом вокруг центрального очага. Она служила, видимо, михмонханой — помещением для гостей и праздничных приемов. Реконструкция этого парадного зала опубликована в первом томе «Истории Киргизской ССР» (Фрунзе, 1984. С. 184).

Особо отличается своей необычной фигурной в плане — четырехлепестковой — формой комната 7 на восточном краю. В ней не найдено каких-либо данных для определения назначения ее. Уникальная по плану комната не находит аналогий в Ферганае и в других областях Средней Азии. Можно допустить использование ее в культовых целях. Имеются основания полагать, что дом-усадьба построен на высоком фундаменте — стилобате. И в целом он представлял собой сильно укрепленный замок.

Изучение двора только начато. Наличие двора очень отличает планировку Мирзалим-тепе от Хожамбаг-тепе.

Собрания на Мирзалим-тепе керамика по количественному соотношению основных групп аналогична комплексу Хожамбаг-тепе и отличается от Шурабашатского и Карадарьинского городищ. На этом основании выделено три этапа в развитии шурабашатских памятников. Комплексы

Хожамбаг-тепе и Мирзалим-тепе относятся к позднему этапу шурабашатской культуры, который назван хожамбагским. Это подтверждается и радиоуглеродной датой 1880±40, т.е. 70±40 н. э. Следовательно, дом-усадьба Мирзалим-тепе существовал в пределах 30—110 гг. н. э. Опираясь на это, можно с известным основанием датировать памятник I в. до н. э. — I—II вв. н. э.

Оба дома-усадьбы, судя по находкам, относятся к одному и тому же периоду. Они расположены в одном оазисе на расстоянии 15 км по прямой, но представляют два разных по планировке сооружений. Эти разновидности домов-усадоб характерны, очевидно, для основной массы земледельческого населения эпохи Даваньского государства. Они позволяют дополнить типологию шурабашатских поселений в целом.

Необходимо оговорить, что относительная хронология трех этапов шурабашатской культуры имеет определенные основания стратиграфического порядка и опирается на заметные изменения количественного состава комплекса керамики. Значительно сложнее с установлением абсолютной хронологии. Следует признать, что имеющихся в настоящее время радиоуглеродных дат для этого недостаточно, учитывая отсутствие каких-либо датированных находок на поселениях. Поэтому вопрос остается открытым, и требуется дальнейшее накопление фактов.

Сложная ситуация сложилась с определением времени могильника Темир-Коруг, который автор датировал первыми веками н. э. и отнес к мархаматскому периоду I—IV вв. н. э.¹² Позднее были получены радиоуглеродные определения, которые повлекли пересмотр ранее предложенной даты.

Поселение и могильник Темир-Коруг расположены на одном холме. Этот комплексный памятник находится восточнее сел Янги-Наукат. В ходе раскопок Ферганской экспедиции (1976, 1978, 1980, 1981 гг.) вскрыто 87 погребений, и по количеству изученных могил это наиболее полно исследованный памятник в Ферганской долине. Могильник занимает северную часть холма и вскрыт на участке площадью 5000 кв. м. Проведенные работы позволили довольно полно охарактеризовать конструкцию могильных сооружений, погребальный обряд и сопровождающий инвентарь.

Захоронения производили в простых грунтовых могилах, перекрытых накатом из бревен арчи и без могильных насыпей (рис. 11). Часто концы бревен выходили за преде-

лы могилы. Преобладают одиночные погребения, умершие лежат в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад и реке северо-восток, юг и север. Только в одной могиле оказались захоронения трех женщин разного возраста.

Отличительную особенность могил составляют ниши, выкопанные в боковых стенках, куда ставили глиняные сосуды.

Другая примечательная особенность обряда — положение в могилу целых туш овцы, иногда даже двух. В ряде могил одновременно с тушами овцы положены птицы из породы фазановых. В нескольких случаях в дно могилы до захоронения были вкопаны сосуды и поверх них уложены трупы умерших.

Погребальный инвентарь включал несколько глиняных сосудов, прясло, сурьматаш, металлические украшения, железный нож, раковины каури и бусы.

В Темир-Коруге найдено более 200 лентных и станковых сосудов, которые встречены в разных сочетаниях.

Станковая посуда ремесленного производства покрыта красным ангобом. Довольно много чаш и сосуды других форм, типичных для поселений Ферганы. Среди них имеются чаши с резким перегибом стенок и небольшими клювовидными ручками. Несколько станковых сосудов украшены полосами-назками красной краски. Такой прием засвидетельствован впервые в керамике этого периода.

Два сосуда с красным ангобом украшены прогарпанным узором, что представляет наиболее специфический признак культуры Ферганы древнего периода. Керамика могильника сходна с находками на поселении Темир-Коруг и находит многочисленные аналоги в материалах поселений Ферганы. Вместе с тем в комплексе имеется много оригинальных и новых типов, особенно лентной посуды.

Остальной инвентарь ограничен: бронзовые бобовидные серпы, аналогичные находкам в Гурмироне, небольшое бронзовое зеркало с петелькой в центре, единственный железный наконечник стрелы, кусочки золотой фольги. В двух могилах найдено по одной ханьской монете у-шу. Судя по обряду и ординарности инвентаря, социальное положение погребенных однородно — это были рядовые общинники.

В Темир-Коруге при земляных работах найдена уникальная золотая фигурка птицы с подвесками. Наибольшее сходство она имеет с находками в княжеских погребениях

Тилля-тепе в Афганистане, датированных I в. до н. э. — I в. н. э. Этим же временем, видимо, следует датировать фигурку птицы из Темир-Коруга¹³.

Дата Темир-Коруга установлена путем сравнения с другими памятниками Ферганы и опирается на находки монет у-шу и радиоуглеродные определения возраста.

Анализ находок монет у-шу в Фергане позволил заключить, вопреки высказанным в литературе мнениям, что эти монеты нельзя исключать при решении вопросов хронологии. Начало чекана у-шу — 118 г. до н. э. — определяет нижний хронологический рубеж и является для Темир-Коруга *terminus post quem*.

Конкретно-исторические условия содействовали появлению в Фергане ранних чеканов этих монет в конце II—I в. до н. э. Три радиоуглеродные даты из двух могил дали: 140 ± 40 ; 120 ± 40 до н. э.; 80 ± 40 , т. е. II—I вв. до н. э. Совпадение этих независимых и объективных данных позволяет датировать могильник Темир-Коруг II в. до н. э. — I в. н. э.

Несомненно, желательно появление дополнительных данных для датировки. Но в настоящее время Темир-Коруг — единственный в Фергане памятник древнего периода с такой более или менее твердо установленной датой.

Аналогичные Темир-Коругу погребения обнаружены на Чайн-тепе (на окраине г. Ош) в 1981—1982 гг.

Оба эти могильника позволяют охарактеризовать особенности погребального обряда ферганцев поры расцвета Даваньского государства. Они стали эталоном для выделения из общей массы известных в Фергане погребальных памятников, могильников, принадлежащих оседло-земледельческому населению. В этом отношении особое значение имеет сходство с могильником Кайноват, открытым на трассе Большого Ферганского канала. На расположенном рядом с ним городище Кайноват была найдена монета — варварское подражание Гелиокулу (II в. до н. э.), которая долгие годы являлась единственным датированным основанием для определения времени красноангобированной керамики Ферганы¹⁴.

Группа могильников Темир-Коруг, Чайн-тепе, Кайноват и других хронологически соответствует раннему этапу культуры древней Ферганы (II в. до н. э. — I в. н. э.), выделенному Н. Г. Горбуновой¹⁵. Этот этап представлен весьма ограниченным материалом. Массивные находки Темир-Коруга и Чайн-тепе кардинально меняют наши представления о

культуре этого этапа. Они свидетельствуют о высоком уровне ее, что подтверждают сообщения письменных источников о Фергане поры расцвета государства Давань.

Вопрос о существовании в этот период двух локальных культур в Фергане, представленных шубрабашатскими памятниками и памятниками типа Темир-Коруг должен являться темой специального исследования.

IX — мархаматский период (I—IV вв. н. э.). На упомянутом Чаян-тепе помимо погребений найдена серия сосудов с красным ангобом. Часть из них, по всей вероятности, синхронна погребениям II в. до н. э. — I в. н. э., а какая-то часть относится к первым векам н. э. В свете материалов Темир-Коруга дробная хронологическая классификация керамики древней Ферганы, предложенная Н. Г. Горбуновой, очевидно, требует уточнения, и поэтому вопрос о характерных для первых веков н. э. типах керамики остается открытым.

К рассматриваемому периоду относятся могильники с захоронениями в катакомбах и подбоях, исследованные в разных районах Южного Кыргызстана.

Продолжались раскопки могильников этого времени в Кетмень-Тюбе и в Кара-Куле (И. Кожомбердиев). В могильнике Озгор-I к югу от г. Ош Ферганская экспедиция в 1979 г. раскопала несколько курганов. В одном из них обнаружена катакомба хангизского типа. В камере находился разрушенный костяк женщины в сопровождении богатого инвентаря — плоского круглого бронзового зеркала, бронзовой пряжки с подвижным язычком, бронзового перстня с гнездом для вставки, круглого медальона с треугольными стеклянными вставками, бронзовой цепочки, сердоликовых бус, небольшой кружки с красным ангобом. В могиле находились также кости барана. Указанный курган — первый в Ошском оазисе памятник с захоронением в катакомбе.

Могильники с катакомбами открыты и в долине Папака (А. Абетков). Ценные материалы выявлены в 1976 г. в известном Кара-булакском могильнике, где В. П. Мокрынин раскопал 21 курган.

Систематически исследует могильники первых веков н. э. в Лийлякском районе Г. А. Брынина, которая провела, в частности, большие раскопки в могильнике Кайрагач в долине Ходжа Бакырган, где вскрыто около 50 курганов.

Таким образом, несмотря на то, что количество исследованных погребальных памятников значительно возросло и выявлены они в новых районах, основной вопрос — о датировке — все еще остается спорным и нерешенным.

В настоящее время большинство археологов датируют рассматриваемые памятники I—IV вв. н. э., первой половиной I тыс., а поздние могильники — IV—VI или IV—VII вв. При этом не всегда такие даты аргументированы. Так, в могильнике Кайрагач автор раскопанные им на IV площадке курганы отнес к первым векам н. э.¹⁶ Г. А. Брынина после продолжения работ разделила курганы этого могильника на две хронологические группы: I—III вв. и V—VI вв. При этом она пишет, что захоронения на II и IV площадке синхронны поселению Кайрагач и могут быть датированы V—VI вв.¹⁷ Поскольку она не делает никаких оговорок, то получается, что исследованные мною курганы на IV площадке относятся к V—VI вв. С такой датировкой никак невозможно согласиться.

Следует оговорить, что катакомбные могильники V—VII вв. относятся к иному историческому периоду, к которому принадлежит и могильник Уч-Ат с катакомбными захоронениями VIII — начала — IX века.

Весьма важным в изучении этих памятников является вопрос о времени появления их в Фергане, определение нижней грани хронологии. В этой связи почему-то забывают о том, что новые материалы, добытые на известном могильнике Гурмирон, позволили датировать его последними веками до н. э. — I—II вв. н. э. Эта дата основана на находках мелких трехперых железных наконечников стрел и серии монет у-шу¹⁸. С такой датировкой следует, видимо, согласиться. Для того, чтобы разобратся в спорных вопросах хронологии рассматриваемых памятников, следует вновь заняться проблемой датировки узлового памятника — Кенкола — в свете новых данных, появившихся в среднеазиатской археологии, в частности, по типологии железных наконечников стрел.

X в. — период ломки старых рабовладельческих отношений и формирование феодального общественного строя. Поселение Кайрагач (IV—VI вв.) в Юго-Западном Кыргызстане является важнейшим в настоящее время памятником для изучения культуры, хозяйства и идеологии земледельческого населения поры сложения новых, феодальных отношений. Широкоамбитные раскопки Г. А. Брыниной на этом поселении выявили жилые комплексы с орудиями

и утварью, а также святилище с уникальными глиняными идолами¹⁹.

XI в. — раннесредневековый период. К этому периоду относятся могильник Уч-Ат возле районцентра Исхи-Наукат, в котором были раскопаны новые могилы с катакомбными захоронениями. Уч-Ат — наиболее поздний среди известных катакомбных памятников Ферганы. Он датируется раннесаманидским временем (конец VIII — начало IX в.)²⁰.

В 1978 г. выявлено каменное изваяние в долине Талдык-Суу. От каменной бабы сохранилась верхняя часть прямоугольной стелы. На одной плоскости выбито изображение лица человека. Это вторая находка каменной бабы VI—VIII вв. на юге республики. Третья находка обнаружена в районе сел. Кызыл-Джар и обследована в том же 1978 г. Они документируют распространение древних гюрков на территории Южного Кыргызстана.

Для характеристики раннесредневековой культуры Юго-Западного Кыргызстана большой интерес представляют находки в поселениях в районе г. Кызыл-Кия, которые хранятся в школьных музеях и у краеведов. Среди них выделяется кувшин с волнистым трефовидным венчиком, с петлеvidной небольшой ручкой, на поддоне (обломан). Сосуд украшен двухцветной росписью (рис. 12), которая как бы предвосхищает прием орнаментации ферганских мурбаби X—XII вв. Своей формой она напоминает сосуды Пенджикента.

Уникальная глиняная курительница, шестигранной формы в плане, на 6 массивных ножках и с небольшим резервуаром наверху (рис. 12). Имеется также лепная кружка с волнистым трефовидным краем, аналогичная найденным в могильнике Уч-Ат, а также в Пенджикенте.

XII в. — средневековый домонгольский период. В центре г. Ош у восточной подошвы горы Такти-Сулейман в 1984 г. Ферганская экспедиция доисследовала строительные остатки бани. На участке 500 кв. м. выявлено около 15 помещений средневековой бани (рис. 13). Судя по найденной керамике (рис. 14) и по находкам саманидских и караханидских монет, она функционировала в X—XII вв. Стены из жженого кирпича сохранились в некоторых местах на высоту 2 м. Обнаружен фундамент внешней стены бани из больших блоков тесаного камня. По сохранившимся контурам можно реконструировать восьмиугольный зал под куполом и с двумя проходами. Расчищены в ряде

пунктов водоводные тоннели, а также ванна-резервуар, покрытая гидравлическим раствором. В целом выявленные части бани убедительно свидетельствуют о высокой городской культуре феодального Оша. Известно, что общественные бани-хаммам составляли неременный и важный элемент застройки средневековых городов Востока. Они выполняли разнообразные функции и часто служили своего рода общественными клубами. Количество и качество бань служило показателем процветания городов. Ошская средневековая баня — первая на юге Кыргызстана. В Оше средневековых построек не сохранилось, исключая мавзолей Асафа — иби Бурхия, неоднократно перестраивавшегося.

Таким образом, открытые части бани домонгольного периода представляют собой наиболее древнее архитектурное сооружение феодального города Ош. Учитывая все сказанное, необходимо продолжить исследование ее и принять меры к сохранению и консервации этого ценного архитектурного памятника.

В этой связи следует вспомнить печальную судьбу уникального подземного мавзолея, видимо, XI—XII вв. в Кочкор ата, находившегося на поле колхоза им. Рахмаджана. Во время обследования автора в 1966 г. еще сохранились основные части подземного погребального склепа из жженого кирпича, четырехугольного в плане, под куполом. Сохранилась и лестница, которая вела на поверхность земли. При повторном обследовании в 1981 г. никаких следов сооружения не обнаружено, и у местных жителей от него сохранилось только несколько кирпичей.

XIII в. — позднесредневековый период. К этому времени относятся остатки построек в северном пригороде Оша. Они были открыты совершенно неожиданно в 1980 г. К. В. Нишкиным по материалам аэрофото. Для проверки на участке хлопкового поля на северной окраине г. Ош заложили шурф. На глубине 80 см обнаружен культурный слой с поливной керамикой XV—XVI вв., аналогичной находкам на поверхности поля.

Особый интерес представляют материалы, добытые на городище Мады, которое академик В. В. Бартольд сопоставил со средневековым городом Медва. Городище расположено на двух площадках адыра к югу от намрековской дороги и к северу от нее под современными постройками. Работами Ферганской экспедиции 1982 и 1984 г. установлено, что поселение возникло на этом месте в шурабатский период. Тогда же были построены мощные оборонительные

стены из кирпича. Затем в истории Мады наступил длительный перерыв, и жизнь возобновилась только в после-монгольский период.

Культурные отложения позднесредневекового периода залегают непосредственно на шурабашатском слое. Толщина их достигает 4,8 м.

На обеих частях городища не найдено материалов, характерных для домонгольского периода IX—XII вв. Поэтому появились сомнения в правильности отождествления Мады — Медва. Весьма возможно, что материалы этого периода могут быть обнаружены в той части городища, которая находится под строениями современного Мады. Во всяком случае вопрос о локализации средневекового города Медва остается открытым до проведения специальных работ на территории райцентра Мады.

Находки, главным образом керамики, дают основания датировать поздний этап жизни городища. В этом отношении наиболее показательны замечательные образцы художественной поливной посуды. Отражает на себя внимание большое блюдо на кольцевом поддоне (рис. 15-3). Оно украшено концентрическими полосами. Середина блюда занимает крупная четырехлепестковая композиция, заполненная растительными побегами с крупным бирюзовым цветком в центре. Узор двуцветный — черного и бирюзового цвета на белом фоне.

Второе блюдо меньшего размера (рис. 15-6). В центре в круге изображен крупный бирюзовый цветок в окружении побегов с листочками, затем идет полоса из восьми кружков, попеременно заштрихованных решеткой и волнистым узором. Все круги связаны зигзагообразной белой полосой. Чаша на кольцевом поддоне, с орнаментом на обеих поверхностях. Снаружи две полосы завитков-спиралей, разделенные бирюзового цвета полосой. Внутри в центре чаши кружок бирюзового цвета и вокруг несколько зигзагов (рис. 15-4). Чаша со сплошным украшением обеих поверхностей (рис. 15-1).

Целая пиала на поддоне, покрытая белой поливой. Черной полосой украшена закраина (рис. 15-2). В коллекции много обломанных донцев блюд на кольцевом поддоне, подобно образцу на рисунке 15-5.

Образцы поливной керамики Мады относятся к позднему средневековью, который для Ферганы изучен слабо. Сопоставление с находками в Ходженте — Ленинабаде²¹ и прежде всего с обширной коллекцией Отрара²² позволяет

в предварительном порядке датировать поливную керамику Мады XVII — началом XVIII в. Следует говорить, что прямых аналогий не удалось обнаружить, и поэтому можно говорить о самобытности изделий гончаров Оша и Ошского оазиса.

Обнаруженный на городище Мады комплекс XVII — начала XVIII в. является наиболее поздним в археологии Кыргызстана в целом. Он восполняет наши знания о культуре позднесредневекового населения края и позволяет связать археологические материалы с музейными коллекциями и этнографическими данными. Проведенные разведывательные работы привели к существенным изменениям наших представлений об этапах истории городища Мады.

Изложенная периодизация первобытной, древней и средневековой истории Южного Кыргызстана в общем виде отражает основные итоги археологических исследований, проведенных в рассматриваемый период, с учетом ранее накопленных данных. Несомненно, что она нуждается в дальнейшем уточнении и дополнении. Но вместе с тем она может послужить хорошей основой, исходной базой для оградания последовательной картины развития культуры земледельческого и скотоводческого населения юга Кыргызстана за весь исторический период.

Литература

1. Исламов У. И., Оманжолов Т. Пещерная стоянка Сель-Ункур (древнепалеолитический памятник в Ферганской долине) // ИМКУз (Вып. 19. — Ташкент, 1984. С. 18—27.
2. Окладников А. П., Касымов М. Р., Конопля П. Т. Капчыгайская палеолитическая мастерская // ИМКУз. Вып. 5. — Ташкент, 1964. С. 6—11.
3. Павлов П. Г. Новые находки каменного века в Южной Киргизии // СА. 1983. № 2. С. 213—216.
4. Исламов У. И. Общирская культура. — Ташкент, 1980.
5. Юнусалиев Б. М. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. — Фрунзе, 1970.
6. Курьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. ВЧ-9. — М., 1966.
7. Маргулян А. Х. Ветзы — дадыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алята-Ата, 1979.
8. Зайнатовский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. № 118. — М.; Л., 1962.
9. Горбунова П. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСР. 1932. Вып. 5.
10. Брайанс Г. А. Новый могильник в Юго-Западной Фергана // ИСПА. 176. 1983. С. 105—110.
11. Ташибаева К. И. Раннековшевичский могильник Джаргата // ИСПА. 167. 1981. С. 91—94.

12. *Заднепровский Ю. А.* Древняя Фергана // История Киргизской ССР. Т. 1. — Фрунзе, 1984. С. 187.

13. *Заднепровский Ю. А.* Уникальная находка из Южной Киргизии // СА. 1985. № 3. С. 258—259.

14. *Обалдуева Т. Г.* Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // ТИИА АН УзССР. Т. 4. — Ташкент, 1951.

15. *Горбунова Н. Г.* Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры // ТГЭ. XX. 1979. С. 114—146.

16. *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Омской области. — Фрунзе, 1960.

17. *Брыкина Г. А.* Могильник Кайрагач в Южной Киргизии // КСФА. 170. 1982. С. 124.

18. *Кадыров Э.* Новые материалы к изучению культуры древних скотоводов Ферганы // УСА. Вып. 3. 1975. С. 33—36.

19. *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. — М., 1982.

20. *Заднепровский Ю. А.* Некрополь в Южной Киргизии // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. — Фрунзе, 1982. С. 79—87.

21. *Беллева Т. В.* Художественная керамика XIII—XIX вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. — Алма-Ата, 1983. С. 38—51.

22. *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Подземные некрополи Отрар (XVI—XVIII вв.). — Алма-Ата, 1981. С. 162 и сл.

Н. Г. ГАЛОЧКИНА

СВЯЗЬ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ КЫРГЫЗСТАНА С ПАМЯТНИКАМИ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Территория Кыргызстана в эпоху бронзы входила в юго-западную часть культурной общности степных скотоводческо-земледельческих племен, оставивших памятники андроновского типа, известные на огромной территории Казахстана, Урала, Западной Сибири, во многих районах Средней Азии, вплоть до Северного Афганистана.

Культура скотоводческо-земледельческих племен Кыргызстана эпохи бронзы характеризуется следующим рядом устойчиво сочетающихся признаков.

1. Типы надмогильных сооружений:

- округлая, овальная или прямоугольная оградка из камня, уложенного плашмя в 1—3 ряда только по периметру;
- округлая или прямоугольная каменная оградка со сплошной каменной вымосткой внутреннего пространства (вымостка может лежать ниже уровня камней, образующих периметр оградки);
- прямоугольная каменная оградка со сплошной вымосткой внутреннего пространства или каменной кладкой только по периметру и внутренними перегородками из камня в сочетании с курганной насыпью.

2. Бескурганые оградки могут быть одиночными, с одной или двумя маленькими оградками-пристройками или состояли из ряда примыкающих друг к другу больших оградок и одной или нескольких маленьких пристроек. Преобладающая ориентировка на поверхности прямоугольных оградок — северо-восток — юго-запад.

3. Способ погребения — сожжение (вне могилы) или труположение с согнутыми руками и ногами. Преобладает первый способ.

4. Вид захоронения:

- при кремации останки помещались или на грунтово-дощатое дно могилы (в ее центре или в одном из углов), или складывались прямо на поверхности внутри оградки и закрывались курганной насыпью;
- при трупоположении покойного укладывали на грунтово-дощатое дно могилы с согнутыми руками и ногами, головой на запад, север, северо-запад, северо-восток, юго-запад, юг.

5. Могилы — небольшого размера ямы с каменными перекрытиями. Изредка встречаются могилы с каменной кладкой стен или только верх ямы имеет 2—3 ряда каменной кладки. Известны две ямы с оштукатуренными глиной стенками и одна — с обкладкой стен деревом. Дно грунтово-дощатое.

6. Сопровождающий инвентарь:

- сосуды лепные, горшковидной и баночной формы, серого серо-коричневого и черного цветов, плоскодонные, асимметричные, чаще всего неорнаментированные; орнамент геометрического характера, располагается зонально;
- инструменты: четырехугольные и шестигральные шпиль, ножи, иглы с продолговатым ушком;
- украшения: бусы бронзовые, сурьмяные, пастовые (бронзовые имеют звездчатую форму или сошпунты в колечко из проволоки, но слегка сплюснутой проволоки); сурьмяные — биконической формы; пастовые — составлены из нескольких долек); серьги с широким раструбом конической формы на одном конце, кованые серьги, раструб которых образован из проволоки, скрученной по спирали в конус, изготовлены из бронзы, серебра, есть обернутые золотой фольгой; браслеты бронзовые с закругленными заходящими друг за друга или незамыкающимися краями, изредка встречаются браслеты со спиралевидными концами на концах; кольца с незамкнутыми сужающимися краями; бронзовые пластинки-накладки (или подвески), некоторые из них имеют простой геометрический орнамент; бляшки бронзовые круглые, с отверстиями для нашивания; сплюснутые бронзовые «обоймочки»; раковины-каури с отверстиями для крепления.

7. Поселения: специально не исследовались. По имеющимся немногим фактам, основным видом жилища была полуземлянка. Так, в местах обнаружения культурного слоя (при строительстве БЧК в Чуйской долине и в местности Джал-Арык Токтогульского района) он залегал на глубине 1,5—2 м от современной поверхности.

Исследованные андроновские памятники Кыргызстана принадлежат к двум хронологическим периодам — ранней (XV—XII вв. до н. э.) и поздней бронзы (XII—IX (VIII) вв. до н. э.). Для периода ранней бронзы известны единичные памятники алакульского и федоровского типа.

К памятникам алакульского типа относится коллекция керамики с территории Беловодской крепости¹. С керамикой алакульского типа ее роднит технология изготовления, состав теста, способ нанесения орнамента и орнаментальные мотивы. Датирован этот комплекс XV—XIV вв. до н. э.²

К памятникам федоровского типа причислены могильник Арпа, захоронение у совхоза «Пригородный» и пункт на северном берегу озера Иссык-Куль со случайной находкой сосуда³. С памятниками федоровского типа их объединяют такие черты, как форма и орнаментальные мотивы керамики, погребальный обряд — захоронение в прямоугольно-концентрических оградках под небольшими насыпями, трупоожжение (Арпа) и трупоположение (Пригородный)⁴.

Но есть и другая точка зрения, высказанная М. П. Грязновым: он считает, что эти памятники следует связывать не просто с памятниками федоровского типа, а выделить их в особый археологический комплекс таутаринского типа, существовавшего в Средней Азии в период, предшествующий алакульскому этапу андроновской культуры на основной территории ее распространения⁵.

Памятники поздней бронзы (XII—IX (VIII) вв. до н. э.) распространены на территории Кыргызстана повсеместно. Это могильники, клады изделий из металла, остатки поселений, случайные находки разных предметов (сосуды, инструменты, украшения и т. п.)⁶. Сопоставление могильников Таласской, Кемтен-Тюбинской, Арпшской и Иссык-Кульской долин Кыргызстана указывает на большое их сходство как между собой, так и с аналогичными памятниками Казахстана, Ташкентского оазиса, Ферганы, Паранды⁷.

Наибольшая близость и сходство этих памятников Кыргызстана прослеживается с культурными комплексами

поздней бронзы прежде всего Юго-Восточного Казахстана и Ферганы, а также Северного и Центрального Казахстана.

Так, погребения Джазы-Кечу в Кетмень-Тюбе имеют много общих черт с погребениями поздней бронзы в Таласской, Чуйской и Арпинской долинах (имеется в виду погребение на реке Кара-Кол — притоке р. Джаманты) Кыргызстана. Кладки ряда его могильных ям идентичны кладкам Даханского могильника из Западной Ферганы. Погребения в Джазы-Кечу расположены рядами, расстояние между которыми 3—8 м. Двумя группами расположены восемь погребений Даханского могильника, с расстоянием между ними 3—4,5 м. Сходство проявляется также в форме сосудов, технологии их изготовления, отдельных мотивах орнамента (зигзаг из точек, резная «елка») ⁸.

Планировка и строительные приемы оградок вокруг могил из Джазы-Кечу аналогичны оградкам Буадильского и Арсифского могильников Ферганы. Сходны между собой и некоторые формы керамики этих могильников ⁹. Близки по форме и бронзовые подвески, найденные в Джазы-Кечу и Арсифском могильнике ¹⁰.

В Андижанском музее хранятся сосуды с поселений Шор-Тепе и Заргудак-тепе, которые по своей форме имеют общие черты с сосудами из Джазы-Кечу ¹¹.

Есть сходство в ряде форм посуды из погребений в Джазы-Кечу и сосудами, случайно обнаруженными в 1977 и 1980 гг. в окрестностях Чимкента и Джамбула, хранящимися в краеведческих музеях этих городов ¹². Керамика из погребений урочища Кара-Кудук Алма-Атинской области в большинстве своем идентична формам керамики Джазы-Кечу ¹³. Есть сходство в устройстве их могильных ям, примерно совпадают и размеры могил для детей и взрослых.

Погребальный обряд и инвентарь погребений в Алакульской впадине на северо-востоке Семиречья имеют сходство с памятниками Кетмень-Тюбе, Таласа и Центрального Тянь-Шаня в Кыргызстане ¹⁴.

Более южные параллели памятникам Кыргызстана можно проследить на территории Южного Таджикистана и Бишкекской долине в погребениях эпохи бронзы Аруктауского могильника: аналогичное устройство каменных оград, их небольшие размеры, скорченное положение погребенных, формы сосудов ¹⁵.

Бронзовые браслеты и пастовые бусы из могильников Таласской долины, а также некоторые формы сосудов мо-

гильника Джазы-Кечу и поселения Джал-Арык аналогичны предметам могильника Кокча в Приаралье ¹⁶. Северные параллели уходят еще дальше — в Центральный и Северный Казахстан. Так, устройство семейных оград могильников Джазы-Кечу и Таш-Тюбе II из Кыргызстана имеет некоторое сходство с техникой сооружения таких же оград могильника Бел-Асар в Центральном Казахстане ¹⁷. Керамика из погребений в Джазы-Кечу и с поселения Джал-Арык из Кыргызстана имеет некоторое сходство в форме сосудов с керамикой бишкульского и саргаринского типов, а надмогильные сооружения в Джазы-Кечу — с некоторыми погребениями могильника Саргары в Северном Казахстане ¹⁸.

Таким образом, погребения поздней бронзы Кыргызстана имеют много общих черт с аналогичными памятниками на территории Узбекистана, Таджикистана, Казахстана. Сходство проявляется как в погребальном обряде — захоронения в каменных оградах (круглые, овальные или прямоугольные), труположение или трупоположение, так и в типах погребального инвентаря. Сосуды горшковидной и баночной формы в редких случаях имеют угупчик. Среди них много неорнаментированных форм, орнамент — в виде рядов насечек, «елочки», ромбических фигур, зигзагов; размещается он на венчике, плечиках или на шейке сосудов. Классический андроновский тип представляют серги с широким раструбом на одном конце, браслеты трех типов и несколько видов бус.

Вывод о расселении родственных племен на территории Кыргызстана, Ферганы, Юго-Восточного, Центрального и Северного Казахстана в эпоху поздней бронзы подтверждается и изучением кладов бронзовых изделий, датированных в пределах XII—IX (VIII) вв. до н. э. на основе проведенной типологической классификации и корреляции с кладками поздней бронзы Причерноморья и Западной Европы. Сопоставление же инвентаря кладок из Кыргызстана с инвентарем алексеевско-саргаринских комплексов Северного Казахстана позволило определить их поздне-андоновскую принадлежность ¹⁹.

Однако ряд глубоко своеобразных черт позволяет многим исследователям говорить об особом варианте тяньшаньских памятников в рамках этой культурной общности в период поздней бронзы. Своеобразные, устойчиво повторяющиеся признаки в погребальном обряде, керамике, инвентаре и изделиях из металла позволили исследователям

выделить особый семиреченский локальный вариант этой культурной общности²⁰.

По ископленным на сегодня археологическим данным основная линия культурных связей памятников Кыргызстана уходит в Фергану, Казахстан и Южную Сибирь. Прослеженная на памятниках развитой и поздней бронзы, она сохраняется и в последующий, сакский период истории. Население Кыргызстана в период поздней бронзы по своей культуре более всего близко населению соседних областей Казахстана, где наряду с металлургическими изделиями, характерными для кладов Кыргызстана, была распространена керамика позднеандроновского и багазинско-дандыбаевского типов и сменявшая ее внезапно так называемая валиковая керамика ивановского типа; имеющиеся на сегодняшний день материалы подтверждают и преемственность сако-усуньской культуры с культурой эпохи бронзы этого региона.

Учитывая, что памятники степной бронзы Средней Азии, в том числе Кыргызстана, исследованы пока крайне недостаточно, можно сказать, что гипотезы о появлении племени андроновской культурной общности на территории Средней Азии и Кыргызстана в частности, высказанные 20 лет назад, остаются в силе и на сегодняшний день. Большинство исследователей считают, что племена андроновской культурной общности образовались на основе развитых родственных по культуре и происхождению племени Северной полосы Казахских степей и примыкающих районов Зауралья, эпохи неолита и энеолита, по мнению других — в более ранний период²¹.

Мы разделяем точку зрения М. П. Грязнова и Е. Е. Кузьминой, предположивших, что андроновские племена на территории Кыргызстана жили и в период развитой бронзы. По мнению М. П. Грязнова, в период предшествующий тому, когда в Казахстане, Южном Зауралье и Западной Сибири андроновские племена вступили в алакульский период развития своей культуры, на широкой территории от дельты Аму-Дарьи до высот Тянь-Шаня обитала группа племен, памятники которой составляют своеобразный археологический комплекс тауринского типа²². На территории Кыргызстана он включает могильник Арпа, погребение в Пригородном (окрестности Фрунзе) и сосед с северного берега оз. Иссык-Куль²³.

В последние годы получила признание гипотеза о появлении племени андроновской общности на территории Сред-

ней Азии, в том числе в Кыргызстане, в связи с продвижением на юг скотоводческо-земледельческих племен, прошедшим последовательными волнами и совпавшим с периодом расселения в Средней Азии и на Ближнем Востоке племен индо-иранской языковой группы. Новые археологические открытия свидетельствуют об интенсивном продвижении с середины II тыс. до н. э. андроновских племен в Приуралья и Казахстана в южном направлении²⁴.

Ценный археологический материал, добытый исследователями Поволжья и Приуралья, позволил Л. Н. Членовой сделать выводы о размерах территории, расположении и передвижении культур в эпоху поздней бронзы (курманту, черкаскульской, андроновской, абашевской и срубной). Для культур этого периода, по ее мнению, характерны огромные пространственные перемещения внутри необходимого для их хозяйства природных и климатических поясов, на одной и той же территории распространено несколько синхронных культур и отмечено наличие огромных территорий, занятых смешанными переходными памятниками протяженностью до шестисот — тысячи километров, свидетельствующими, что в эту эпоху отсутствовали сплошные территории, занятые одной определенной культурой, и отсутствовали четкие границы между ними²⁵.

Вывод о существовании памятников смешанного типа, в данном случае алакульско-федоровского, верен и для территории Кыргызстана. Дальнейшее исследование памятников Урало-Казахстанской зоны и Средней Азии приблизит науку к более конкретной исторической реальности.

Литература и примечания

1. Кузьмина Е. Е., Москвичев В. П. Новая стоянка эпохи бронзы в Киргизии и проблема заселения Семиречья андроновскими племенами // Из истории дореволуционного Кыргызстана. — Фрунзе, 1985. С. 270—280.
2. Там же. С. 271—272, 280.
3. Берштам А. П. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26 — М.; Л., 1952. С. 19, 20. Рис. 7; Кожемьяко П. Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Известия АН КиргССР. Т. II. Вып. 3. — Фрунзе, 1960. С. 103, 104. Рис. 10, 11; По школьным музеям Киргизии. — Фрунзе, 1968. С. 27.
4. Коларова М. М. Огнестойкая хронология памятников андроновской культуры // АСГЭ. Вып. 5. — Л., 1962. С. 64; Заднепровский Ю. А. Памятники андроновской культуры // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. — М.; Л., 1966. С. 216; Членова Н. Л. Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. — М., 1981. С. 28.

5. *Грязнов М. П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. Вып. 122. — М., 1970. С. 39.

6. *Кожимбо П. И.* Погребения эпохи бронзы могильника Тегурмен-Сай // КСИИМК. № 93, 1963. С. 93—95; *Верштам А. М., Кожимбердыев И., Галочкина П.* Работы в долине Кетмень-Тюбе // АО 1968 года. — М., 1969. С. 449; *Галочкина Н. Г.* Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы // Кетмень-Тюбе. — Фрунзе, 1977. С. 30—38; *Они же.* Разведки в Ат-Башинском районе // АО 1980 года. — М., 1981. С. 483; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия эпохи бронзы и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. 4.— М., 1966. С. 94—98; *Кузьмина Е. Е., Кожимбердыев И.* Шамшиевский клад эпохи бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4; *Рындина Н. В., Дегурева А. Д., Рузанов В. Д.* Результаты химико-технологического исследования находок из Шамшиевскогоклада // СА. 1980. № 4. С. 154—174; *Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е.* Второй Каракольский клад // КСИА. Вып. 167. 1981. С. 48—53.

7. *Литвинский В. А.* Даханийский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане // КСИА. Вып. 80. 1960. С. 47—52; *Тамбура В. З., Горбунова Н. Г.* Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине (Предварительное сообщение) // КСИИМК. В. 63. — М., 1966. С. 86; *Они же.* Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. 1967. № 3. С. 130—132; *Шоугровский Ю.* Арсифский могильник. Отчет о работе Ферганской археологической экспедиции в зоне строительства Арсифской оросительной системы в 1972 г. ФАЭ-72, ОИПК ГосЭрмитажа, машинопись.

8. *Литвинский В. А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов // Древности Кайрак-Кумов. — Душанбе, 1962. Табл. 73, 83 (1—8), 92 (6, 8, 10, 11). Рис. 40 (10).

9. Напрмер, сосуды из Вуядина в курганах № 3, 34, 35 и оградки № 10, 12, 22 Арсифского могильника.

10. Подвески из оградки № 48 Джаяз-Кечу и оградки № 22 Арсифского могильника.

11. Сосуды имеют шифр

AKM 1979	AKM 1970
1/62	1/16

12. ЧОМ КП № 5786/4; ЧОМ КП № 5786/5;

ДОМ КП 5259
В — 1197

13. *Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Каракыдук // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 12. — Алма-Ата, 1961. С. 70. Табл. V.

14. *Кушаев Г. А.* Данные погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. — Алма-Ата, 1968. С. 135—141.

15. *Майдельштадт А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МНА. № 145. — Л., 1968. С. 46—52. Рис. 31, 32, 34. Табл. XXIII (2, 3, 4, 9).

16. *Итша М. А.* Раскопки могильника газабгьябской культуры Кочма 3 // МКЭ. Вып. 5. — М., 1961.

17. *Азалин П., Кадирбаев М.* Сокровища древнего Казахстана. — Алма-Ата, 1970. С. 67 (рис. 8).

18. *Зданович Г. В.* Хронология и этнология памятников эпохи бронзы Петропавловского Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1975. С. 17, 18; *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — значительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1978.

19. *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия эпохи бронзы и бронзового века в Средней Азии. С. 96; *Кожимбердыев И., Кузьмина Е. Е., Шамшиевский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии.* С. 140—152; *Вин-*

ник Д. Ф., Кузьмина Е. Е. Второй Каракольский клад Киргизии. С. 48—52; *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1970.

20. *Забнерровский Ю. А.* Памятник андроновской культуры. С. 216—219. *Грязнов М. П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. С. 41; *Кузьмина Е. Е.* Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. Вып. 122. — М., 1970. С. 44—45; *Аванесова Н. А.* Особенности среднеазиатских иранской эпохи развитой бронзы // Тр. СамГУ. Нов. сер. Вып. 218: Материалы по истории и археологии Узбекистана. — Самарканд, 1983. С. 103—105. Табл. 22.

21. *Алишев К. А.* Культура саков долины рек Или (VII—IV вв. до н. э.) // Древняя культура саков и усуней долины реки Или. — Алма-Ата, 1963. С. 124—135; *Грязнов М. П.* Пастушеские племена Средней Азии... С. 39; *Кузьмина Е. Е.* Семиреченский вариант... С. 39, 48.

22. *Грязнов М. П.* Пастушеские племена... С. 39.

23. Найден учащимися СП № 10 г. Фрунзе под руководством педагога Н. Д. Черкасова. Ныне хранятся в фондах исторического музея КирССР (КП 2891).

24. *Литвинский В. А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов... С. 291—295; *Алишев К. А.* Культура саков долины реки Или... С. 135—136; *Майдельштадт А. М.* Памятники эпохи бронзы... С. 130—141; *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индо-иранцев в свете новейших археологических открытий. — М., 1977. С. 5—9, 52—53; Этнические проблемы древней истории Центральной Азии: Мат-лы междунар. симп. — Душанбе, 1977; Проблемы андроновской культурно-исторической общности: Мат-лы семинара // КСИА. Вып. 169. — М., 1982. С. 115.

25. *Членова Н. Я.* Распространение и пути связей древних культур... С. 22—26.

К. И. ТАШБАЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ

Памятники ранних кочевников Тянь-Шаня были впервые исследованы А. Н. Бернштамом в 1944 г., а затем в 1945, 1949 гг. (Бернштам, 1951; 1952) и продолжены А. К. Кибировым в 1953—1955 гг. (Кибиров, 1955; 1959). С 1956 г. здесь не проводилось планомерных работ, хотя некоторые разведочные маршруты предпринимались. В 1981 г. был организован Тянь-Шаньский археологический отряд Института истории Академии наук республики, под руководством К. И. Ташбаевой возобновивший работы в регионе. За полевые сезоны 1981, 1983, 1984 гг. отрядом исследованы три могильника: Баския I, Баския II и Кедем (рис. 1—3). В них вскрыт 91 разновременный и разнотипный курган, 59 из них отнесены к периоду ранних кочевников (Ташбаева, 1983, 1985, 1985а, 1986). В данной статье предпринята попытка обобщить все имеющиеся материалы по культуре ранних кочевников Тянь-Шаня на период с 1944 по 1985 годы.

Погребальные сооружения и погребальный обряд. В целом в районе Внутреннего Тянь-Шаня в 29 курганных группах и могильниках вскрыто 144 кургана с захоронениями в грунтовых могилах: 16 — А. Н. Бернштамом, 69 — А. К. Кибировым, 59 — К. И. Ташбаевой. Работы А. Н. Бернштама и А. К. Кибирова носили рекогносцировочный характер, было вскрыто по одному, два или несколько курганов в каждой из групп. Поэтому о памятниках Тянь-Шаня, не только изучаемого времени, но и по другим периодам, мы имеем довольно общее представление. В этом плане несколько отличны наши работы последних лет, когда по возможности вскрывалась целиком вся группа или большая ее часть, что давало более полное представление о каждом из комплексов и в целом о культуре ранних кочевников Тянь-Шаня.

А. Н. Бернштам впервые посетив Тянь-Шань еще в 1944—1945 гг., в результате разведочных работ выделил шесть типов насыпей: I — прямоугольные выкладки из относительно крупных камней до 0,50 м в диаметре, размеры выкладок до 3 м; II — кольца из камней такого же размера, иногда с одним камнем в центре; III — концентрические круги с эллипсовидным рисунком края могильной ямы в центре, обозначенным выкладкой из камня; IV — эллипсовидные могильные выкладки из камня малых размеров; V — плотная укладка камней насыпи и выкладки вокруг насыпи, иногда в виде двух концентрических кругов, насыпь состоит из земли и щебня; VI — курганы с насыпью из земли и камня, высотой до 0,50 м» (Бернштам, 1952, с. 24).

Последующими раскопками — А. К. Кибирова и нами, сопровождавшимися разведочными маршрутами, при которых учитывались уже известные и обследовались новые памятники, типология, предложенная А. Н. Бернштамом, получила полное подтверждение и даже некоторые дополнения.

Так, в 1981 г. в местности Жапырык нами был выявлен комплекс курганов очень своеобразной конструкции наземных частей, позволяющих говорить о сложных архитектурных особенностях курганных памятников ранних кочевников Тянь-Шаня. Это очень большие земляные насыпи диаметром от 30 до 50 м, высотой 4—6 м и более, расположенные в цепочку с С на Ю. Иногда насыпи имеют на поверхности плотную цилиндрическую обкладку из камней и тогда в подошве эти курганы четырехугольной формы. Край оснований подошвы очень тщательно выложены крупными камнями. В 7,5—10 м от подошвы насыпи, повторяя ее округлый или прямоугольный контур, идут кладки-ограды шириной 2 м из двух рядов крупных валунов. С западной и восточной сторон они прерываются, образуя как-бы «входы». На расстоянии около 15—20 м от кладок оград курчюно, главным образом в западной части, расположены ритуальные кольцевые выкладки диаметром 1,5 м по 7—8 валунов в каждой. Иногда эти выкладки больших диаметров и включают больше валунов. Имеются случаи, когда кольцевые выкладки идут и с восточной стороны, но они меньших диаметров и из валунов меньших размеров (рис. 4—5).

Вокруг этих больших курганов располагались более мелкие земляные курганы и каменные выкладки. Курганы

эти обследованы только внешне и пока трудно судить об их внутренних конструкциях, датировке и этнической принадлежности погребенных в них. На территории Тянь-Шаня курганы подобной конструкции очень редки, но не единичны. А. К. Кибиров в свое время тоже отмечал наличие таких курганов (Кибиров, 1959, с. 73, рис. 3, 2, с. 74). Он раскопал несколько мелких курганов, отсутствующих большим и находившимся внутри оград. Они не дали никакого материала (Кибиров, 1959, с. 74—75). Скорее всего, такие округлые каменные выкладки, расположенные внутри оград, окружающие большие центральные курганы, являются ритуальными или же соподчиненными большим, чаще всего они безыпентарны.

Такие же курганы с кладками-оградами вокруг, но без кольцевых выкладок нами были обнаружены и в могильнике Кайнар-Булак также в Тянь-Шанском районе. Курганы эти находят близкие аналоги среди Беркгаринских курганов в Казахстане и, вероятно, синхронны им (Бабаи-скал, 1956, с. 189—206, рис. 1 и 2). Во всяком случае, рассмотрение топографических особенностей и деталей внешних признаков позволяет отнести их к рассматриваемому времени. Это, возможно, подтверждается и наличием (в одном случае) рядом с кольцевыми выкладками больших плит с выбитыми рисунками. Рисунки очень оригинальны и необычны как по сюжету, так и по стили исполнению. Удивительно реалистично изображены на одной плите скачущий козел, на другой — степная лошадь, на третьей — стая водоплавающих птиц, на четвертой — животное, совершенно не характерное для фауны не только высокогорного Тянь-Шаня, но и прилегающих низменных областей Средней Азии. Не останавливаясь на более подробном рассмотрении этих рисунков (так как они должны быть предметом отдельного исследования), отметим только, что можно с полной уверенностью говорить об их уникальности и отсутствии точных аналогов им среди многочисленных памятников древней пастушеской живописи, распространенных на широкой территории и, вероятно, об их ранней датировке.

В результате раскопок на могильнике Баския II, нами выявлен еще один тип насыпи, не отмеченный А. Н. Вершининым для Тянь-Шаня, но широко распространенный в долине Кетмень-Тюбе. Это земляная насыпь почти без камней на поверхности, иногда высотой до 1,5—2 м и в этом

случае с внутренними панцирными кладками в один или два приема (рис. 14).

В целом 144 кургана Тянь-Шаня можно классифицировать следующим образом: I тип — земляные насыпи без камней, в отдельных случаях с кольцевыми выкладками — 25 курганов, или 17,3%; II тип — земляные насыпи с незначительной каменной наброской на поверхности — 30, или 20%; III тип — земляные насыпи с плотной панцирной обкладкой на поверхности и иногда с кольцевыми выкладками — 12, или 8,3%; IV тип — каменно-земляные насыпи — 21, или 14,5%; V тип — каменные выкладки разных форм — 31, или 21,5%; VI тип — каменные насыпи с кольцевыми выкладками вокруг основания или же концентрическими кругами — 18, или 12,5%.

В одном могильнике часто встречаются два, три или четыре типа насыпей, с преобладанием одного из них.

Тип могильного сооружения над всеми разновидностями насыпей — только грунтовая могила овальной или прямоугольной формы. Для курганов Тянь-Шаня характерна глубокая, сравнительно узкая яма, нередко даже очень тесная для погребенного. Но положение костей видно, что покойник лежал впритык к стенкам ямы, особенно в грудной части (рис. 9, 10, 12, 13).

Размеры могильных ям: длина — от 1,6 до 2,40 м, ширина — от 0,40 до 0,80 м, глубина — от 0,30 до 0,80 м. Очень редко большие ямы были шириной до 1—1,30 м и глубиной до 1—2 м.

В направлении могильных ям преобладает ориентация в 3 на В — 50%, с С на Ю — 9%, с СЗ на ЮВ — 20%, с ЮЗ на СВ — 9%.

В двух случаях каменные выкладки были кенотафами и не дали никаких следов захоронения. Могильные ямы были заполнены землей перемежку с мелкими и крупными камнями. Возможно, что большинство из них имели перекрытия из дерева, но не всегда следы их сохранились. Только в 7 случаях можно с уверенностью констатировать их наличие. Часть могил имела перекрытие из больших песчаных плит (размеры их: 1,33×0,60; 1,05×0,75; 0,80×0,35, толщина 0,10—0,15 м). Плиты положены попеременно, от двух до шести штук над каждой (рис. 7, 8, 11, 12). Перекрытия из плит обнаружены над 36 могилами. Иногда плиты приходились только на контур могилы, поэтому неясно, как они закреплялись над ямами. В этом случае интерес представляет могила кургана 44 могильни-

ка Аламышык, Могила сначала была перекрыта деревянными жердями, затем каменными плитами (Бернштам, 1952, с. 27). Возможно, что и в остальных случаях пользовались этим приемом.

Над некоторыми могилами под невысокой, чаще каменной наброской или каменными кольцами были каменные выкладки, повторяющие контуры могил. Иногда камни наблюдались по всей глубине ямы, до самого дна.

Каких-то закономерностей сочетания определенных типов наземных частей курганов с определенным типом перекрытий не прослеживается. Так, деревянные и плиточные перекрытия встречаются под земляными, иногда с пазирем, каменно-земляными и каменными насыпями. Но они имеются только над могилами, направленными с З на В, с отклонениями в ту или иную сторону, но ни в одном случае не встречены над ямами, ориентированными с С на Ю.

В могильнике Кедеп, где нами раскопано 44 кургана и где имеется цепочка из очень крупных 8 курганов, вытянутых с С на Ю, могилы с перекрытием из плит (их около 10) находились в центральной части, рядом с цепочкой больших курганов, располагались они компактно, иногда тоже цепочками из 3—4 курганов. К сожалению мы не можем судить о могильных сооружениях под большими насыпями из-за того, что они не подвергались раскопкам. Нам также не известны топографические особенности могильников, исследованных А. К. Кнбировым.

Выше говорилось, что могильные ямы Тянь-Шаня отличаются узкими размерами. Для помещения погребального инвентаря, в частности глиняных сосудов, особенно натуральных размеров, в стене могильной ямы делались ниши. В рассматриваемых курганах ниши были зафиксированы в 23 случаях, обязательно в северной стене ямы. В них сосуды стояли близко друг к другу, порой чуть выступая в яму, а в отдельных случаях — даже на костях левой руки погребенного, что прослежено нами, например, на курганах могильника Кедеп. Ниши имелись в могилах как с дере-

вянным или плиточным перекрытием, так и без перекрытия и под любым из выявленных типов насыпей.

В 112 могилах из 144 обнаружены контакты погребенных равной степени сохранности. Превалирующее большинство (99) погребенных одиночные, из них лежали вытянуто, на спине, головой на З — 52, на СВ — 20, на ЮЗ — 10, на С — 6, на СВ — 2, на Ю — 3. Очень часто отмечались слегка согнутые руки, правая или левая, и тогда кисть ее лежала на груди, животе или тазовых костях. Интересно положение погребенного в кургане 34 могильника Кедеп: ноги были широко раскинуты, левая согнута в колене под острым углом к правой. А в кургане 44 того же могильника погребенный лежал в «позе вояки» — ноги широко раскинута, слегка согнута в коленях. Трудно найти объяснения такому положению ног, но ясно, что это не результат положения погребенного на спине с согнутыми в коленях ногами и впоследствии упавших таким образом. В последнем случае кости ног, особенно голени, были бы в ином положении.

В семи могилах обнаружены парные захоронения, в одном из них — два подростка, в остальных — оба взрослых, вероятно, мужчины и женщина. Все погребенные лежали в вытянутом положении, на спине. В четырех могилах — головой на З, в одной — на СВ, другой — на СВ, еще в одном случае — на С. Надо отметить, что в могильнике Кедеп в отличие от других могильников при парных захоронениях не было сопровождающего инвентаря.

В одной могиле кургана 13 могильника Кара-Саз было захоронено 3 человека: женщина и ребенок на спине, в вытянутом положении, головой на З, кости третьего сильно повреждены и пол не определен (Кнбиров, 1959, с. 81—82).

В трех случаях в раскопанных курганах Тянь-Шаня погребенные были в скорченном положении. Это два захоронения из могильника Аламышык — курганы 44 и 58 (Бернштам, 1952, с. 27, 29). Один костяк был хорошей сохранности, лежал на левом боку, в позе спящего, головой на З; под головой была каменная «подушка». Еще одно скорченное погребение (?) открыто под насыпью кургана 14 могильника Кедеп. В сравнительно небольшой яме скелет погребенного неопределенного возраста, головой ориентирован на СВ, лицевая часть повернута к Ю. Правая рука согнута в локте и кисть лежала на животе. Череп погребенного очень массивный, с толстыми надбровными дугами, массивной челюстью и затылочной частью, кости рук

¹ В 1988 и 1989 гг. в могильнике Кедеп нами были раскопаны еще около 30 курганов, в том числе и 3 больших — «старского» типа, давних совершенно новый тип захоронения для территории Кыргызстана. Захоронения в них были совершены в просторных деревянных срубках с очень интересным инвентарем, близким инвентарю из известного кургана «Исык» (такие же золотые нашивные бляшки на одежду и др.).

и ног необычно короткие, с утолщениями. Создается впечатление, что костяк принадлежал человеку с сильными физическими отклонениями. К сожалению, при нем не было сопровождающего инвентаря и похоже, что это не результат ограбления.

Интересно отметить прослеженный нами в могильнике Кедеи факт отсутствия в некоторых случаях черепов погребенных. Там, где погребения были нарушены и скелеты были в сильном беспорядке, отсутствие черепов не вызывало особых сомнений, так как не было и многих других костей (в 9 случаях). Но иногда скелеты погребенных находились в анатомическом порядке, а черепов при них не было (11 случаях). То же самое отмечено и в одном из парных погребений кургана 41, где отсутствовали оба черепа при целых костяках.

На данном этапе исследования мы не можем привести этому факту объяснения. Возможно, толчком к поискам отгадки этого послужит парное захоронение в кургане 37 могильника Кедеи, где скелеты погребенных были в анатомическом порядке, а черепа лежали на некотором расстоянии от них. При черепах обнаружено по 4—5 шейных позвонков, что наводит на мысль искусственного отделения черепов от костяка. Загадка сейчас во времени: когда это было сделано — при погребении или позже, во время ограбления.

Редко под головами погребенных лежали каменные «подушки» — в 6 случаях, да и то в 2 случаях их назначение в качестве «подушки» сомнительно, так как камни находились между костями голени.

Сопровождающий инвентарь в погребениях Тянь-Шаня очень беден. Как и везде, основу его составляют глиняные сосуды — 78 случаев. В могилах находилось от 1 до 3 сосудов. Так в 27 могилах было по одному сосуду: чаще всего это горшки, но встречаются также чаши, миски или кубки. В 24 курганах найдено по 2 сосуда; в восьми курганах — по 3; в восьми же — по 4; в двух — по 5; в трех — по 6; и в одном — 8 сосудов. Типологическое сочетание самое разное. Но для могильника Кедеи нередко наблюдалось сочетание одинаковых форм, т. е. в могилах было по два или три совершенно одинаковых по форме и размерам сосуда.

Все сосуды вылепленные вручную, станковых не встречено, но имеются украшенные орнаментом и крашеные формы.

БАСКИЯ I.

М: 1 : 500

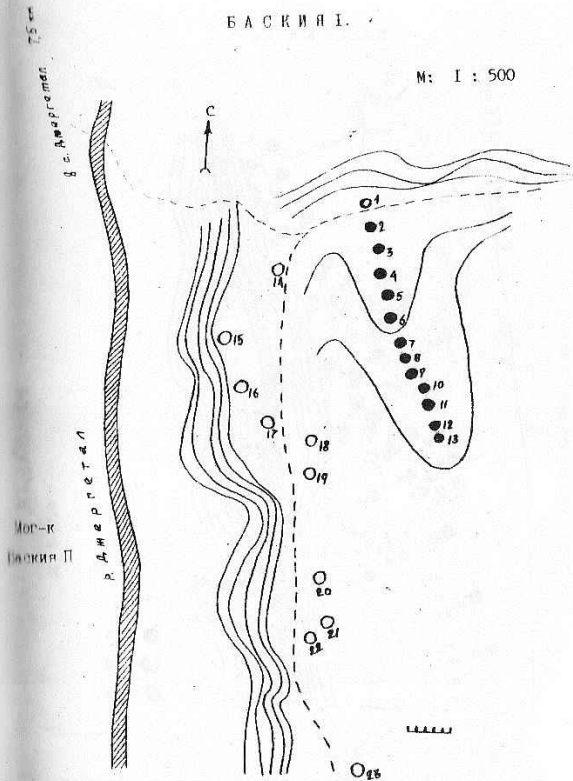
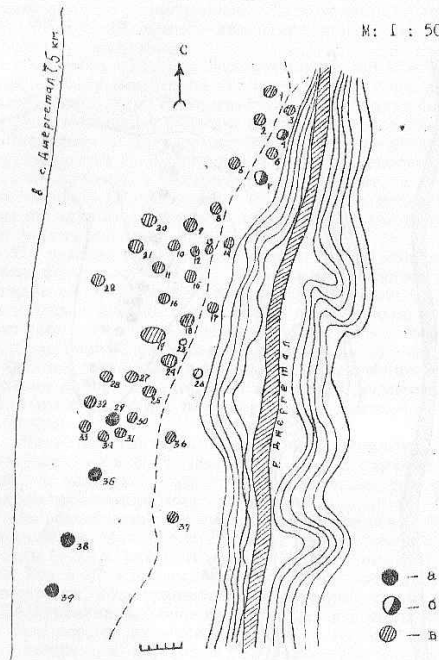

Рис. 1. План могильника Баския I.

БАСКИЙ П.

М: 1 : 500

- а - курганы с грунтовыми могилами сакского времени
 б - курганы с грунтовыми могилами позднего времени
 в - курганы с подобно-катакомбными захоронениями.

Рис. 2. План могильника Баский П.

КЛАЕН - 84

М 1:1000

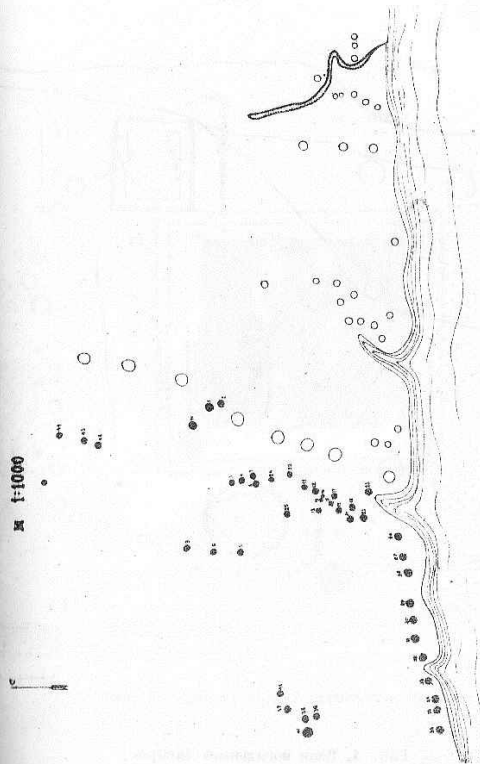

Рис. 3. План могильника Клаен.

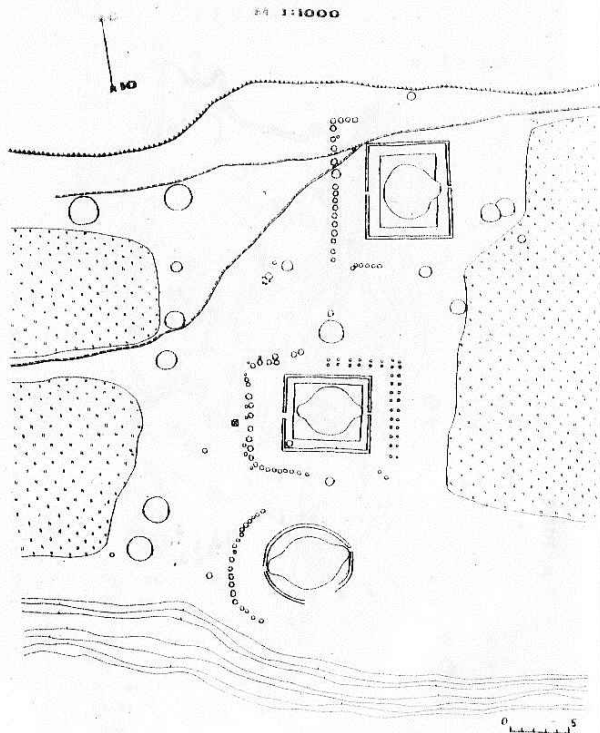

Рис. 4. План могильника Жашарык.

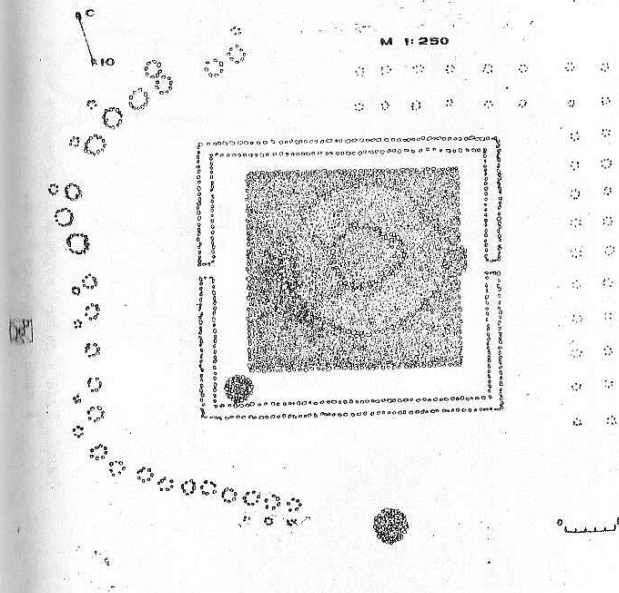

Рис. 5. План кургана 2 могильника Жашарык.

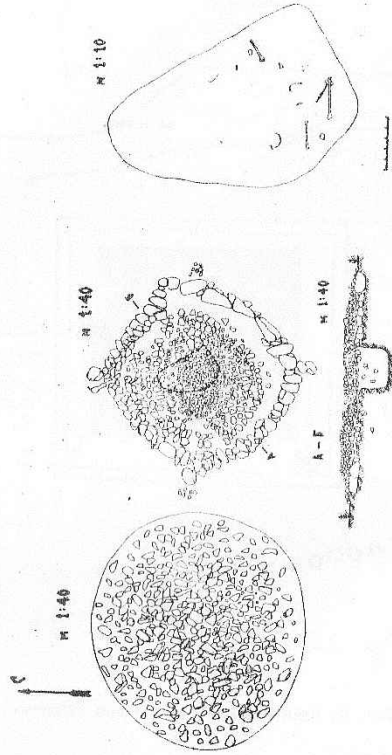

Рис. 6. План и разрез кургана I могильника Келен и план погребения в нем.

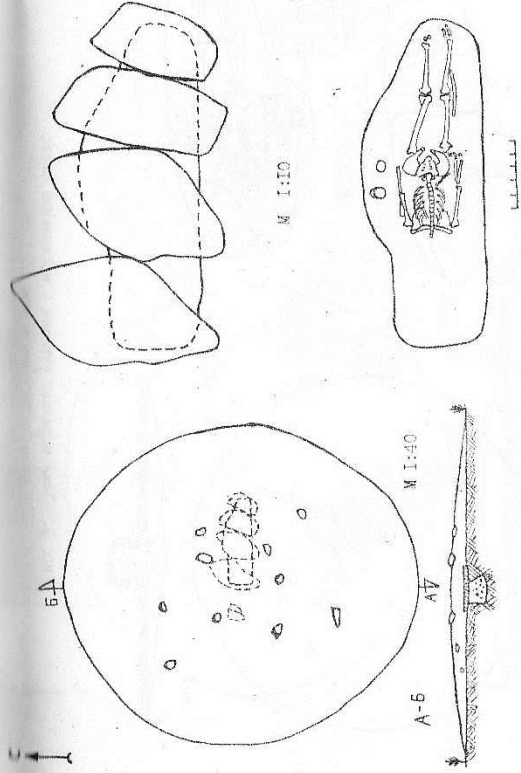
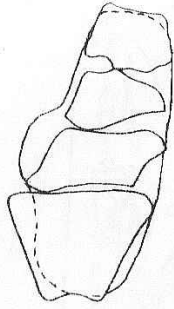
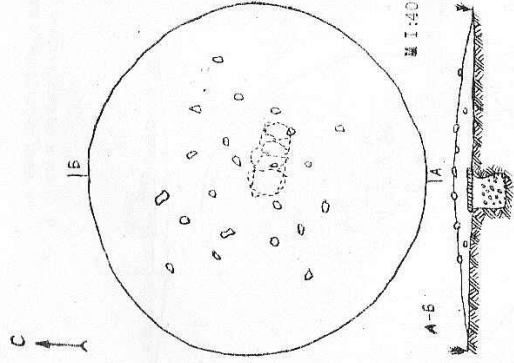

Рис. 7. План и разрез кургана 3 могильника Келен и план погребения в нем.

М 1:10

- Находи:
 1. Бронза
 2. Дер. черт.
 3. Мотиви табачна
 4. Чаша

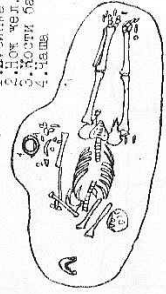
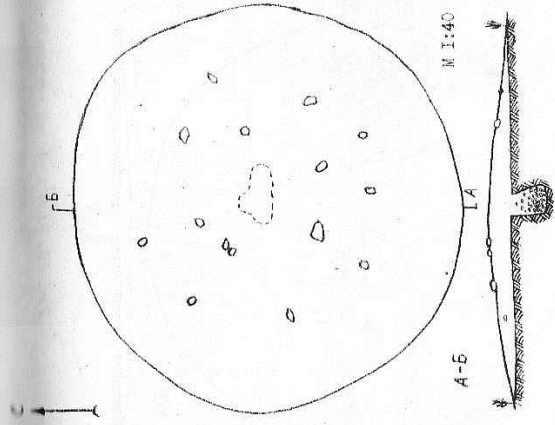

Рис. 5. План и разрез квадрата 4 могильника Чепен и план погребения в нем.

М 1:10

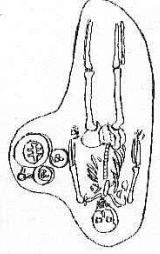

Рис. 6. План и разрез квадрата 5 могильника Чепен и план погребения в нем.

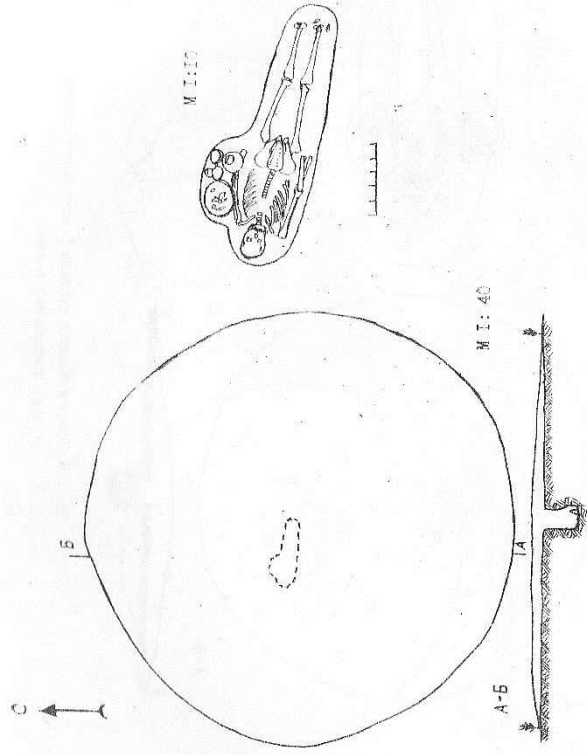

Рис. 10. План и разрез купола с могильника Мечен и план погребения в нем.

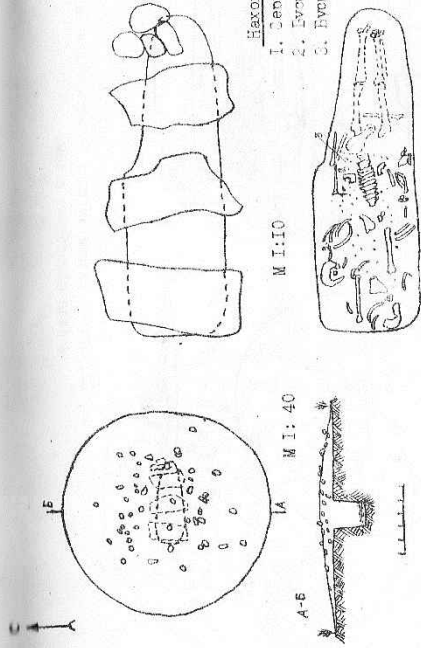
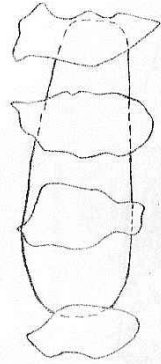
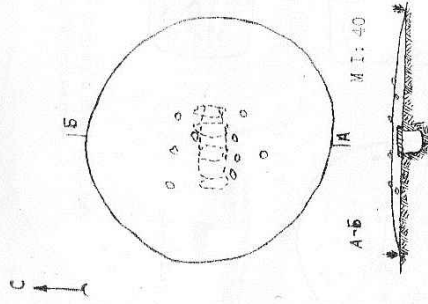

Рис. 11. План и разрез купола с могильника Мечен и план погребения в нем.

М 1:10

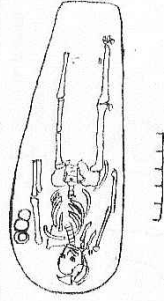
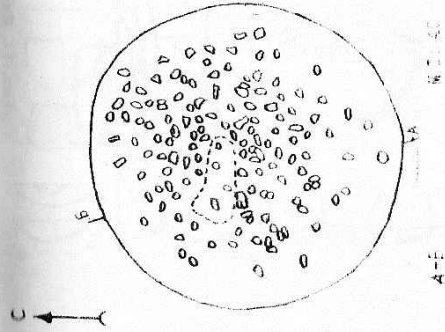

Рис. 12. План и разрез кургана 16 морильника Деден
и план погребения в нем.

М 1:10

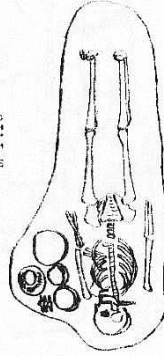

Рис. 13. План и разрез кургана 20
и план погребения в нем.

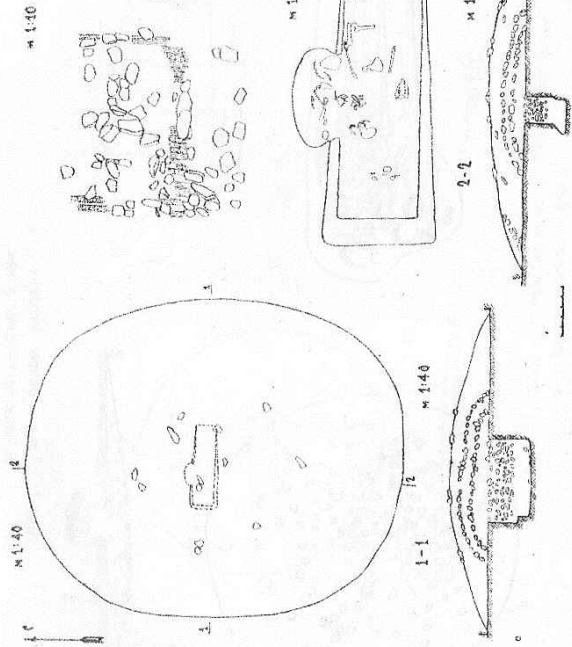

Рис. 14. План и разрезы восточной ст. могильника Маяков.

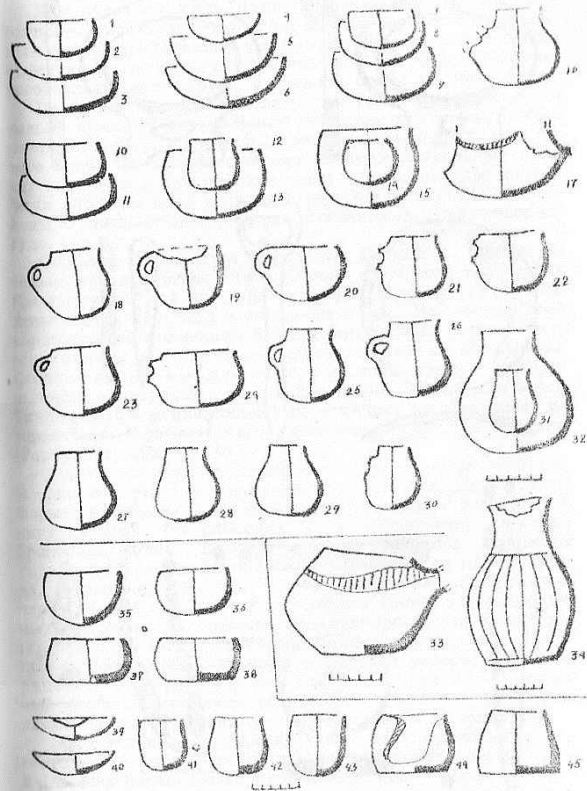
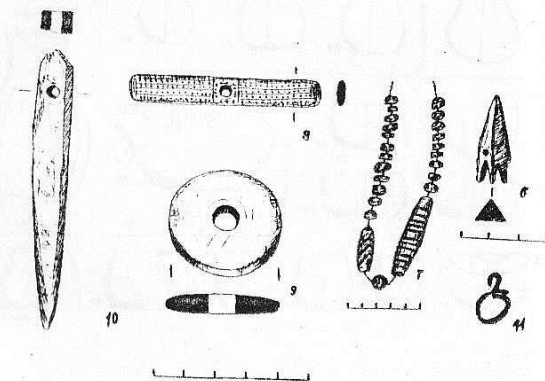
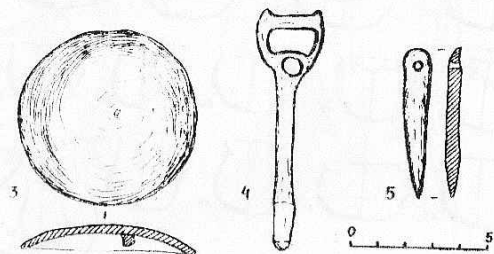
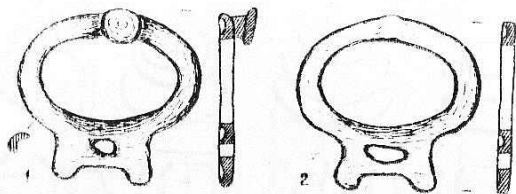

Рис. 15. Типы посуды Тумб-Тумб.

Для курганов Тянь-Шаня примечательна и такая особенность погребального обряда, как изготовление специальных сосудов (ритуальных) для помещения в погребения. Они отличаются своими очень миниатюрными формами, хотя изготовлены часто грубо, небрежно, почти не обжигались.

В могилу клали или только ритуальные сосуды, или только обычные натуральных размеров, почти никогда не сочетая их. Так, в кургане 16 могильника Куден, вдоль локотного плеча погребенного стояли 4 таких ритуальных сосуда: горшочек и три плоские чаши (плошки), две из них были вложены одна в другую (рис. 12). В кургане 44 найдены 5 миниатюрных, почти одинаковых, крашенных сосудов.

Особенно выделяется могильник Баския I, причем не только среди курганов Тянь-Шаня, но и всей территории Кыргызстана. В 4 из 12 раскопанных здесь курганов найдены сосуды (15 экз.) и железные ножи. Все сосуды этой керамической коллекции были миниатюрных форм — типа стаканчиков или пиалушек, серого цвета, не обожженных. Стояли они не в яме или нише, а на краю могил или же на невысоких приступках с северной стороны, по 3, 4 или 5 экз. Такое расположение сосудов не отмечено больше нигде на территории Кыргызстана, но известно в курганах Ферганы (Горбунова, 1962, с. 97).

Другой сопроводительный инвентарь очень малочислен. В основном это фрагменты железных пожей, редко целые формы, найденные в 21 могиле, часто рядом с сосудами. В двух случаях (из раскопок А. П. Бернштама) найдены бронзовые ножи. Несколько многочисленнее предметы украшения. Так, найдено различных бусин из пасты, стекла, сердолика 145 экз.; несколько экземпляров серег, перстней, булавок единичны находки бронзовых проволочных браслетов и костяных орнаментированных предметов (?); всего в 3 экз. обнаружены бронзовые зеркала и каменные сурьматаша. Из предметов бытовой утвари, кроме керамических сосудов и ножей найдены 5 пряслиц и 1 каменный оселок. Предметы вооружения представлены только двумя наконечниками стрел: бронзовым и железным.

Значительная составная часть сопроводительного инвентаря курганов Тянь-Шаня — кости барана. Они найдены в 1/3 всех раскопанных курганов. Кости — исключительно крестец с двумя-тремя позвонками, часто в сочленении — находились рядом с сосудами или же в них (в основном в

больших мисках). Это, можно сказать, одна из особенностей погребального обряда курганов Тянь-Шаня.

Бедность сопроводительного инвентаря в тьяншаньских курганах объясняется, с одной стороны, вероятно, более «тщательным» ограблением, а с другой — вообще ограниченностью числа предметов, положенных в погребения. Даже наименее нарушенные погребения, с несколькими сосудами хорошей сохранности в нишах, кроме железных ножей ничего лотчи не содержали. При этом надо учитывать, что на Тянь-Шане раскопкам подвергались только мелкие курганы и каменные выкладки, тогда как большие («дарские») курганы, часто расположенные цепочкой остались не учтенными.

Керамика. Всего учтено 162 целых форм сосудов, из них 11 — из раскопок А. Н. Бернштама, около 100 — из раскопок А. К. Кибирова и 51 — из раскопок К. И. Ташбаева. Материалы А. Н. Бернштама и А. К. Кибирова в основном учтены по публикациям, поэтому трудно определить тип некоторых из них и они вошли в общий подсчет керамики без дробной классификации.

Вся керамика Тянь-Шаня — вылепленная вручную, станковой нет, хотя некоторые сосуды имеют форму ступоковых и изготовлены очень тщательно. Однако все они лепились на матерчатом шаблоне и на внутренних стенках большей части их сохранились отпечатки ткани и следы их затирки. В типологической обработке керамической коллекции Тянь-Шаня принята та же методика, что и для керамики Кетмень-Тюбе (Ташбаева, 1987, с. 6—8; Кожомбердиев, Ташбаева, 1982). Морфологические особенности и относительные величины тьяншаньской керамики оказались идентичными этим признакам керамики Кетмень-Тюбе. Вообще материалы Кетмень-Тюбе, особенно керамика, взяты за основу типологии и являются эталонными для остальных материалов с территории Кыргызстана. В связи с этим описание типов сосудов здесь опущены и даны только числовые выражения выявленных типов. Всего 25 типов, сгруппированных в 7 классов. (рис. 15).

М и с к и — 15 экз., или 9% всей керамики Тянь-Шаня. Представлены они только тремя типами (2 экз. неопределенного типа): Тип М I — 5 экз., тип М II — 5, тип М IV — 3 экз.

Ч а ш и — 43 экз., или 26,5%, представлены теми же типами чаш, что и в Кетмень-Тюбе (3 экз. неопределенного

типа): тип Ч I — 10 экз., тип Ч II — 6, тип Ч III — 5, тип Ч IV — 2, тип Ч VI — 12 экз.

Горшк и — 52 экз., или 32%, представлены теми же типами, что и в Кетмень-Тюбе (13 экз. неопределенного типа): тип Г I — 6 экз., тип Г II — 15, тип Г III — 9, тип Г IV — 6, тип Г V — 1, тип Г VI — 2 экз.

К у в ш и н ы — 23 экз., или 14%, представлены также всеми типами кувшинов Кетмень-Тюбе, кроме К VII, куда вошли большие оригинальные кувшины Кетмень-Тюбе (3 экз. неопределенного типа): тип К I — 4 экз., тип К II — 7, тип К III — 1, тип К IV — 6, тип К V — 1, тип К VI — 1 экз.

К р у ж к и — 2 экз.: тип Кр I — 1 экз., тип Кр II — 1 экз.

К у б к и — 5 экз., все однотипные и происходят из могильника Кедеп.

Редкие формы — в эту группу выделены 5 сосудов:

1. Сосуд с полусферической открытой формой тулова, с носиком-сливом с одной стороны и подковообразным наделом — с другой. Диаметр 26 см, высота 12,5 см (Кибиров, 1959, с. 73, рис. 3, 3). По форме тулова его можно было отнести к группе мисок, но наличие носика и ручки, характерных для горшков, выделяло его как редкую форму. Подобные миски или котловидные сосуды встречаются в раннекозювских курганах Семиречья, но они без носиков, а подковообразные наделы имеются часто с двух сторон. (Максимова, 1972, с. 165, рис. 1, 4, 1975, с. 145, рис. 4, 5).

2. Сосуд котловидной формы, с небольшим плоским дном, округлым туловом и двумя полукруглыми сплошными горизонтальными ручками. Вероятно, между ручками был рожевый выступ, о чем можно судить по рисунку, но в тексте об этом не упоминается (Кибиров, 1959, с. 87, рис. 9, 6).

3. Горшок с округло-уплощенным дном, которое в месте перехода к тулову образует острое ребро. Стенки тулова после ребра плавно прогибаются вовнутрь, затем слегка расширяются к устью. На боку сохранились следы от вертикальной ручки (Кибиров, 1959, с. 83, рис. Г, Г.).

4. Горшок с формой тулова в нижней части близкой к предыдущему сосуду. У него округлое дно и выпуклые стенки тулова из-за чего образуется ребро. Стенки тулова низ-

кие, чашевидной формы, венчик не сохранился, ручка отломана (кург. 23, могильника Кеден, рис. 15, 17).

5. Сосуд чайникообразной формы (кург. 20 могильника Кеден). У него небольшое плоское дно, биконической формы тулово с острым ребром посередине. Узкое горло без венчика и носик-слив с одной стороны. Сосуд без ручки, хотя она напрашивается для такой формы (рис. 15, 33). Можно предположить, что у него было высокое узкое горло, которое могло заменить в данном случае ручку или же ручка могла находиться на горловине. Во всяком случае, венчика нет и край горла с ровным изломом. Сосуд орнаментирован. Орнамент расположен в верхней части, параллельно горловине, в виде двух горизонтальных линий, расширяющихся к носику и заштрихованных вертикальными длинными насечками. Орнамент состоит как бы из двух половин, отделенных с одной стороны носиком, с другой, противоположной, — тремя вертикальными линиями. Орнамент был нанесен еще до обжига, затем сосуд обожжен и орнамент закраснен вместе со всей поверхностью красно-оранжевой краской.

В коллекции Тянь-Шаньской керамики нами выделена еще одна группа сосудов — ритуальные. Это миниатюрных размеров сосуды разных форм (рис. 15, 35—45). Изготовлены они часто грубо, спешно, на них следы вмятин от пальцев, они почти не обжигались. Видимо, эти сосуды изготавливались специально для помещения их в погребения.

Ритуальных сосудов 17 экз., или 10,5%. 3 из них напоминают миски II типа, только очень мелкие, как плошки, высота их 2,6—3 см, диаметр устья 9,4—10 см (рис. 15, 39—40). Все три были в одной яме кург. 16 могильника Кеден. Две из них были положены одна в другую. С ними же был сосудик типа глубокой чашечки, но тоже такого же качества изготовления. 2 чашечки полусферической формы, высотой 3,5—4 см, диаметром 7,8—8 см (рис. 15, 35, 36). 3 чашечки по форме близки цилиндрическим чашам II типа: высота их 5—6,5 см, диаметр устья 7,5—9 см (рис. 15, 37, 38). 5 сосудиков бокаловидных форм типа IV или же маленьких стаканчиков, высота их 5,5—6,5 см, диаметр устья 4,5—5 см (рис. 15, 41—43). 3 сосуда несколько необычной формы (рис. 15, 44, 45). Они плоскодонны, стенки тулова сужаются кверху и заканчиваются прямым краем, так что диаметр дна их больше диаметра тулова или устья. Высота их 5—7 см, диаметр устья 5,8—8 см, диаметр дна 7—9 см.

Надо отметить, что 13 экз. этих сосудов происходит из могильника Баския I, где из 12 раскопанных курганов в цепочке, только один (последний в цепочке) содержал вместе с миниатюрной керамикой натуральных размеров. В остальных же были эти маленькие сосудики, по 4—5 экз. в могильной яме. Сюда же можно отнести и часть маленьких чаш, которые мы выделили в VI тип. Но порой трудно отделить миниатюрные сосудики, использовавшиеся в быту как косметические или по другому назначению, от специально изготовленных, ритуальных. В группу ритуальных мы отнесли сосуды, явно изготовленные для погребального обряда.

Крашенная и орнаментированная керамика. В керамике Тянь-Шаня наблюдается также некоторое разнообразие в характере покрытия поверхности сосудов и их орнаментации, хотя здесь пока не встречена расписная посуда. О наличии чернолощеной керамики нет возможности говорить с твердой уверенностью, хотя и имеются некоторые сосуды с незначительными следами, похожими на остатки черного лощения.

Крашенные сосуды представлены 10 экз. (6,1%), все они происходят из могильника Кеден. Возможно они были и среди керамики из раскопок предыдущих авторов, но не стали объектом их внимания.

Крашенная посуда представлена следующими формами: 2 миски II и IV типа, I из них тазовидной формы IV типа, окрашена с внутренней и наружной поверхностей карминно-фиолетовой краской; 5 чаш — одна V типа со следами красной краски, 4 чаши VI типа окрашены карминно-фиолетовой краской. 2 кубка — I окрашен карминно-фиолетовой, а другой — красной краской.

К группе крашеной керамики относится и описанный выше чайникообразной формы сосуд. Он также и орнаментирован (рис. 15, 33).

Из другой орнаментированной керамики нам известен горшок из кург. 6 могильника Ортокой из раскопок А. К. Кибирова (Кибиров, 1959, с. 71, рис. 2, 1). На нем прочерчены треугольники, построенные на горизонтальной линии. Внутреннее пространство треугольников заполнено точечными вдавлениями. Такие же точки идут и параллельно горизонтальной линии. Сосуд с подобной орнаментацией известен и в Кетмень-Тюбе (Кожомбердиев, Ташбаева, 1982, с. 45, рис. 24, 6).

В кург. 5 могильника Кеден найден плоскодонный кур-

пин, с вытянутым туловом и узкой высокой горловиной, который мы условно отнесли к III типу. Тулово его украшено прочерченными вертикальными линиями, заключенными между двумя горизонтальными линиями: одной — опоясывающей основание горловины, другой — идущей параллельно дну. Расстояние между вертикальными линиями 1,5—1,8 см. Горловина сосуда свободна от орнамента (рис. 15, 34).

Орнаментация этого сосуда несколько несбычна и не находит аналогий среди многочисленной керамики времени ранних кочевников на большой территории. Хотя подобный мотив прочерченного орнамента (вертикальные линии между двумя горизонтальными) есть среди керамики Иссык-Куля (таким орнаментом, но покрывающим горловину украшен кувшин из могильника Джергес (Бернштам, 1952, с. 62, рис. 27, 1).

Надо отметить, что вся пока немногочисленная орнаментированная посуда Тянь-Шаня отличается своеобразием как технического исполнения, так и мотивом орнамента, прямые аналогии ей трудно привести.

Например, керамика Иссык-Куля — территории тесно примыкающей к рассматриваемому району, идентична основной массе керамики Тянь-Шаня, хотя, как отмечал А. Н. Бернштам, она более высокого качества изготовления и представлена только мисками и кувшинами. Но небольшое число раскопанных здесь памятников не позволяет судить о своеобразии вообще иссык-кульской керамики. Мы хотим обратить внимание на орнаментированную посуду. Кроме упомянутого выше кувшина в могильнике Джергес найден другой кувшин, по форме очень близкий к алтайскому, а еще шире — к южно-сибирскому типу. Тулово его украшено прочерченным своеобразным орнаментом в виде горизонтальной линии и параллельного точечного ряда, идущего по тулову, и двух вертикальных таких же линий по двум противоположным сторонам, поднимающихся от горизонтальной линии к устью, с одной стороны захватывающей ручку сосуда (Бернштам, 1952, с. 58, 61, рис. 27, 2, с. 62, рис. 28). А. Н. Бернштам считал, что это подражание кожаным прошивным изделиям. Во всяком случае, это редкий мотив орнаментации, и ему нет прямых аналогий.

В целом надо отметить, что вся коллекция тянь-шаньской керамики, за исключением нескольких сосудов, отличается небольшими размерами. Это прослеживается не только по комплексу керамики из наших раскопок, но и

из раскопок А. Н. Бернштама и А. К. Кибирова, где большая часть сосудов — миниатюрные. Даже кувшины, сохраняя распространённые формы, отличаются почти одинаковыми маленькими размерами. То же можно сказать и о горшках, часть которых, вероятно, можно было отнести и к кружкам. В керамике Кетмень-Тюбе тоже имеются сосуды маленьких размеров, например, кружки, большая часть которых происходит из могильника Джаншы-Булак.

Предметы вооружения — пока редкая категория вещей сопроводительного инвентаря для памятников Тянь-Шаня (видимо, из-за рекогносцировочного характера проведенных здесь работ, в связи с чем вскрыты только мелкие курганы). Представлены они только двумя наконечниками стрел — бронзовым и железным. Железный наконечник плохой сохранности, фрагментарный. Бронзовый — втулчатый, трехгранный, с опущенными вниз шипами, втулка скрытая, общая длина его 2,9 см (кург. 29 могильника Баския II, рис. 16, 6).

Украшения и предметы туалета.

1. Бусы — около 145 экз. Бусины из сердолика, других камней, пасты, стекловидной массы, различных форм и размеров: округлые, цилиндрические, плоские, конусовидные, бипирамидальные и т. д. В публикации нет более подробных их описаний, поэтому приводятся только суммарные сведения о них. Интересно отметить три бусины из наших раскопок (могильник Кеден, кург. 4 и 13). Они почти цилиндрической формы из красно-розового сердолика, с белой гравировкой-инкрустацией. Одна бусина с гравировкой-инкрустацией зигзагообразной формы, другая — с тремя параллельными эллипсоидальными полосами под углом к продольному каналу бусины, третья — крупная бусина, длиной 4,2 см с поперечными опоясывающими параллельными полосами (рис. 16, 7).

2. Серьги — 7 экз. Для трех из них определяется тип — незамкнутое кольцо-дужка из гнутой проволоки и маленькая петля-подвеска. Остальные, возможно, такого же типа. Одна серьга из золотой проволоки (кург. 13, могильника Кеден, рис. 16, 11), остальные шесть — из бронзовой.

3. Перстни — 3 экз. Бронзовые, из плоской проволоки-кольца с ромбовидным щитком в одном случае и округлым щитком в двух других. Диаметр колец 2,1—2,2 см.

4. Браслеты — 3 экз. Бронзовые, проволочные, круглые в сечении, в одном случае с несомкнутыми, дале-

ко отстоящими концами, в двух других — с заходящими друг за друга концами. Диаметр их 6—7,5 см (кург. 10, могильник Каракуджур, кург. 3 могильника Алын).

5. Булавки и проколки — 10 экз. В виде длинных заостренных стерженьков, иногда с рифлением, с утолщенной или шаровидной головкой. Длина от 5 до 15 см. 8 бронзовых, 2 железные. В одном случае бронзовый стержень украшен листовой золотой обкладкой. А в другом — бронзовый рифленый стержень длиной 25 см. Интересна булавка из кург. 42 могильника Карабулун: она с навершием в виде трузубца с утолщенными шаровидными головками (Жибиров, 1959, с. 73, рис. 3, 7).

6. Бляшки — 12 экз. Маленькие, диаметром 0,5—0,6 см, квадратной или круглой формы, с загнутыми слегка краями и с отверстиями для закрепления. 10 из них — бронзовые, две — золотые, но на бронзовой основе. Видимо, служили для украшения одежды.

7. Зеркала — 3 экз. Бронзовые, двух типов: I тип — плоский гладкий диск с боковой ручкой, т. е. I отдел I тип по Б. А. Литвинскому (кург. 42 и 43 могильника Карабулун). II тип — плоский диск с ручкой петелькой на обратной стороне, т. е. III отдел I тип по Б. А. Литвинскому (Литвинский, 1978, с. 75—98). Ручка петелька сделана в виде стилизованной фигуры зверя. Диаметр его 8 см (кург. 24 могильника Джаргимбай).

8. Сурьмяташи — 4 экз. Каменные, разнотипные: 1) трехгранный в верхней части и заостренный книзу, длина 10,5 см, наибольшая ширина грани 1,8 см; 2) округлый в сечении, длиной 9,5 см; 3) четырехгранный в верхней части и заостренный книзу, длиной 9,2 см, с шириной грани 1 см (рис. 16, 10); 4) прямоугольный в сечении с округлыми краями, заостренный книзу, длина 5,7 см (рис. 16, 5). Все с отверстиями в широкой верхней части.

Предметы бытового утвари.

1. Ножи — 25 экз. Два из них бронзовые, остальные железные. Бронзовые ножи двух типов: I — с тупой слегка изогнутой спинкой и с кольцевым навершием, длина ножа 15,5 см. 2 — с тупой спинкой, но рукоять не выделена, длина ножа 11 см (на лезвие приходится 8, на черенок 3 см). Все железные ножи в основном фрагментарны, сильно окислены, что затрудняет точное определение их форм.

2. Оселок — каменный, длиной 14 см, шириной 4,5 см, с отверстием в верхней части, из кург. 44 могильни-

ка Аламышык, т. е. найден вместе с бронзовым ножом с кольцевидным навершием (Бернштам, 1952, с. 27, 29, 31, рис. 12, 2).

3. Пряслица — 5 экз. Почти все однотипны, каменные, в виде плоского диска круглой формы, с отверстием посередине, диаметром 3—4 см, толщиной 0,5—1,3 см. (рис. 16, 9).

Предметы конского снаряжения (случайные находки).

1. Удила — бронзовые, стремянковидные, с дыркой в основании стремячка, сохранилась только одна половина (рис. 16, 4).

2. Пряжки подпружные — бронзовые, одна пара, овально-сердцевидной формы, с трапецевидной рамкой и с небольшими отверстиями на рамке для продевания ремня. На одной пряжке имеется неподвижный язычок-кнопка (рис. 16, 1, 2).

3. Бляха — бронзовая, уплощенно-полусферическая, с остатком стержня на обороте, видимо от петли, диаметр 6,5 м. (рис. 16, 3).

Предметы культового назначения.

Жертвенный стол (находка случайная), бронзовый, прямоугольный, размерами 50×60 см, высотой бортов 6—6,5 см. Борта стола украшены 22 фигурами хищников (тигров?), из которых сохранилось 16. Фигуры даны в спокойной, «шестуюющей» позе. Лапы массивные. Длинные хвосты загнуты колючком. Головы крупные, уши прижаты. Размеры фигур: высота 4 см, длина 7 см. С двух длинных сторон в край стола вклепаны ручки, тоже массивные, полукруглой формы. Снизу по углам сохранились следы от четырех ножек (Каталог, № 37).

Таким образом, погребальный инвентарь из могильников Тянь-Шаня немногочислен, за исключением керамики. Но и керамическая коллекция сравнительно невелика здесь, если учесть количество раскопанных курганов и количество сосудов в отдельных из них 3—5 экз. В целом она представлена почти всеми типами лепной керамики Кетмень-Тюбе.

Других предметов сопроводительного инвентаря, как мы проследили, совсем немного, а предметов, дающих датировки, и того меньше. Из предметов вооружения только один наконечник стрелы может быть датирован и отнесен ко времени не ранее V в. до н. э., скорее всего — конец V—IV вв. до н. э. (с учетом его небольшого размера). В среднеазиатской археологии принято считать, что такой

тип наконечников стрел — втулчатый, трехгранный — является в VI в. до н. э. и бытует до IV—III вв. до н. э. (Акишев, 1963, с. 119—120; Медведская, 1972, с. 81, и др.)

Б. А. Литвинский, классифицируя среднеазиатские зеркала, два зеркала I типа из могильника Карабулдун отнес к V—III вв. до н. э. (Литвинский, 1978, с. 75—77). А. Н. Бернштам зеркало из Джаркымбая, II типа, датировал IV—III вв. до н. э. Б. А. Литвинский склонен был отнести его к III—II вв. до н. э., но не совсем убедительно (Бернштам, 1952, с. 40; Литвинский, 1978, с. 92—93). А. Н. Бернштам два бронзовых ножа из своих раскопок датировал VI—V вв. до н. э. (Бернштам, 1952, с. 31—34). Эти датировки остаются в силе по сей день.

Очень интересна группа бронзовых предметов конского снаряжения. Они были найдены случайно в районе Нарына. Более точное их местонахождение, время и авторство находок не известны. Об этих довольно интересных и ценных находках имеется лишь краткое упоминание в одной из статей А. Н. Бернштама, они получили также отражение в сводной таблице в другой его работе (Бернштам, 1949, с. 355; 1950, табл. ХСУ, 42, 43, 44) без сведений об обстоятельствах обнаружения и более подробной их интерпретации. Вслед за этим, похоже, они выпали из поля зрения исследователей. Эти бесспорные вещи совершенно случайно вторично были обнаружены в старых фондах Кыргызского государственного исторического музея в г. Бишкеке¹ и привлекли наше внимание.

В сводной таблице А. Н. Бернштам указывает только удила и пару подпружных пружек, но в фондах музея вместе с ними находились еще две бляхи и сурьматаш. Одна из блях явно не из этой серии вещей, поэтому мы ее здесь не коснулись. А. Н. Бернштам датировал эти предметы VIII—VI вв. до н. э. (Бернштам, 1950, табл. ХСУ, 42, 43, 44).

Как известно, удила со стремячкovidными окончаниями и с отверстиями, как наш экземпляр, широко известны (Кадырбаев, 1966, с. 316, рис. 7, 3, с. 323, рис. 15, 7, с. 332, рис. 26, 7; Вишневская, 1973, табл. IX, 19; Бернштам, 1952, с. 298, рис. 128, 8, с. 299, рис. 129; Грязнов, 1956, рис. 3, 12 и др.) и датируются сейчас VIII—VII вв. до н. э. в VI в. до

н. э. они уже заменяются другими типами (Грязнов, 1983, с. 3—18; Марсадалов, 1985, с. 12—13; Боковенко, 1981, с. 55—56; он же, 1986, с. 18).

Пружки подпружные, желобчатые также имеют широкий круг аналогий по всей евразийской степи. Исследователи уже отмечали, что районами их наибольшего распространения являются Казахстан, Алтай, Южная Сибирь (Андрянов, 1916, с. 26, 17; Бернштам, 1952, с. 298—299; Грязнов, 1956, с. 11; Руденко, 1960, табл. XXXIX, 4, 5, табл. XI, 4, 5, табл. I XIV, 4; Завитухина, 1961, с. 103—106; она же, 1966, с. 62—63; Полторацкая, 1966, с. 84, рис. 4, 6; Кадырбаев, 1966, с. 317, 330, 332, 334; Вишневская, 1973, с. 106—107, табл. 1, 4, 5, табл. II, 8, табл. VIII, 8, 9, табл. XVII, 5, 6, табл. XVIII, 35, 36, и др.), где они бытовали как в раннее, так и развитое скифско-сарматское время претерпевая небольшие изменения (Марсадалов, 1985, с. 12, рис. 1).

Однако крупный размер наших пружек и форма шпенька-кнопки позволяют отнести их к ранним экземплярам. Таким образом, если допустить, что все четыре предмета были найдены в одном месте и составляют один комплекс, что очень вероятно, тем более, что все они являются принадлежностями конского снаряжения, то допустимая дата для них — конец VIII—VII вв. до н. э., и это самый ранний комплекс вещей для территории Тянь-Шаня.

Очень интересен и жертвенный стол, украшенный фигурами животных. Он датирован VI—III вв. до н. э. (Абе-теков, Шер, 1975, с. 548—549; Каталог, № 37). Хотя и массивно, но реалистично выполненные фигуры зверей кроме эстетического, несомненно, имеют ритуальное значение. На эту функцию подобных композиций на жертвенниках, светильниках и котлах указывал еще А. Н. Бернштам, рассматривая целую серию таких культовых предметов с Иссык-Куля (Бернштам, 1952, с. 48—49). Жертвенных столов, бронзовых, массивных из района Иссык-Куля и Семиречья в целом известно немало. Среди них очень интересны экземпляры, ножки которых изготовлены в виде стилизованных лап зверей или человеческих (женских) фигур. Нарынский же жертвенник по форме и композиции украшения очень близок известному алма-атинскому алтарю, также украшенному 22 фигурами крылатых зверей.

Эти жертвенники являются, кроме того, прекрасными образцами прикладного искусства ранних кочевников, о котором, мы к сожалению, можем судить пока только по

¹ Приношу благодарность зав. фондами музея Н. Претсевой за предоставленную возможность ознакомиться с этими находками.

единичным предметам. Так, кроме жертвенника, откуда известна небольшая золотая бляшка с изображением яка, но о ней имеется только краткое упоминание (История Киргизской ССР, 1984, с. 153). Но и эти единичные предметы указывают на то, что район Внутреннего Тянь-Шаня также входил в круг территорий распространения искусства «звериного» стиля в скифо-сакское время.

Подводя некоторые итоги, еще раз отметим, что памятники Тянь-Шаня по своим топографическим и конструктивным особенностям наземных частей насыпей курганов, а также внутримогильному устройству в целом близки раннеочечневическим памятникам Кетмень-Тюбе, Таласа, Исык-Куля, Чуйской долины. Обряд погребения в курганах Тянь-Шаня также идентичен обряду в сакских курганах соседних территорий: захоронения совершены в грунтовых могилах, ориентированных по линии З—В. Ямы имели перекрытия из дерева или каменных плит. Часто в северных стенках могил были ниши для помещения инвентаря. Положение и ориентация погребенных и место помещения инвентаря не претерпело никаких изменений.

А. К. Кибиров все исследованные им памятники с захоронениями в грунтовых могилах за отсутствием твердо датированных предметов и по аналогии с буранинско-чельпекскими курганами в значительной степени на основании письменных источников отнес к памятникам усуней и датировал их очень широко: от III в. до н. э. до V—VI вв. н. э. (Кибиров, 1959, с. 103—112). Сейчас есть тенденция относить буранинские курганы к IV в. до н. э. и вместе с чельпекскими интерпретировать как сакские, отражающие разные этапы единой культуры (Заднепровский, Кожкомбердиев, 1984, с. 159—164; Заднепровский, 1971, с. 27—31).

А. К. Кибиров также отмечал сходство могил с перекрытием из каменных плит из своих раскопок с погребениями IV—III вв. до н. э., исследованными А. Н. Бернштамом, но считал этот признак результатом преемственности двух культур (Кибиров, 1959, с. 105).

Между тем, единый по всем своим составным частям комплекс погребений относится к двум разным культурам, кажется, нет никаких оснований. Например, курганы с перекрытием из каменных плит были исследованы и в других районах, в частности, в могильнике Джель-Арык в Чуйской долине, также содержащие в основном керамические сосуды, правда, более архаического типа, датированные раннесакским временем (Мокрынин, 1982, с. 39—41).

Могилы с перекрытием из каменных плит могильника Кеден ничем не отличались от могил без такового или же имеющих деревянное перекрытие. В нескольких таких могилах с каменным перекрытием были найдены сердоликовые бусы, инкрустированные белой пастой, характерной обычно для сакских погребений (Литвинский, 1972, с. 78—82, табл. 23, 1, 2, 10). Наличие перекрытий из каменных плит здесь объясняется наличием этого материала в природе. Так, часто такое перекрытие имели могилы, которые располагались на широких террасах, где можно наблюдать значительные выходы каменных пород на поверхность.

Керамические комплексы в тех и других захоронениях идентичны между собой. В целом же керамическая коллекция Тянь-Шаня очень близка к группе лепных сосудов из сакских курганов Кетмень-Тюбе и Семиречья. Наличие своеобразных форм керамики и орнаментации сосудов, видимо, должно отражать не хронологические, а локальные особенности региона. Этим, вероятно, объясняется и ограниченное количество погребального инвентаря, представленного в основном керамикой.

Заслуживают внимания и результаты антропологического анализа краниологического материала, в соответствии с которым серия так называемых усуньских черепов Тянь-Шаня по своим характеристикам очень близка к сакским черепам. Эти результаты свидетельствуют, что население, относимое к усуньскому времени было по расовому типу европеоидным с малой долей монголоидной примеси, как и население сакского времени Тянь-Шаня (Гинзбург, 1954, с. 356—362; Миклашевская, 1959, с. 296—299; Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 132—150).

Таким образом, отнесение одних и тех же памятников к двум разным культурам и двум разным этносам неравномерно. Рассмотренные памятники Тянь-Шаня в основном синхронны с сакскими памятниками Кетмень-Тюбе и других районов Кыргызстана. Возможно, большая часть из них относится к позднему этапу времени ранних кочевников, но той же единой культурной общности, что и другие памятники саков.

А. Н. Бернштам считал, что скорченные погребения могильника Аламынчик и андроновский тип погребений результат влияния северных сакских элементов из Казахстана и Алтая (Бернштам, 1952, с. 33). Видимо на Тянь-Шане проживали этнически разные группы населения и

рамках одной огромной этнической общности. Культурно-экономические связи их больше тяготели к северному направлению, в районы Семиречья Горного Алтая, Южной Сибири. О существовании связи с Ферганой пока трудно судить, так как конкретных свидетельств этому мы не находим, но с другой стороны, соседнее географическое расположение их предполагает существование такой связи, но возможно влияния были не значительными. В этом плане можно вспомнить обряд положения сосудов на краю могильных ям в могильнике Ваския I, встречающийся и в памятниках Ферганы.

Все сказанное позволяет полагать, что эти многочисленные, пока плохо датированные курганы с грунтовыми могилами, скорее всего, оставлены местными племенами скотоводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абетсков А. К., Шер Я. А.* 1975. Раскопки в ущелье Иссык-Ата // Археологические открытия 1974 года. — М., С. 547—549.
2. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 320 с.
3. *Андрианов А. В.* 1916. К археологии Западного Алтая // ИАК. Вып. 62.
4. *Бабанская Г. Г.* 1956. Беркларский могильник (К некоторым вопросам изучения памятника) // ТИИАЭ. АН КазССР. Т. I. — Алма-Ата. С. 189—206.
5. *Бернштам А. Н.* 1949. Основные этапы истории и культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. XI. С. 337—384.
6. *Бернштам А. Н.* 1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» // МИА. 14. — М. — Л. 254 с.
7. *Бернштам А. Н.* 1951. Древний Тянь-Шань // КСИИМК. 38. С. 140—144.
8. *Бернштам А. Н.* 1952. Историко-археологические очерки Центральной Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 26. — М. — Л. 346 с.
9. *Бокovenko Н. А.* 1981. Динамика развития конской сбруи в скифское время на Алтае (К проблеме цикличности инноваций) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. — Л. С. 55—57.
10. *Бокovenko Н. А.* 1986. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая // Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л. — 24 с.
11. *Вишневская О. А.* 1973. Культура сакских племен пизовцев Сыр-Дарьи в VII—V вв. до н. э. — М. — 159 с.
12. *Гилъбург В. В.* 1954. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (1 тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // ТИЭ АН СССР. Т. XXI. — М. — С. 354—382.
13. *Гилъбург В. В., Трофимова Т. А.* 1972. Палеоантропология Средней Азии. — М. — 372 с.
14. *Горбунова Н. Г.* 1962. К истории Ферганы в эпоху раннего железа // СА. 4. — С. 37—48.

15. *Грязнов М. П.* 1956. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61. — С. 7—16.
16. *Грязнов М. П.* 1983. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Вып. 12. — Кемерово. С. 3—18.
17. *Завитулина М. П.* 1961. Могильник времени ранних кочевников близ г. Вейска // АСГЭ. 3. — Л. — С. 89—108.
18. *Завитулина М. П.* 1966. Курганы у села Выстриянского в Алтайском крае (По раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. 8. — Л. — С. 60—77.
19. *Забнепровский Ю. А.* 1971. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. — V в. н. э. // СНВ. Вып. 10. — М. — С. 27—36.
20. *Забнепровский Ю. А., Кожомбердиев И. К.* 1984. Кочевники в VI в. до н. э. — середине VI в. н. э. // История Кыргызской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Т. I — Фрунзе: Кыргызстан. — С. 144—177.
21. История Кыргызской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Т. I — Фрунзе: Кыргызстан. — 798 с.
22. *Кадырбаев М. К.* 1966. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука. С. 303—428.
23. *Кибиров А. К.* 1955. О работе Тянь-Шаньского археологического отряда Кыргызской комплексной экспедиции (Предварительные итоги) // Первая научная сессия АН Кыргызской ССР. — Фрунзе, С. 441—449.
24. *Кибиров А. К.* 1959. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане (1953—1958) // ТКАЭЭ. Т. II. — М. — С. 63—138.
25. *Кожомбердиев И. К., Ташбаева К. И.* 1982. Глиняных дел мастера // По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. — Фрунзе, С. 41—48.
26. *Литвинский В. А.* 1972. Древние кочевники «крыши мира». // М., 268 с.
27. *Литвинский В. А.* 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. // М., 255 с.
28. *Максимов А. Г.* 1972. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане: Наука, С. 123—138.
29. *Максимов А. Г.* 1975. Узун-Булак и Шошкала — могильники усуньского времени // Древности Казахстана. — Алма-Ата: Наука, С. 141—160.
30. *Марсадов Л. С.* 1985. Хронология курганов Алтая (VIII—VI вв. до н. э.) // Автореферат дисс... канд. ист. наук. Л. 16 с.
31. *Медаевская И. П.* 1972. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА, 3. С. 76—89.
32. *Миклашевская П. Н.* 1959. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии // ТКАЭЭ. Т. 2. — М. С. 295—331.
33. *Мокрый В. П.* 1982. Гробницы ранних кочевников // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе: Илим, С. 39—41.
34. Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставок // Л. 1983, 79 с.
35. *Полторацкая В. И.* 1966. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве // АСГЭ, 8 — Л. — С. 78—102.
36. *Руденко С. И.* 1969. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. // М. — Л., 361 с.

37. *Ташбаева К. И.* 1983. О работе Тянь-Шаньского отряда // АО 1981 года. — М., С. 502.

38. *Ташбаева К. И.* 1983а. О расписной керамике ранних кочевников Тянь-Шани // Культура и искусство Киргизии. ТД Всесоюзной научной конференции. Вып. 1 — Л. — С. 41—43.

39. *Ташбаева К. И.* 1985. Раскопки и разведки во Внутреннем Тянь-Шане // АО 1983 года. — М. — С. 578—579.

40. *Ташбаева К. И.* 1985а. Исследования Тянь-Шаньского археологического отряда в зонах мелиоративного строительства // Археологические исследования в зонах мелиорации: итоги и перспективы их интенсификации. Научно-практическая конференция. Тезисы. — Л. — С. 70—71.

41. *Ташбаева К. И.* 1986. Раскопки в местности Кеден // АО 1983 года. — М., С. 490.

42. *Ташбаева К. И.* 1987. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (Вопросы хронологии и локальных вариантов) // Автореферат дис... канд. ист. наук, Л., 18 с.

М. К. КАДЫРБАЕВ

СВЕТИЛЬНИК С КОСМОГОНИЧЕСКИМ СЮЖЕТОМ ИЗ г. АЛМАТЫ

Среди памятников, характеризующих древние традиции историко-культурного единства племен Северного Кыргызстана и Юго-Восточного Казахстана, выделяется группа художественных бронз сако-усуньского времени, представленная предметами культового назначения (бронзовые столы, светильники и котлы).

Жертвенных стволов и светильников, отличающихся, как правило, один от другого оригинальностью декора, известно немного: первых — 3, вторых — 9 экземпляров. Все они относятся к категории случайных находок. Последнее обстоятельство заметно снижает информативную емкость этого своеобразного вида исторических источников.

Новая находка в мае 1979 г. бронзового фигурного светильника интересна, помимо всего прочего, тем, что по ее следам удалось провести археологические раскопки. Светильник, обнаруженный в комплекте с железным и медным котлами, происходит из сильно разрушенного земляного сооружения, расположенного в 400 м к западу от опытной станции «Юный натуралист», в левобережной части р. Малая Алма-Атинка.

В первоначальном состоянии памятник представлял собой, вероятно, круглую площадку, углубленную в землю на 0,4 м. Судя по сохранившемуся участку, общая площадь ее составила около 130 м². На стационарный характер этого степного «храма» огня указывают глиняная платформа-алтарь, кострище, многочисленные остатки костей мелкого и крупного рогатого скота, фрагменты керамики и другие вещи (большие и малые камни для растирания красок и еще каких-то неясных операций, сланцевая литейная форма, костяная пронизь, керамические напоясла и т. д.). Вопрос об архитектурном облике памятника остается открытым. В качестве предположения можно допустить, что

том широкого распространения митраизма в странах Древнего Востока в последние века I тыс. до н. э.

Условия находки и внешние атрибуты малоалмаатинского святилища проясняют назначение многих так называемых семиреченских кладов с котлами и курильницами региона северных скатов Заилийского Алатау и южных склонов Кунгей-Алатау. Степные «храмы огня», подобные малоалмаатинскому, были особым местом церемониально разнородной культовой практики.

К. И. ТАШБАЕВА

О РАСПИСНОЙ КЕРАМИКЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ

На территории Кыргызстана археологами (М. В. Воеводским, М. П. Грязновым, А. Н. Бернштамом, Ю. Д. Баруздиным, А. К. Абетековым, И. К. Кожомбердиевым, В. П. Мокрыниным) в разное время вскрыт ряд курганов, содержащих расписную керамику, которая привлекает особое внимание, поскольку представляет собой важный материал для суждений относительно культурных связей ранних кочевников с соседними областями. Несмотря на имеющиеся по данному вопросу опубликованные работы, есть необходимость вернуться к нему вновь, но уже с учетом новых находок и всех найденных прежде расписных сосудов за время археологического изучения Кыргызстана.

Первый сосуд с росписью найден в 1928 г. в Бурачинской группе курганов, раскопками М. В. Воеводского и М. П. Грязнова. Это кувшин с округлым туловом, покрытый росписью красной краской в виде извилистых линий¹ (рис. 1, 5).

Два расписных сосуда были обнаружены при строительстве БЧК. Это горшки с ручкой, расписанные вертикальными полосами² (рис. 1, 4).

В 1945—1952 гг. А. Н. Бернштам проводил исследования в южных районах республики — Ферганской и Алайской долинах. При раскопках курганов в местности Тулейкен им прослежен интересный обряд: следов могильной ямы и труположения под курганной насыпью не обнаружено, а на дневной поверхности было по одному сосуду. На одном из них — кувшине грушевидной формы с плоским дном и отогнутой закраиной — имеется резной орнамент в виде трех поясов треугольников, вершинами вниз. Треугольники раскрашены в шахматном порядке красной и желтой краской. Нижняя часть тулова окрашена в красный цвет³.

В местности Шарт на Алае в разное время исследованы А. Н. Бернштамом два могильника, названные Шарт I и Шарт II. В могильнике Шарт I, в кургане 16, найдены круглодонная белоангобированная чаша с росписью в виде углов⁴ (рис. 1, 2). А в могильнике Шарт II, в кургане I, где были коллективные захоронение, найдены обломки чаши, украшенной росписью в два пояса. Первый пояс в виде пересекающихся линий (решетки), второй пояс состоит из больших треугольников, чередующихся сетчатым заполнением и штриховкой в шахматном порядке⁵ (рис. 1, 1). В комплексе с чашей были найдены два бронзовых трехпалых черешковых наконечника стрел, один из которых с расщепленным черешком, обломки бронзового зеркала, бронзового шила, железного одностебельного ножа и костяная подвеска. Все эти курганы А. Н. Бернштам датировал VI—IV вв. до н. э.

Исследования А. Н. Бернштама на Алае продолжил Ю. Д. Баруздин. Среди других интересных материалов им была найдена плоскодонная асимметричная чаша с выгнутыми боками (курган 5 могильника Нура I). На чаше следы росписи карминно-фиолетовой краской. Мотив росписи — ромбики с сетчатым заполнением, по-видимому, расположенные в три пояса под горизонтальной линией, проведенной в верхней части сосуда, вдоль закраины. Край венчика также закрашен. Эта чаша отнесена Ю. Д. Баруздиным к VI—V вв. до н. э. (рис. 1, 3).

В начале 60-х годов было продолжено археологическое изучение Чуйской долины⁶. В семи курганах нескольких могильников найдены сосуды, в основном горшки — круглодонные, с выгнутыми боками и петлевыми ручками, в одном случае в виде выступа. Всего обнаружено четыре горшка целых и три фрагмента от трех сосудов. Роспись на них выполнена в виде каплевидных потеков, идущих сверху вниз, и в виде вертикальных линий (рис. 1, 6—12). Другой сопровождающий инвентарь беден и незначителен, кроме бронзового крючка и золотых проволочных серег с длинными пустотелыми конусовидными подвесками. Автор раскопок датировал эти сосуды III в. до н. э. — I—II вв. н. э.

Большая часть расписных сосудов происходит из памятников времени ранних кочевников долины Кетмень-Тюбе. Здесь она представлена 13 экземплярами, найденными в шести могильниках.

В могильнике Джал-Арык II, насчитывающем около 150 курганов, исследованных в течение четырех полевых сезонов (1963, 1964, 1968, 1969 гг.) И. Кожомбердиевым, расписная керамика обнаружена в двух курганах. В нише могильной ямы кургана 120 стояли четыре глиняных сосуда: три лепных и одна стамбовая чаша. Одна из лепных чаш (разбитая, сохранилась одна половина) расписана горизонтальными и вертикальными линиями темной карминно-фиолетовой краской (рис. 2, 4). В кургане 34 найден плоскодонный лепной кувшин, с росписью на плечиках в виде заштрихованных треугольников, расположенных в три пояса. Роспись выполнена темной карминно-фиолетовой краской, а венчик, горловина и часть тулова ниже росписи закрашены светлой краской (рис. 2, 1).

Рядом с ним находились фрагменты венчика другого кувшина, изготовленного на гончарном круге. Здесь же найдены золотая серьга, колчанный бронзовый крючок, бронзовая пряжка-сбойма, бронзовая полушаровидная чашка, пять раковин каури.

В могильнике Кайрак, исследованном И. Кожомбердиевым в 1970 г., в трех курганах найдены сосуды с росписью. В кургане 3 в нише стояли четыре лепных сосуда: две большие миски, кружка и расписной круглодонный горшок с носиком и петлевидной ручкой (рис. 2, 7). Роспись в виде треугольников, идущих сверху вниз от венчика, закрашенных сплошь карминно-фиолетовой краской. Ниже идет закрашенная полоса шириной около 8 см.

В нише могильной ямы кургана 4 стоял круглодонный лепной кувшин с высокой расширяющейся кверху горловиной. На плечике роспись в виде извилистых линий, выполненных бледно-красной краской на светлом фоне (рис. 2, 9). В яме разбитый лепной чернолощенный кувшин, тулово которого украшено резным треугольным орнаментом, заключенным между параллельными горизонтальными линиями, и обломками лепной чаши. В западной части ямы, возле черепа, была найдена золотая фигурка петушка.

В кургане 5 этого же могильника, в нише северной стены стояло 5 лепных сосудов: миска, 3 чаши и горшок. Посередине тулова горшка острый перегиб, верхняя часть от перегиба плавно вогнута, а шей роспись в виде углов, нарисованных один в другом в 3—4 ряда. Вся поверхность горшка закрашена карминно-фиолетовой краской, а роспись выполнена коричневой краской (рис. 2, 6).

В могильнике Воз-Тектир (исследован в 1972 г. И. Ко-

жомбердиевым) три кургана также дали расписную керамику.

В могильной яме кургана 3, в северо-западном углу, было три лепных сосуда: небольшой горшок и два почти одинаковых, массивных кувшина, расписанных вертикальными полосами (ширина полосы 0,8—10 см, длина 13—15 см), проведенными от закраины вниз. Полосы нанесены красной краской, а нижняя часть сосудов сплошь покрыта более светлой краской. На одном из кувшинов между полосами нанесены округлые и вытянутые пятна той же краской (рис. 2, 8, 10).

В кургане II, в могильной яме, в нише было четыре лепных сосуда: круглодонный горшок с петлевидной ручкой, широкая миска и две чаши. Интерес представляет одна из чаш с темно-серой, хорошо заглаженной поверхностью, на которой расположены три горизонтальные полосы, заштрихованные светлыми вертикальными полосами (рис. 2, 2).

Четыре лепных сосуда найдены в кургане 12. Это миска, две кружки и горшок с петлевидной ручкой и тремя косыми, прерывающимися полосами на боку, выполненными жидкой красной краской (рис. 2, 11).

Один сосуд найден в кургане 1 могильника Джазы-Кечу. Это лепной горшок, с округлым туловом, расписанный в верхней части короткими косыми линиями, выполненными темной карминно-фиолетовой краской (рис. 2, 14).

В могильнике Теке-Таш в 1973 г. В. М. Мокрынин вскрыл около 25 курганов, два из которых содержали расписную керамику⁸.

Поскольку данные относительно этих курганов имеются в статье В. П. Мокрынина, обратим внимание только на расписную керамику, которая, к сожалению, получила неполное и не совсем верное отражение в статье. Чаша из кургана 5 расписана треугольниками, заштрихованными косыми линиями. Край венчика окрашен также темно-красной краской (рис. 2, 5). Второй сосуд из кургана 25. Это небольшой горшок со следами разбитой ручки. Тулово расписано неопределенными извилистыми линиями, нанесенными жидкой черной краской (?) по светлому фону (рис. 2, 12).

Горшок со следами отбитой ручки и росписью в виде косых линий, выполненных красной краской по более светлому фону, найден в кургане 22 могильника Джаныш-Булак⁹ (рис. 2, 13).

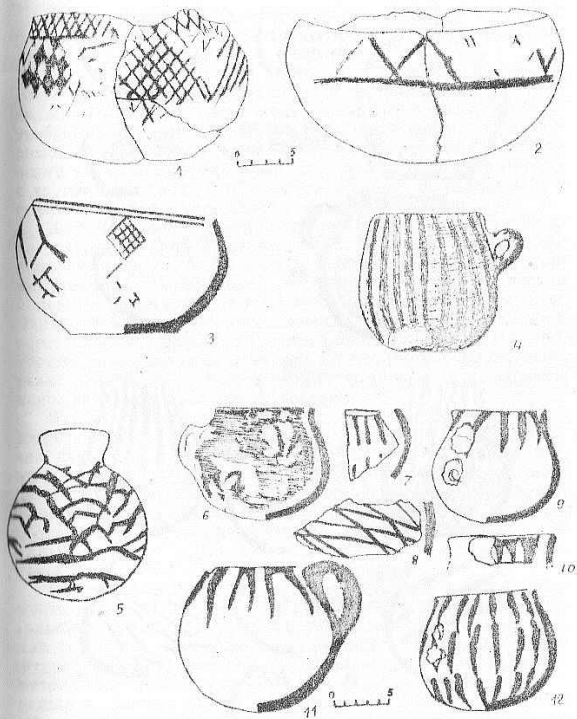

Рис. 1. Расписная керамика ранних кочевников.

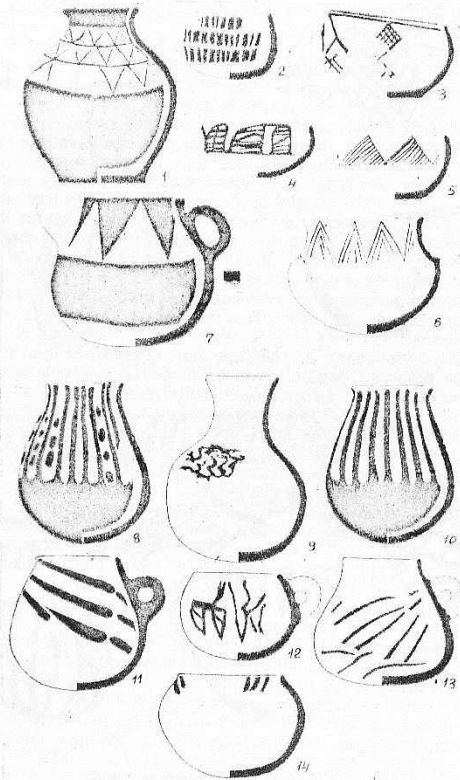

Рис. 2. Расписная керамика ранних кочевников.

Таким образом, в настоящее время учтено 27 сосудов с росписью, из них 24 целых и 3 представленных фрагментами.

Расписная керамика найдена в раннекочевнических погребениях Чуйской, Алайской и Кетмень-Тюбинской долин, в обычных грунтовых могильных ямах, прямоугольной, подпрямоугольной и овальной форм. Ориентировка всех могил по линии запад-восток, иногда с небольшими отклонениями на север или юг. Эта керамика наряду с другими сосудами и находками в основном находилась в северо-западной части ямы, а нередко и в нише.

На основании изучения всей найденной керамики можно утверждать, что в основном расписывались сосуды, вылепленные вручную. По ряду признаков — таких, как форма, техника изготовления и другие, расписная посуда ничем не отличается от всей остальной лепной керамики. Однако она более высокого качества как по тесту, так и по изготовлению (форма, качество обжига, облицовка и др.). Роспись выполнялась красной или карминно-фиолетовой, редко черной краской по более светлому фону и в основном покрывала верхнюю часть сосуда.

Вместе с расписной керамикой в одном комплексе встречаются станковые и простые лепные сосуды. Станковая керамика идентична сосудам из могильников Феррары VI—IV вв. до н. э. Из сопровождающего инвентаря, найденного вместе с сосудами, нужно отметить бронзовые трехперые наконечники стрел, колчаный крючок, прижикоймы и бляхи, серьги из гнутой золотой проволоки, раковины каури и т. д., которые характерны для сакской культуры Тянь-Шаня и прилегающих областей.

По стилю росписи можно выделить три группы орнамента сосудов. 1. Орнамент строго геометрический: треугольники, углы или ромбы, расположенные в один, два или три ряда. Они заполнены сплошной заливкой, косой штриховкой или сеточкой. 2. Орнамент, не имеющий геометрически правильных схем, а в виде извилистых, вертикальных, косых линий и каплевидных потеков, идущих сверху вниз, иногда от закрашенного венчика. 3. Третий тип росписи — негативный — представлен одной чашечкой из могильника Ваз-Тектир. Его темно-серая, хорошо заглаженная поверхность разделена на три горизонтальные полосы.

Различие в стилях росписи, вероятно, является результатом различных истоков их происхождения, что указы-

ет на различные направления связей ранних кочевников Тянь-Шаня. Так, группа сосудов с геометрическим орнаментом по качеству изготовления, мотивам орнамента находят полные аналоги в материалах Акташского, Кунгайского и других могильников Ферганы VI—III вв. до н. э.¹⁰ В Фергане культура расписной керамики существовала на протяжении длительного времени; ее истоки восходят к чужеской культуре эпохи бронзы и получают дальнейшее развитие в эйлатанский и шурабанатский периоды. Наша группа расписной керамики с группой стайковых сосудов, несомненно, ферганского происхождения и попала к кочевникам горных районов Тянь-Шаня в результате обмена или иных связей скотоводов с оседло-земледельческими племенами. Она наряду с сосудами второй группы, как и стайковая, встречается пока только в Кетмень-Тюбе и на Алае, граничащих с Ферганской долиной. А в северных районах Кыргызстана (Внутренний Тянь-Шань, Чуйская, Таласская долины, Иссык-Куль) геометрический расписной орнамент отсутствует, как не встречается здесь в это время и посуда, изготовленная на гончарном круге. Но именно здесь имеются сосуды с росписью второго типа.

Иной стиль росписи второй группы сосудов, возможно, представляет собой явление местного порядка. Это подтверждается отличиями и в технологии изготовления. Если первые сосуды отличаются высоким качеством изготовления, роспись нанесена темной краской, четкими и правильными линиями, то вторые сосуды более грубоваты, роспись на них нанесена небрежно, в виде мазков, светлой разведенной краской или же сжиженной глиной, что в общем-то не должно представлять большого труда для местных мастеров. Но, по всей вероятности, этот прием еще не получил большого распространения.

К сожалению, хронологическое соотношение выделяемых здесь групп расписной керамики, как и всех остальных сосудов ранних кочевников, невозможно определить. Причины отмечаемого различия, видимо, объясняются различными направлениями связей.

Так, рассматривая вторую группу керамики мы, видимо, должны учесть некоторые аналогии с расписной керамикой Центральной Азии, подкказанные нам А. М. Мандельштамом (при раскопках могильников «скифского» времени на территории Тувы были найдены сосуды с росписью, также часто не имеющие геометрически правильных схем).

Некоторые сходство с третьим стилем росписи — негативным — можно отметить также на единичных сосудах из Западного Памира. Особо следует выделить сосуд из Тулейкена, где роспись сочетается с прочерченным орнаментом. Наряду с имеющимися образцами керамики с прочерченным орнаментом из кургана 4 могильника Кайрак (чернолощенный кувшин с резным треугольным орнаментом на тулове), он, возможно, свидетельствует еще об одном направлении связей, а именно — с Хорезмом, где керамика раннекангуйского времени украшена росписью, часто сочетающейся с резным орнаментом.

Таким образом, анализ, в первую очередь расписной и другой орнаментированной посуды, отражает связи населения Тянь-Шаня второй половины I тыс. до н. э. с близкими и более отдаленными обществами того времени. Культурно-экономические связи разных районов имели разные направления в силу своего географического расположения, что наряду с другими факторами и обусловило все своеобразие культуры ранних кочевников Тянь-Шаня.

Литература

1. *Восводский М. В., Грязнов М. В.* У-суньские могильники на территории Кыргызской ССР. К истории у-суней // ВДН. 1938. № 3 (4). С. 167. Рис. 24.
2. *Верштам А. Н.* Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. — Фрунзе, 1943; *Ои же.* Чуйская долина // МИА. 14. — М.; Л., 1950. Табл. III, 12.
3. *Верштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 36. — М.; Л., 1952. С. 190—191. Рис. 76а.
4. *Верштам А. Н.* Историко-археологические очерки... С. 198—200. Рис. 83.
5. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. 118. — М.; Л., 1962. С. 155—156.
6. *Абелетов А. К.* Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу // КСИИМК. 107. — М., 1966. С. 122—126. Рис. 49, 4—10.
7. *Кожомбердиев И.* Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. — Фрунзе, 1977. С. 16. Рис. 4; *Кожомбердиев И., Ташбаева К. Н.* Глиняные дела мастера // По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. — Фрунзе, 1982. С. 41—48. Рис. 24, 6—14.
8. *Максимилин В. П.* Раннекочевнические курганы в урочище Текеташ // Кетмень-Тюбе. С. 62—66. Табл. II, 20.
9. *Абелетов А. К.* Могильник Джаньян-Булак // Кетмень-Тюбе. С. 76—85.
10. *Латынин В. А.* Эйлатанская расписная чаша // КСИИМК. 80. — М., 1960. С. 90—92; *Галбург В. С., Горбунова Н. Г.* Ак-Тамский могильник // КСИИМК. 69. — М., 1957. С. 78—80, цветная вклейка; *Горбу-*

нова Н. Г. Кунгайский могильник // АСГЭ. 3. — Л., 1961, С. 178. Рис. 6; Она же. К вопросу о расписной керамике Ферганской долины // СГЭ. 21. — Л., 1961. С. 41—43; Она же. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. 5. — Л., 1962. С. 99. Рис. 2, 10, 11, 13; Gorbunova N. G. The Culture of ancient Fergana VI century B. C. — VI century A. D. // BAR. International Series 281. — London, 1986.

Н. Г. ГОРБУНОВА

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ КУГАЙСКО-КАРАБУЛАКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ФЕРГАНЫ

Украшениям ферганского населения первой половины I тыс. н. э. (а именно этот период является временем расцвета кугайско-карабулакской культуры [14] посвящена одна из работ Б. А. Литвиновского [24], в которой он впервые собрал имевшиеся в его распоряжении украшения из могильников и рассмотрел их на широком фоне.

Новое обращение к этой теме вызвано как накоплением материала, так и несколько иным подходом к ней: попыткой выделить специфически ферганские украшения, их ареалы внутри долины и возможные хронологические различия. На полноту данное исследование не претендует, так как не все источники, которыми можно пользоваться, полнотены. Прежде всего остаются практически недоступными материалы уникального Карабулакского могильника. В существующих публикациях приводится лишь общая характеристика памятника и отдельных категорий находок [3; 4]. При этом именно украшения описываются лишь суммарно. Сами же украшения в незначительном количестве доступны только в фондах Государственного Эрмитажа*. В публикации материалов могильника Тураташ об украшениях тоже говорится очень мало, и они не воспроизводятся [6, с. 60]. Кроме того, трудно бывает установить место, где именно находилось украшение, поскольку описания отличаются нечеткостью. Следует отметить, что и в целом в археологии Средней Азии украшениям пока уделяется недостаточно внимания, а между тем не исключено, что более детальное их изучение могло бы помочь в решении, например, вопросов палеоэтнографии.

Рассматриваемые в данной статье украшения, за исключением отдельных находок, происходят из погребений. На поселениях находки их редки [31]. При этом необходимо учитывать неравномерность исследования погребений в

* Фонды ОИПК, колл. № 2704.

30. Памятники культуры и искусства Киргизии: Каталог выставки. — Д., 1983.
31. Салтовская Е. Д. Древние украшения из Анга: Сб. статей по археологии, этнографии и искусству. Памяти А. А. Семенова. — Душанба, 1980.
32. Салтовская Е. Д. О раскопках могильника Дашти-Ашт, 1976 г. // АРГ. XVI. — Душанбе, 1976.
33. Сарганди В. А. Афганистан. Сокровища бальманных царей. — М., 1983.
34. Higgins R. A. Greek and Roman jewellery. — London, 1961.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

ЗАМЕТКИ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ УСУНЕЙ

Выделение в конце 20-х годов нашего столетия могильников, принадлежащих усуням¹, явилось одним из крупных успехов первого этапа целенаправленных исследований кочевнических памятников в северо-восточных областях Средней Азии. Таким образом была получена одна из основных опорных вех для хронологической классификации и атрибуции, сохраняющая свое значение и в настоящее время.

Дальнейшие исследования показали, что между погребальными памятниками двух последовательных этапов — сакского и усуньского — наблюдается очень большое сходство, в чем было усмотрено свидетельство длительного непрерывного развития одной и той же культуры в пределах обширной части Средней Азии. Исходя из такого толкования археологических фактов, еще 30 лет назад А. Н. Бернштамом была сделана попытка пересмотра сложившихся представлений относительно ранней истории усуней. Сообщения письменных источников о их переселении во второй половине II в. до н. э. с удаленной восточной территории были поставлены им под сомнение и выдвинута гипотеза о переходе в это время лишь ведущей роли от одной группы племен к другой. По мнению А. Н. Бернштама, уход части саков на запад позволил занять ведущее место их восточным соседям — исседонам-усуням, являвшимся носителями той же культуры, что и саки Семиречья².

Не останавливаясь на других положениях гипотезы А. Н. Бернштама, стремившегося обосновать свое отождествление усуней и кушан, необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемой части она все же не позволила ему фактически отвергнуть реальность прихода усуней с востока. Оснований для локализации восточных исседонов античных авторов в пределах Средней Азии не имеется, и все, что

сообщается о них источниками, заставляет искать их места обитания в Восточном Туркестане. К тому же отождествление их с усунями не имеет реальных оснований и не получило признания. Однако идея о местном происхождении усуней нашла распространение среди специалистов в области Средней Азии и оказалась заметное влияние на подход к памятникам саков и усуней. Предложенное А. Н. Бернштамом объединение двух последовательных периодов в один, сако-усуньский, принято многими исследователями, и вследствие этого вопросу о чертах различия между ними уделялось значительно меньше внимания, чем констатации сходства. Указанная концепция четко отражена, например, в новом издании «Истории Казахской ССР» где говорится следующее: «Судя по сообщению Чжан Цяня (II в. до н. э.), место «прежнего» обитания усуней были землями где-то далеко на востоке, что очевидно не соответствует действительности. Археологические и палеоантропологические источники говорят об этнокультурной преемственности саков и усуней»³.

За последние десятилетия на территории Кыргызстана и Казахстана исследовано большое количество памятников сакского и усуньского периодов; хотя результаты этих работ лишь частично отражены в печати, значительный прогресс в нахождении здесь новых фактов очевиден. Важно отметить, что появление данных относительно крупных могильников, подвергавшихся многолетним исследованиям, дает возможность проконтролировать заключение, сделанное ранее по результатам выборочных раскопок. В свете этого упрочение мнения о тенетической преемственности усуней и саков (очевидно, в «прямом» их варианте, без локальных перемещений), казалось бы, следует рассматривать как следствие появления новых и весомых свидетельств его обоснованности. Однако именно эта преемственность до сих пор остается гипотетической, и специальной развернутой аргументации ее не последовало. В то же время не подвергались рассмотрению и другие возможные варианты интерпретации археологических фактов.

Таким образом, следует констатировать наличие существенных расхождений между сведениями письменных источников в традиционной их интерпретации и археологическими данными в указании их истолковании. Пока не доказана с достаточной убедительностью достоверность первых, а далеко идущие и тем более категорические заключения на основании вторых должны считаться пре-

временными. В связи с этим, естественно, встает вопрос о необходимости оценки значимости указанных двух категорий источников фактических данных. Детальное рассмотрение его здесь невозможно, но некоторые предварительные соображения могут быть высказаны.

В первую очередь следует обратиться к сведениям, содержащимся в письменных источниках: они являются необходимой основой для конкретно-исторической атрибуции памятников — в особенности когда речь идет о периоде, характеризующемся крупными племennыми передвижениями. Из числа их наибольшую ценность имеют сообщения Чжан Цяня, которые, как известно, частично основаны на его личных наблюдениях в период пребывания в ряде областей Центральной и Средней Азии, а частично — на расспросных данных, полученных от жителей. Сведения о событиях более раннего времени принадлежат ко второй категории — менее достоверной по своему характеру и соответственно нуждающейся в контроле.

Источник данных с ранней истории усуней указан в тексте «Исторических записок» Сыма Цяня: это рассказы сюнну, которые Чжан Цянь слышал в период пребывания у них в плену⁴. Теоретически, конечно, возможны сомнения в их полной достоверности. Но тут следует учитывать весьма важный факт: именно на них основывались далеко идущие политические и стратегические планы ханьского правительства в отношении усуней, от реализации которых зависела не только карьера самого Чжан Цяня, но и его дальнейшая судьба. Поэтому вероятность представления них недостоверных или, точнее, непроверенных данных, очевидно, крайне ограничена.

В интересующем нас аспекте особенно важно указать, что усуней в период подчинения их сюнну составляли «малое владение» на западной окраине подвластной последней территории. В дополнение к этому говорится, что впоследствии они несли службу по охране Западного края⁵. Учитывая границы державы сюнну в тот период, речь здесь не может идти относительно территории Средней Азии. Но решающее значение имеет независящее от сообщений Чжан Цяня известие, содержащееся в письме шаньюя Маотуна к китайской императрице, написанном в 176 г. до н. э. Здесь усуней упоминаются в числе покоренных владений вместе с Лоулянь и Хуцзе⁶. Подчинение их, судя по контексту, последовало непосредственно за первой победой сюнну над юечжамми. Таким образом, два разных источника однознач-

но свидетельствуют о том, что в первой половине II в. до н. э. усунь обитали не в Средней Азии, а где-то вблизи от восточной окраины Туркестана.

Наложное выше не является какой-то новой интерпретацией сообщений письменных источников: это лишь подчеркивает возможность контроля их, не оставляющего места для сомнений в достоверности фактов. Впоследствии этого правомерно говорить о необходимости соблюдать осторожность при оценке значимости свидетельств археологии и считать возможными разные варианты их интерпретации. Какова бы ни была оценка современного уровня изученности кочевнических памятников северо-восточных областей Средней Азии, вопрос о более точном выделении их числа усуньских сохраняет свою актуальность. С достаточными основаниями можно считать, что он заслуживает специального и углубленного исследования не только в плане разграничения двух периодов в истории культуры населения этой части Средней Азии, но и с учетом реальных изменений в его составе. Здесь уместно напомнить сообщение о том, что в I в. до н. э. в пределах одной и той же территории обитали не только усунь, но также оставшиеся группы саков и юечжей⁷. Помимо конкретизации реальной ситуации оно важно и как дополнительное свидетельство о несреднеазиатском происхождении усуней. При интерпретации данных археологии указанное известие, по-видимому, следует рассматривать в сочетании со сведениями письменных источников, говорящими о росте численности усуней в пределах короткого промежутка времени, последовавшего после их передвижения в пределы Средней Азии⁸. Возможны разные объяснения этого явления, из которых наиболее вероятны два: своего рода «демографический взрыв», обусловленный благоприятными экономическими и политическими условиями жизни на новой территории, и прогрессирующая ассимиляция остатков более раннего населения. Вполне вероятно, что оба фактора действовали одновременно в одном направлении.

Объективные трудности, с которыми связано выделение памятников усуней, хорошо известны специалистам в области археологии Средней Азии, и перечислять их вряд ли есть необходимость. «Автохтонная» концепция позволяет частично избежать эти трудности, поскольку трактует реально наблюдаемые отличия разновременных памятников как следствие местного развития, однако не снимает вопроса о критерии разграничения соответствующих периодов

(или этапов, если придерживаться распространенного мнения о реальности единого сако-усуньского периода).

Ранние памятники усуней относят к III—II вв. до н. э., подразумевая тем самым, что хронологическая граница лежит где-то на рубеже IV и III вв. до н. э. С учетом рассмотренных выше событий письменных источников начало усуньского периода не может быть отнесено к этому времени. Но и вне зависимости от этого сведения, которыми мы располагаем относительно истории северо-восточных областей Средней Азии, не дают достаточных оснований считать III в. до н. э. началом какого-то нового периода. То же самое можно сказать и об археологических материалах, в отношении которых существуют специфические трудности: интерпретация их в большой степени зависит от точности датировки.

Упомянутое выше отнесение части усуньских памятников к III—II вв. до н. э., очевидно, нуждается в тщательной проверке в двух аспектах: в обоснованности определения их времени и в возможности именно такой атрибуции. Материалы из земельческих областей, составляющие в первом случае фактическую основу датировки, как правило, сами не поддаются достаточно точной хронологической классификации. Следует напомнить, о том, что археологические представления о греко-бактрийском периоде в Средней Азии остаются еще весьма приблизительными, и многое здесь спорно.

Уместно напомнить также, что А. Н. Бернштам, которого следует считать основоположником «автохтонной» концепции происхождения усуней, конкретной вехой, разделяющей сакский и усуньский периоды, считал события, произошедшие во II в. до н. э. На современном этапе исследования истории усуней необходимо всесторонне учитывать также археологические материалы из Центральной Азии, относящиеся к эпохе ранних кочевников. Хотя мы располагаем такими материалами преимущественно лишь из северной ее окраины — Тувы, наличие тех же или близких культур в Западной Монголии делает привлечение их вполне правомерным. Систематическое сопоставление, к сожалению, пока еще невозможно ввиду отсутствия полных публикаций результатов археологических исследований на обеих территориях; но тем не менее некоторые наблюдения по доступным материалам могут быть сделаны. При разграничении памятников саков и усуней, а также при хронологическом делении последних большое внимание уде-

ляется внутренней топографии могильников. Принято считать, что сакские курганы располагаются меридианально вытянутыми цепочками; усюевские могильники на первом этапе (III—II вв. до н. э.) характеризуются той же структурой, позднее в них наблюдается сочетание цепочек и бессистемного расположения, которое затем становится господствующим¹⁰.

Наличие четко выраженных цепочек составляет одну из характерных черт могильников «окифского» периода в Туве; но эта устойчивая традиция нарушается в последующий период, когда прослеживается появление здесь новых групп населения, перемещившихся с юга. Вместе с тем систематические раскопки показывают, что внешне бессистемное расположение могил, сменяющие цепочки, имеют свои закономерности, которые обнаруживаются лишь при достаточно полном исследовании памятников. В частности, существенное значение имеет выявление могил, не имеющих (во всяком случае в настоящее время) наземных признаков. Таким образом, различия во внутренней топографии памятников двух последовательных периодов в Средней и Центральной Азии сходны, и в обоих случаях изменение ее совпадает с изменениями в составе населения. Заслуживает внимания тот факт, что в обоих случаях имеет место передвижение обитателей южной части Центральной Азии.

Относительно специфики конструкции курганов усюев в настоящее время еще нет достаточной ясности; такое положение обусловлено прежде всего тем, что этот вопрос не подвергался специальному исследованию с привлечением всех известных памятников. В рамках концепции непрерывного развития единой культуры он ставился в иной форме — в плане выявления тенденции развития. Существенные результаты в этом направлении были получены при исследовании могильников Семиречья. Если исключить из рассмотрения так называемую раннюю группу, относящую к III—II вв. до н. э., то прослеживаются два общих явления: исчезновение видимых на поверхности каменных колец (характерных для сакского времени), а также появление и последующее количественное увеличение подбойных могил. Отмечено также распространение курганов с кольцевидными и прямоугольными оградками, около которых часто встречаются «ритуальные» выкладки с глиняным сосудом¹⁰.

Ограды различной формы вокруг погребальных сооружений хорошо известны в Туве, причем здесь они выступа-

ют как признак локальной специфики, а в определенных случаях — как способ выделения захоронений каких-то лиц, занимавших особое место в обществе. Количество памятников с оградками здесь возрастает в последние два века до н. э., т. е. в период появления новых групп населения, пришедших с юга, но конструкции самих оград иная. С этого же времени получают очень широкое распространение так называемые «поминальные» выкладки и более сложные сооружения с глиняным сосудом, нередко составляющие единый комплекс с погребальным. Также в последние два столетия до н. э. в Туве появляются подбойные могилы: они немногочисленны, но все же не могут считаться единичными. Встречаются они в могильниках, где преобладают грунтовые ямы различных вариантов и с разными дополнительными устройствами, также представляющими собой новое явление здесь.

Вопрос о том, с кем следует связывать подбойные могилы в Средней Азии, является в значительной степени ключевым для понимания целой эпохи в ее истории. Единства мнений здесь не существует. Раскопки нескольких больших могильников на территории Северной Бактрии, относящихся к последним двум векам до н. э. и первым векам н. э., показали, что этот тип могил характерен для кочевников, появившихся здесь в последней трети II в. до н. э. Соответственно были получены все основания связывать их здесь с юечжами¹¹. Последующие исследования на этой же территории не дали каких-либо материалов, противоречащих этому. Но следует отметить, что в тех же могильниках Северной Бактрии имеется немало могил этого же времени, но иных типов — в том числе простых грунтовых ям.

Установленный теперь факт появления подбойных могил в Туве как своего рода «сопутствующего» явления в период передвижения сюда с юга населения, характеризующегося культурой скиннского облика, заслуживает большого внимания. Он свидетельствует о том, что такие могилы были распространены где-то в южной части Центральной Азии, в западных районах которой первоначально обитали юечжи.

Учитывая все это, появление подбойных могил в северо-восточных областях Средней Азии следует связывать прежде всего с юечжами. В пользу этого утверждения говорит и относительная малочисленность здесь таких могил при явственном преобладании грунтовых ям. Последние, оче-

видно, характерны для усуней, хотя следует допускать возможность определенного распространения у них подбойных ножи все это могло быть следствием контактов с юечжамми в период, предшествовавший передвижениям на запад.

Для подавляющего большинства погребений, относимых к усуням, характерны ограниченность и единообразие сопровождающего инвентаря. Чаще всего в них встречаются глиняные сосуды повторяющихся форм, железные бесчерешковые ножи, железные булавы и шаровидными наверху ножи и бусы. Следует отметить, что практически идентичные ножи и булавы характерны также для памятников «скифского» периода в Туве: они встречаются как в больших погребальных сооружениях, содержащих многократные захоронения, так и в могилах, где обычно имеется лишь один погребенный. Совпадения наблюдаются даже в вариации размеров наверху булавок: они здесь также бывают крупными и небольшими.

Как и в северо-восточных областях Средней Азии, указанные железные изделия тут часто встречаются вместе с бронзовыми спиралевидными серьгами, снабженными перпендикулярно расположенным колечком для подвески, и бронзовыми зеркалами с небольшой боковой рукояткой варьирующей формы. Последние характерны для сравнительно поздних погребений.

Помимо этого могут быть указаны прямые аналогии и для некоторых других предметов, редко встречающихся в погребениях, относимых к усуням. Так, бронзовая, прямоугольная пряжка-обойма и бронзовая подвеска типа «костылька», найденные в кургане 24 могильника Калчигай III в правобережье р. Или¹², полностью совпадают с широко распространенными в Туве в «скифское» время. Это могло бы служить основанием для отнесения указанного кургана ко времени до появления здесь усуней, однако наличие у пряжки-обоймы дополнительно закрепленного железного явочки говорит против такой возможности. Костяной наконечник стрелы с расщепленным черешком, происходящий из кургана 20 того же могильника¹³, относится к виду, имеющему распространение со II в. до н. э.

При наличии более полных данных относительно сопровождающего инвентаря исследованных усуньских могильников подобные аналогии, очевидно, были бы многочисленнее. Но уже отмеченные выше безусловно заслуживают пристального внимания. Также оправдано и целесообразно сопоставление керамики из усуньских погребений с извест-

ной из памятников Центральной Азии. Хотя первая, несомненно, характеризуется своеобразием и представлена, по всей видимости, лишь частью форм, употреблявшихся в быту, некоторые параллели тут прослеживаются. Прежде всего следует отметить наличие как в северо-восточных областях Средней Азии, так и в Туве значительного числа сосудов, могущих быть отнесенными к числу кружек. Некоторые типы их, в особенности характеризующиеся правильной конфигурацией и небольшими размерами¹⁴, близки и по форме, и по пропорциям. Прослеживается также сходство в форме ручек и наличии нескольких вариантов их расположения. Время появления кружек в Туве еще не вполне ясно, но имеются основания полагать, что оно падает на поздний этап «скифского» периода. Одной из сравнительно часто встречающихся в усуньских могилах групп сосудов являются безручные сосуды сильно вытянутых пропорций с высокой расширяющейся кверху горловиной¹⁵. Они имеют достаточно очевидные аналогии в керамике Алтая пазырыкского времени¹⁶. При вариации размеров и пропорций таких сосудов и тут, и там отмечена специфика является общей. Необходимо отметить также некоторые редко встречающиеся в погребениях усуней глиняные сосуды, имеющие наиболее близкие аналогии именно в Центральной Азии. Так, горшок с шаровидным туловом и низкой горловиной, украшенный горизонтальными рифлением, найденный в кургане 4 могильника Унгур-гора II в долине р. Или¹⁷, по всем своим чертам сходен с известным из могильника Аймырылг в Туве (погребения «скифского» периода). Два своеобразных сосуда из кургана 3 могильника Джертак на Тянь-Шане¹⁸, которые можно отнести к числу узкогорлых безручных кувшинов, также находят себе очевидные параллели в керамике из указанного могильника в Туве. Здесь сходство прослеживается тоже не только в форме и пропорциях, но и в наличии рядов горизонтальных желобков на плечиках. Заслуживает внимание также факт наличия на многих сосудах из могильников Тувы росписи в виде вертикальных рядов вставных зигзагообразных линий, сопоставленной с изредка встречающейся на керамике из погребений, относимых к усуням¹⁹.

Приведенные центральноазиатские аналогии и параллели не являются исчерпывающими даже при обращении лишь к опубликованным материалам усуньского времени²⁰. Но они достаточно определенно говорят о необходи-

мости более широкого подхода к последним при интерпретации их в историческом плане. Мнение о том, что они по согласованию с традиционной трактовкой сообщений письменных источников, основанное на односторонней оценке соотношения с материалами предшествующего периода, теперь требует нового рассмотрения.

Наличие сходных предметов в могильниках населения Тувы и усуней теоретически может свидетельствовать либо об их синхронности, либо о сохранении в культуре последних после переселения на запад традиционных черт, сложившихся ранее. Решение этого вопроса зависит прежде всего от возможности достаточно точной датировки соответствующих комплексов, причем на «независимой» основе. Таким образом, мы неизбежно снова возвращаемся к задаче установления времени памятников северо-восточных областей Средней Азии: значение ее вырисовывается тут особенно ясно. Решение ее, возможно, повлечет за собой необходимость пересмотра некоторых сложившихся представлений относительно атрибуции исследованных в последние десятилетия могильников. Такое можно допустить, в частности, в отношении памятников Кетмень-Тюбе, которые подверглись крупномасштабным раскопкам.

Для уточнения датировок, а в перспективе и для более точного разграничения погребений саков и усуней, первостепенное значение имеет тщательный и всесторонний анализ наиболее массового материала — керамики²¹. Для того, чтобы проследить ее эволюцию, конечно, необходимы привлечение всех наличных комплексов, а также специальные усилия по выявлению их локальных вариантов. Крупномасштабные раскопки больших могильников, содержащих опознаваемые по тем или иным признакам усунейские погребения, следует отнести к числу актуальных задач археологического изучения северо-восточных областей Средней Азии.

Подводя итог изложенному выше, очевидно, можно констатировать, что имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы не позволяют, во всяком случае без всестороннего повторного их исследования, отказываться от традиционной трактовки сообщений письменных источников относительно ранней истории усуней.

Литература и примечания

1. Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усунейские могильники на территории Киргизской ССР // ВДИ. 1938. № 3.

2. Вершинин А. Н. Основные этапы истории культуры Саямырчя и Тянь-Шаня // СА. Вып. XI. 1949. С. 356.
3. История Казахской ССР. — Алма-Ата. 1977. Т. I. С. 288.
4. Бичурии Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. — М.; Л. 1950. С. 155.
5. Бичурии Н. Указ. соч. Т. II. С. 155.
6. Бичурии Н. Указ. соч. Т. I. С. 55.
7. Бичурии Н. Указ. соч. Т. II. С. 191.
8. Там же. С. 190.
9. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. — Алма-Ата, 1963. С. 235—236.
10. Там же. С. 245.
11. Маидельштам А. М. Происхождение и ранняя история куман в свете археологических данных // Центральная Азия в куманскую эпоху. Т. I. — М., 1974. С. 195.
12. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч. С. 153. Табл. 11, 12 и 14.
13. Там же. С. 283. Таб. 11, 13.
14. Там же. Таб. VII, 4, 12.
15. Там же. Табл. VI, 2, 11.
16. Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Вухтармы // Археологический сборник. № 8. — Л., 1966. Рис. 5, 3; 11, 5; 16, 5.
17. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч. Табл. VI, 15.
18. Кибиров А. Е. Археологические работы на Тянь-Шане, 1953—1955 гг. // ТКАЭЭ. Т. II. — М., 1959. Рис. 14, 2 и 5.
19. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч. Табл. XI, 32. См. также: Абеткусов А. К. Могильник Диканьчи-Булак // Кетмень-Тюбе: Археология и история — Фрунзе, 1977. С. 61. Табл. 11, 20. Необходимо отметить, что расписная керамика, известная теперь в Туве, сильно отличается от среднеазиатской как по мотивам, так и по системе расположения декора.
20. Можно указать, например, на наличие в усунейские времена погребений в подобных каменных ящиках (в ямах, стенах которых «обставлены» камнями): курган 16 могильника Кызыл-Кайнар (Максимова А. Г. Курганный могильник — Алма-Ата, 1972. С. 131. Рис. 3), курган 127 могильника Шошкала — Дрепности Казахстана. — Алма-Ата, 1975. С. 156. Рис. 7). Также же сооружены широко распространены в Туве в последние два столетия до н. э. и связаны с притоком населения в юга.
21. С этой точки зрения полностью сохраняет свою актуальность завершение соответствующего специального исследования, начатого К. И. Тамбаевой на основе материалов с территории Кыргызстана.

Д. Ф. Винник

КАРАСАДАКСКИЙ МОГИЛЬНИК

Памятник находится на широком плато, ограниченном с севера двумя надпойменными террасами р. Кара-Дары, с юга — невысоким хребтом Джаман-Адыр¹. Поверхность плато относительно ровная, кое-где расчленена неглубокими ложбинами, образованными паводковыми водами.

В настоящее время в могильнике насчитывается 12 курганов, остальные в результате многолетних планировочных работ, проводимых в этой местности, оказались разрушенными, хотя следы от многих из них еще заметны². Судя по оставшимся, курганы были расположены в основном бессистемно, лишь четыре из них составляли цепочку, вытянутую с востока на запад. Насыпи всех курганов земляные, поверхность каждого сильно потревожена пахотой, в связи с чем первоначальный облик их восстановить не представляется возможным. Сохранившиеся размеры варьируют от 5 до 20 м в диаметре при высоте от 0,5 до 1,5 м. В могильнике вскрыты все 12 курганов, относящихся к так называемому типу катакомбных погребений.

Курган 1. Высота 50 см, диаметр 6 м. В насыпи встречались мелкие камни и фрагменты красноангобированной керамики, среди которых один с процарапанным орнаментом (рис. 4, 9). Дромос в плане прямоугольный, ориентирован по север-юг. Длина его 1,8 м, ширина — 0,9, глубина — 1,3 м, забутован землей с камнями. Вход в катакомбу в северной торцовой стенке дромоса заложен плитой из песчаника размерами 0,17×0,43×0,64 м. Катакомба в плане подпрямоугольной формы, ориентирована длиной осью по линии восток-запад. Длина ее 1,8 м, ширина — 0,85, высота — 0,7 м. В потолке прослеживается грабительский лаз, забросанный камнями. Катакомба без заполнения, и только у входа и в центре над грабительским лазом — небольшое количество засыпи. У восточной стенки сохранился след от дна (диаметр 12 см) глиняного сосуда.

Рядом лежал крестец барана и тлен от камыша. Скелет погребенного и другой вещественный инвентарь не обнаружены.

Курган 2. (рис. 1). Высота 60 см, диаметр 5 м. В насыпи находился огромный валун размерами 0,57×0,73×1,24 м. По своей длине он приходился на дромос, ориентированный по северо-восток — юго-запад. Длина дромоса 1,9 м, ширина не установлена, глубина 1,15 м. Катакомба расположена перпендикулярно к дромосу с северо-восточной стороны. Вход разрушен. В плане катакомба имеет форму неправильного овала, ориентирована длиной осью по линии юго-восток — северо-запад. Длина ее 1,95 м, ширина 0,8 м. Потолок обрушен. При зачистке в различных местах катакомбы встречались отдельные кости скелета погребенного. У восточной стенки насыпи и на полу найдены мелкие фрагменты железных изделий, красноангобированной керамики и раздавленный череп. Возможно, погребенный был ориентирован головой на юго-восток. Среди фрагментов керамики обращает на себя внимание нижняя часть плоскодонного сосуда (чаши) станкового производства. Черепок в изломе светло-красного цвета. Тесто плотное, с незначительной примесью известковых вкраплений. На поверхности следы рифления. Покрывает коричневатокрасным ангобом хорошего качества. Сосуд тонкостенный. Диаметр дна 4 см (рис. 4, 10).

Курган 3. (рис. 2). Высота 60 см, диаметр 9 м. Под насыпью на древней дневной поверхности лежали небольших размеров камни. Дромос ориентирован по северо-юг с незначительным отклонением к востоку. Длина его 2 м, ширина — 0,9, глубина 1,25 м. Вход в катакомбу в северной торцовой стенке дромоса. Он округлой формы — 0,6×0,7 м, заложен крупными булыжниками. Пол катакомбы ниже пола дромоса на 0,3 м. Катакомба ориентирована длиной осью по линии восток-запад. В плане подпрямоугольная. Длина 2 м, ширина — 1,1, высота 0,8 м. На полу в беспорядке разбросаны кости двух скелетов — детского и взрослого. Судя по расположению отдельных костей, погребенные были ориентированы головами на восток. В насыпи катакомбы найдены три фрагмента тонкостенных красноангобированных сосудов, обломки ножа (а), пряслице (б), пять бусин (в). Около южной стены на боку лежал кушин (г).

а) Нож железный, с узким лезвием, треугольный в се-

чений. Длина сохранившейся части 7,2 см, наибольшая ширина 1,4 см (рис. 1, 3).

б) Пряслице глиняное, круглой формы, прямоугольное в сечении. Диаметр — 2,3, толщина 1,2 см (рис. 2, 6).

в) Бусы: из стекловидной массы с позолотой — 1, керамическая — 1, раковины каурн — 2, из кости — 1 (рис. 2, 10, 12, 13, 16).

г) Кувшин с грушевидным туловом, невысокой прямой горловиной с округлой закраиной. К верхней части сосуда прикреплена вертикальная петлеобразная ручка. Дно утолщенное. Кувшин ручной лепки, грубого изготовления. Поверхность неровная, покрыта светло-желтым ангобом. На нижней части кувшина сохранились следы коготи. Высота кувшина 23 см, наибольший диаметр тулова — 19, диаметр устья — 9, поддона — 9 см (рис. 3, 1).

К у р г а н 4. Насыпь уничтожена плазирочными работами. На существование погребения указывали цвет земли, отличный от цвета окружающей поверхности, и два десятка камней, образующих округлой формы выкладку.

Раскопки были начаты на площади 5×5 м. На глубине 0,3 м. от дневной поверхности удалось обнаружить контуры дромоса и грабительский лаз в катакомбу. Дромос ориентирован по северо-юг. Примерные размеры его: длина — 2,1 м, ширина — 1, глубина 1,4 м. Катакомба расположена перпендикулярно к дромосу с северной стороны. Потолок и вход разрушены. Катакомба подпрямоугольной формы, ориентирована длинной осью по линии восток-запад. Длина ее — 1,9, ширина — 0,85 м. Скелет погребенного не обнаружен. В юго-восточном углу в небольшой нише стоял кувшин (а), в насыпи найдены фрагменты чаши (б). В кувшине находилось несколько костей барана и обломок ножа (в).

а) Кувшин с грушевидным, асимметричным туловом, округлым дном и прямостоящей угловатой закраиной. Ручка вертикальная, петлеобразная, округлая в сечении. Кувшин ручной лепки, грубого изготовления. На поверхности следы вмятин. Тесто с большой примесью песка. Обжиг неравномерный, покрыт светло-красным ангобом. Около ручки подтеки красной краски. Высота кувшина 18,5 см, наибольший диаметр тулова — 16, диаметр устья 8,3 см (рис. 3, 5).

б) Чаша станкового производства, с отогнутой наружу закраиной, треугольной в сечении. Поверхность покрыта

коричнево-красным ангобом. Ширина устья — 14, высота 7,5 см (рис. 4, 5).

в) Нож железный, двулезвийный, с черенком для рукояти, на котором заметны остатки дерева. Длина сохранившейся части — 7, ширина 2,2 см (рис. 1, 4).

К у р г а н 5. Высота 70 см, диаметр 8,5 м. В насыпи обнаружены фрагменты боковин и двух горловин кувшинов (а, б). В центре на дреней дневной поверхности неправильной формы выкладка из камней. Часть выкладки перекрывала дромос, ориентированный по линии северо-восток — юго-запад. Длина его 2,3 м, ширина 1, глубина 1,4 м. Вход округлой формы, размерами 0,5×0,6 м, заложен камышом и крупными камнями, среди которых найдена зернотерка (в). Катакомба расположена с северо-восточной стороны дромоса, подпрямоугольная в плане, ориентирована длинной осью на юго-восток — северо-запад. Длина ее 1,85, ширина 0,9 м. Потолок разрушен. В насыпи и на полу много камней. Кости скелета погребенного сброшены в северо-западную половину катакомбы. В различных местах на полу найдены обломки ножа (г), пряжка (д) и кусочки истлевшего дерева.

а) Кувшин (фрагмент) станкового производства, с низкой горловиной и отогнутой наружу венчиком, округлым в сечении. Черепок в изломе красноватого цвета. По светло-желтому ангобу подтеки коричневой краски. Диаметр устья 10, тулова 22 см (рис. 4, 3).

б) Кувшин (фрагмент) станкового производства, тонкостенный, с низкой горловиной и отогнутой наружу венчиком, треугольным в сечении. Черепок в изломе красноватого цвета. Покрыт темно-коричневым ангобом. Диаметр устья — 9, тулова — 23 см (рис. 4, 2).

в) Зернотерка каменная, подпрямоугольной формы, с выступающими краями. Рабочая поверхность шероховатая. Размеры 15×22×50 см.

г) Нож железный, однолезвийный с черенком для рукояти. На поверхности лезвия остатки деревянных ножен. Длина — 11, ширина 2,3 см (рис. 1, 1).

д) Пряжка железная, овальной формы, с подвижным язычком, прикреплена к основе пряжки (рис. 1, 8).

е) Оселок каменный, овальной формы, прямоугольный в сечении. Рабочие поверхности хорошо отшлифованы. На одном из концов отверстие для подвешивания. Длина оселка — 8, толщина 1,2 см (рис. 2, 18).

К у р г а н 6. Высота 70 см, диаметр 8,5 м. Под насыпью

в одном метре от края кольцевая выкладка из камней диаметром 6,5 м. В центре на древней дневной поверхности лежали шесть крупных булыжников. Размеры дромоса не прослеживаются. Он был ориентирован по линии север-юг. Вход находится на уровне 2,8 м от высшей точки кургана. Пол катакомбы ниже дна дромоса на 0,4 м. Катакомба подпрямоугольной формы, ориентирована длинной осью по линии восток-запад. Длина — 2,2, ширина 1 м. На полу катакомбы сохранилась непотревоженная часть костей скелета погребенного, который лежал на спине, в вытянутом положении, головой на восток. Череп плохой сохранности. Справа, в 15 см от плечевой кости, найдены фрагменты круглодонного сосуда ручной лепки. Из-за сильной разрушенности форма его не восстанавливается. Тесто сосуда рыхлое, слоистое, неравномерного обжига, с большой примесью песка и дресвы. Поверхность покрыта колотью. Слева от локтевого сустава лежали каменная палочка (а), зеркало (б), миниатюрный сосудик (в) и три бусины (г). В западной половине катакомбы у южной стенки стояли кувшин (д).

а) Каменная палочка для окраски бровей, один конец заострен, другой утолщен и обломан. Сохранившаяся длина 5,5 см (рис. 2, 9).

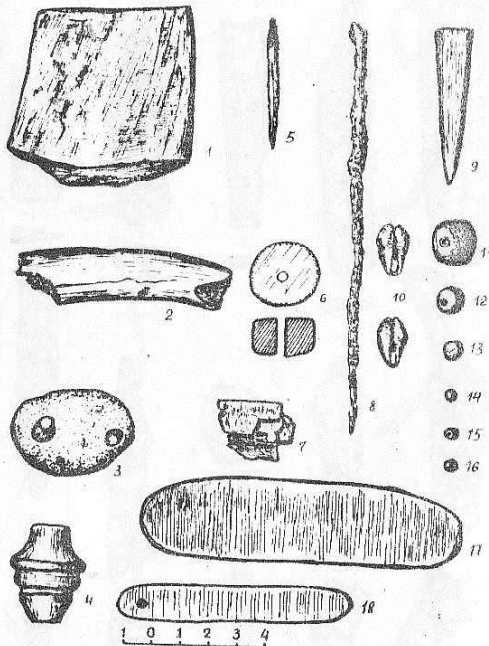
б) Зеркало (фрагмент) бронзовое, с отверстиями для подвешивания. В 0,5 см от края проходит желобок. Диаметр — 8,5, толщина 0,2 см.

в) Миниатюрный сосудик ручной лепки. Тулово шарообразное, дно уплощенное, венчик слегка отогнут наружу, треугольный в сечении. Поверхность залощена, темно-коричневого цвета. Высота сосутика 6 см, диаметр тулова — 4,8, устья — 3,7 см (рис. 4, 7).

г) Бусы: пастовые — 3, черного, белого и красного цветов (табл. II, 11, 14, 15).

д) Кувшин с грушевидным туловом, ручной лепки. Дно плоское. Ручка вертикальная, петлеобразная. Поверхность неровная, покрыта светло-красным ангобом. Высота кувшина — 19, наибольший диаметр тулова 15 см, дна — 7,5, устья — 8,5 см (рис. 3, 2).

Курган 7. Высота 90 см, диаметр 11 м. С южной стороны под насыпью сохранилась лишь часть кольцевой выкладки из камней. В насыпи встречались фрагменты красноангобированной керамики. Дромос ориентирован по линии юг — север. Длина его 2,4 м, ширина — 1, глубина 1,3 м. Вход с северной торцевой стенки дромоса, округлой

о. 1. Изделия из кости, камня и железа.

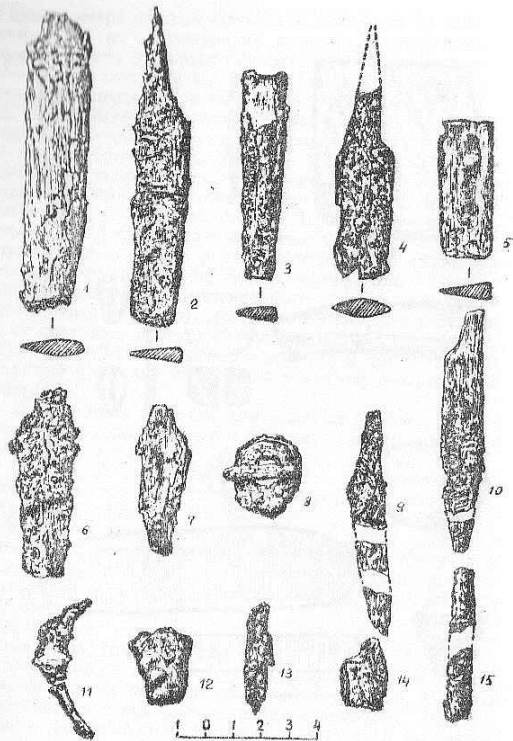

Рис. 2. Изделия из железа.

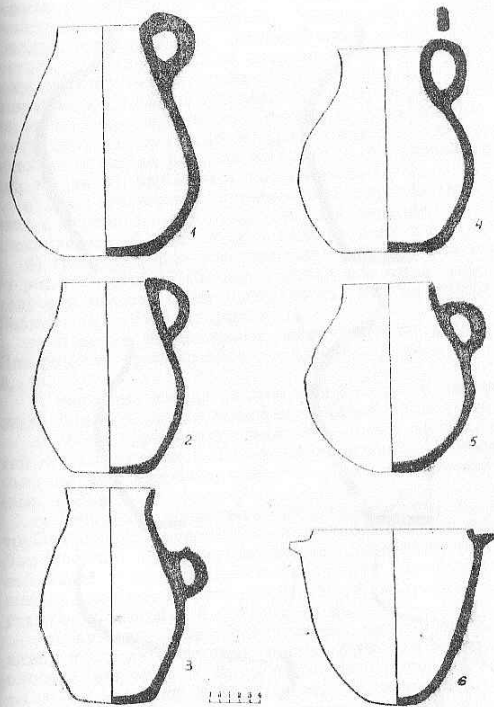

Рис. 3. Керамика.

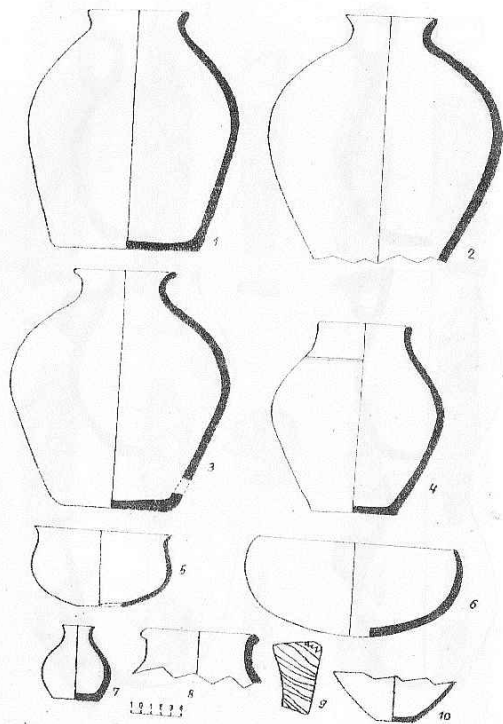

Рис. 4. Керамика.

формы, размерами $0,5 \times 0,6$ м, заложены крупными булыжниками, обмазанными глиной. Катакомба прямоугольная в плане, ориентирована длинной осью по линии запад — восток. Длина ее $2,15$ м, ширина — 1 , высота $0,8$ м. На полу на спине лежал скелет погребенного, в вытянутом положении, руки слегка согнуты в локтях, головой на восток. Череп плохой сохранности, повернут вниз лицом. Слева вдоль скелета на различном расстоянии от него найдены обломки ножа (а), изделия из кости (б, в), бронзовая закраина сосуда (г), чаша (д) и два кувшина (е, ж).

а) Нож железный, однолезвийный, треугольный в сечении, с черенком для рукоятки. На черенке сохранились следы дерева. Длина ножа — $11,5$, ширина 2 см (рис. 1, 2).

б) Изделие в виде пластины из трубчатой кости крупного рогатого скота. Сверху и снизу пластина имеет следы подрезки ножом. Одна поверхность слегка отшлифована. Размеры $0,7 \times 6 \times 6$ см (рис. 2, 1).

в) Изделие неизвестного назначения из ребра барана. Поверхность отшлифована до блеска. Длина $8,5$ см (рис. 2, 2).

г) Закраина сосуда из листовой бронзы. Возможно, служила для скрепления краев деревянной чаши (рис. 2, 7).

д) Чаша (фрагмент) станкового производства, с вогнутой внутрь закраиной. Поверхность покрыта плотным красным ангобом хорошего качества. Диаметр закраины 14 см (рис. 4, 6).

е) Кувшин с овально-вытянутым туловом, низкой рас-
тубообразной горловиной и округлой в сечении закраиной. Дно плоское. Ручка вертикальная, петлеобразная, в верхней части с соскообразным выступом. Покрыт светло-бежевым ангобом. Высота его 21 см, диаметр тулова — $14,5$, устья — 9 , длина — 8 см (рис. 3, 3).

ж) Кувшин с округлым туловом, низкой прямой горловиной и слегка отогнутым валикообразным венчиком. Дно плоское, широкое. Кувшин станкового производства. Тулово со следами рифления. Покрыт темно-красным ангобом хорошего качества. Высота кувшина 24 см, диаметр тулова — 21 , устья — 10 , дна — 15 см (рис. 4, 1).

К у р г а н 8. Высота 80 см, диаметр 12 м. Под насыпью в $1,5$ м от края обнаружена кольцевая выкладка из камней, диаметр ее 9 м. На дневной поверхности разбросаны крупные булыжники, здесь же найдено несколько фрагментов красноангобированной посуды — кувшинов и чаш. Дромос ориентирован по линии северо-восток — юго-запад.

Длина его 2,5 м, ширина — 1,2, глубина 1,6 м. Вход в катакомбу расположен в северо-восточной торцевой стенке дромоса. Из-за разрушенности форма и размеры входа не прослеживаются. Катакомба подпрямоугольная в плане, ориентирована длинной осью на северо-запад — юго-восток. Длина ее 2,2 м, ширина — 1, высота — 0,85 м. На полу катакомбы в основном в беспорядке лежали кости скелета погребенного. Судя по расположению части костей — руки, ног и позвоночного столба, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на юго-восток. В засыпи обнаружены стержень (а), прислище (б), боковина красно-ангобированного сосуда станкового производства. На полу у входа лежала зернотерка (в) и нижняя часть кувшина (г).

а) Стержень (проколка) железный, круглый в сечении. Длина 14 см (табл. II, 3).

б) Прислище глиняное, биконической формы. Покрывается плотным коричневым ангобом. Диаметр — 3, высота 3,6 см (табл. II, 4).

в) Зернотерка каменная, овальной формы, с плоской рабочей поверхностью. Длина 47 см, ширина — 21, толщина 17 см.

г) Кувшин станкового производства, плоскодонный. Черепок в изломе красного цвета. Поверхность со следами рифления, неравномерно покрыта красным ангобом. Диаметр дна 12 см.

Курган 9 (рис. 3). Высота 70 см, диаметр 10 м. Вокруг насыпи у основания кольцевая выкладка из камней. На древней дневной поверхности разбросаны булыжники. В центре лежал валун, наполовину врытый в землю, размерами 25×33×68 см. Дромос ориентирован по линии север — юг. Длина его 2,4 м, ширина — 1, глубина 1,2 м. Вход в катакомбу находится в южной торцевой стенке дромоса. Катакомба подпрямоугольной формы, ориентирована длинной осью по линии запад — восток. Длина ее 1,9 м, ширина — 1, высота 0,8 м. На полу обнаружен скелет погребенного. Он лежал на спине головой на восток. Руки слегка согнуты в локтях. Ноги согнуты в коленях и раскинуты в стороны. Череп покоится на правом плече. Слева от скелета в различных местах собраны мелкие фрагменты железных изделий, в том числе и двух однолезвийных ножей (рис. 1, 9, 10). В 20 см от плечевой кости левой руки лежал на боку глиняный сосуд (а). Около шейных позвонков найдено изделие из камня (б). На полу и в засыпи катакомбы встречался тлен от камыша.

а) Сосуд котлообразной формы, асимметричный, круглодонный. Закраина вогнута внутрь, округлая в сечении. В верхней части с двух сторон прикреплены горизонтальные полукруглой формы ручки. Сосуд ручной лепки, грубого изготовления, с многочисленными следами вмятин. Поверхность густо покрыта пылью. Высота сосуда — 17, диаметр закраины 13,5—15,5 см (рис. 3, 6).

б) Изделие из камня (амулет?) подовальной формы. С одной стороны имеется отверстие для подвешивания. Длина — 4,5, ширина 3 см (рис. 2, 3).

Курган 10. Высота — 1,5, диаметр 20 м. Северная половина снесена бульдозером во время планировки поля. С южной стороны основания насыпи сохранилась часть кольцевой выкладки из камней. Крупные булыжники встречались также и в центре кургана на древней дневной поверхности. Дромос ориентирован по линии север — юг (отклонение к востоку на 15°). Размеры его из-за разрушенности проследить не удалось. Пол дромоса находится на уровне 3,5 м от нулевой точки кургана. Вход с северной торцевой стенки дромоса был заложен каменной плитой. Пол катакомбы ниже пола дромоса на 0,5 м. Катакомба в плане овальная, ориентирована длинной осью по линии восток — запад. Длина ее 2,3 м, ширина — 1,2, высота 1 м. Потолок так же, как и часть дромоса, разрушен грабителями. На полу катакомбы и в засыпи встречались отдельные кости скелета погребенного. В различных местах катакомбы обнаружены мелкие фрагменты железных изделий неизвестного назначения, обломок ножа (а), часть горловины кувшина станкового производства с утолщенным венчиком (рис. 4, 3), у входа на полу стоял кувшин (б).

а) Нож железный, однолезвийный, в сечении треугольный. На поверхности заметны остатки деревянных ножен. Длина сохранившейся части — 5, ширина 2 см (рис. 1, 5).

б) Кувшин с овалко-вытянутым туловом, низкой прямой горловиной и валикообразным венчиком. Дно плоское. Черепок в изломе красного цвета. Кувшин станкового производства. По плечу проходит узкий горизонтальный желобок. Поверхность покрыта светло-красным ангобом. Высота кувшина 19,5 см, диаметр тулова — 17, устья — 9, дна — 8,5 см (рис. 4, 4).

Курган 11. Высота 50 см, диаметр 9 м. На древней дневной поверхности разбросаны камни. Дромос ориентирован по линии запад — восток. Длина его 2 м, ширина — 0,9, глубина 1 м. Катакомба расположена перпендикулярно

в дромосу с восточной его стороны. Вход и часть потолка катакомбы разрушены. Катакомба в плане овальная, ориентирована длинной осью по линии север—юг. Длина ее — 2,1, ширина 0,9 м. Анатомический порядок костей скелета погребенного сильно разрушен. Кости ног лежали непогребенными в южной половине катакомбы, судя по чему можно предположить, что погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на север. В насыпи катакомбы найдены обломки бронзовой пластины, по-видимому, от какого-то украшения, и фрагменты красноантобированной посуды.

Курган 12. Высота 60 см, диаметр 7,5 м. По краю насыпи проходит кольцевая выкладка из камней. Дромос ориентирован по линии запад—восток. Длина его 2 м, ширина — 0,9, глубина 1,2 м. Вход в катакомбу в восточной торцовой стене дромоса, заложена двумя плоскими камнями. Размеры входа 0,5×0,65 м. Пол катакомбы ниже пола дромоса на 0,3 м. Катакомба в плане овальной формы, ориентирована длинной осью по линии север—юг. Длина ее 1,9 м, ширина — 0,9, высота 0,8 м. Кости скелета погребенного сброшены в южную половину катакомбы. Около северной стенки стоял кувшин (а), и здесь же найдены часть железного кольца (рис. 1 11), два обломка стержня (рис. 1, 14) и точильный брусок (рис. 2, 18).

в) Кувшин с подшаровидным туловом, асимметричный, с низкой слегка отогнутой наружу горловиной и прямоугольной в сечении закраиной. Дно плоское. Ручка вертикальная, петлеобразная, в верхней части имеет неглубокий желобок. Кувшин ручной лепки, грубого изготовления. Поверхность покрыта светло-желтым ангобом со следами затирки. Дно и боковина закопчены. Высота кувшина 20 см, диаметр тулова — 17, устья — 9, дна — 10 см (рис. 3, 4).

Таким образом, все курганы Карасадакского могильника имеют одну и ту же конструкцию погребального сооружения — полусферическая земляная насыпь, дромос и катакомба. В курганах 6—8, 10 под насыпью, а в 9, 12 — вокруг основания насыпи проходили кольцевые выкладки из камней. В перечисленных курганах, а также в курганах 3—6, 8—11 на древней дневной поверхности в беспорядке разбросаны камни. Возможно, они составляли выкладки, расположенные над катакомбой или дромосом, о чем свидетельствуют курганы 4, 5, но ввиду ограбления оказались разрушенными. Кольцевые выкладки и выкладки над

могилами являются одним из признаков погребального ритуала, характерных как для подбойно-катакомбных захоронений (I—V вв.)³, так и грунтовых захоронений сакоусуньского типа (VII в. до н. э. — V в. н. э.)⁴, откуда этот признак, если не с более ранней эпохи, и ведет, по-видимому, свое происхождение, сохраняя устойчивость и для средневекового периода⁵.

В насыпи курганов Карасадакского могильника встречались фрагменты керамики, что также связано с обрядом погребения. Наличие керамики в насыпи курганов зарегистрировано и в других могильниках⁶.

Дромосы прямоугольные в плане, короткие и относительно неглубокие, за исключением кургана 10. Ориентированы по линии север—юг—7, северо-восток—юго-запад—3, и восток-запад—2. Дромосы заканчивались ступенькой высотой от 10 до 50 см.

Вход в катакомбу находился в торцовых стенках дромоса: в северной — 5, северо-восточной — 3, южной — 1, восточной — 2, и закладывался плитой или крупными булыжниками. Причем булыжники имели кладку в виде стенки или бугорка. Форма входов — неправильный круг или овал.

Катакомбы расположены перпендикулярно к дромосу: с северной стороны — 6, северо-восточной — 3, южной — 1 и восточной — 2. Ориентированы длинной осью по линии восток-запад — 7, северо-запад и юго-восток — 3 и север-юг — 2. В плане катакомбы овальные или подпрямоугольные, но преобладают последние. Потолки сводчатые. Судя по некоторым наиболее хорошо сохранившимся катакомбам, можно предположить, что они были без заполнения или имели незначительный слой насыпи, покрывавший только скелет погребенного.

Положение и ориентировку костяков полностью установить не удалось. Однако часть костей скелетов, сохранившихся нетронутыми, позволяет говорить, что погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на восток или юго-восток и в одном случае на юг. По положению кости несколько выделяется курган 7, где у погребенного ноги были согнуты в коленях и раскинуты в стороны. Такая поза именуется в литературе «позой всадника». Аналогичное положение костяков известно для ряда могильников Средней Азии⁷. Наиболее полное, хотя и не окончательное решение происхождения этого обряда труположе-

ния получило в исследованиях О. В. Обельченко⁸ и В. А. Литвинского⁹.

Для всех курганов, за исключением 3, характерны одинаковые захоронения. Костяки лежали по центральной осевой линии катакомбы прямо на полу или, возможно, на камышовой подстилке. Все кости плохой сохранности. Черепа без деформации, что является характерной чертой для подбойно-катакомбных погребений Ферганы. Для Центрального Тянь-Шаня, Семиречья и Кетмень-Тюбе деформация черепов составляет один из главных признаков захоронения¹⁰.

Интересны по обряду погребения курганы 1 и 9, в катакомбах которых не оказалось костяков. Аналогичные курганы-кенотафы (символические захоронения) известны как для подбойно-катакомбных, так и для грунтовых погребений, хронологически и территориально они встречаются широко в Средней Азии¹¹.

Как видно из изложенного, курганы Карасадакского могильника по конструкции погребальных сооружений аналогичны подбойно-катакомбным памятникам Центрального Тянь-Шаня, Семиречья, Кетмень-Тюбе, Ташкентского и Бухарского оазисов, Чаткала и Ферганы. Но ближайшее сходство Карасадакский могильник находит в подбойно-катакомбных памятниках Ферганы. Это объясняется не только территориальной общностью, но и общностью образа жизни — оседлым и полуседлым бытом. Большая часть курганных могильников этого типа расположена вблизи или неподалеку от древних городских центров и поселений и, возможно, часть из них являлась захоронениями оседло-земледельческого населения.

Порядок расположения инвентаря в курганах Карасадакского могильника ввиду их ограбленности проследить не удалось. Но, по-видимому, он ничем не отличается от порядка расположения инвентаря в аналогичных погребениях других могильников. Инвентарь в общем однороден и состоит в основном из предметов быта и украшения.

Среди бытовых предметов наиболее многочисленна глиняная посуда. Всего найдено 16 сосудов, из которых 7 целых и 9 фрагментарных. По форме они могут быть разделены на кувшины, котлы, чаши и миниатюрные сосудики.

Кувшины представляли несколькими подтипами, отличающимися друг от друга размерами, формой тулова, горловины и техникой изготовления.

1. Кувшины с грушевидным туловом, низкой горловиной и вертикальными петлеобразными ручками. Один конец ручек крепится к закраине и служит как бы продолжением ее, другой — к боковине сосуда. Дно плоское или уплощенное. Изготовлены ручной лепкой низкого качества. Поверхность покрыта светло-желтым и светло-красным ангобом (рис. 3, 1, 2, 4). Некоторое сходство они имеют с посудой подбойно-катакомбных погребений Баткена¹².

Вликие аналоги им известны и в керамике оседло-земледельческих поселений Ферганы, в частности, Гайрат-Тепе¹³, Каламыш-Тепе¹⁴ и на трассе Южно-Ферганского канала¹⁵. Все эти памятники датируются в пределах I—VI вв.

Следует обратить внимание на то, что форма ручек, аналогичных карасадакским, на территории Ферганы является во второй половине I тыс. до н. э.¹⁶ Возможно, такая форма являлась продолжением древней традиции в гончарном ремесле для первых веков н. э. Дальнейшее развитие она получила в V—VIII вв.¹⁷ Для этого же времени аналогичные ручки сосудов известны и за пределами Ферганы¹⁸.

2. Кувшин с овально-вытянутым туловом, низкой прямой горловиной и плоским дном. Изготовлен на гончарном круге. По плечу проходит узкий желобок (рис. 4, 4).

3. Кувшин с овально-вытянутым туловом, низкой раструбовидной горловиной, плоским, слегка выгнутым дном. В средней части сосуда прикреплена вертикальная петлеобразная ручка с соскообразным выступом. Кувшин изготовлен ручной лепкой. Покрыт светло-красным ангобом (рис. 3, 3). Отдаленное сходство имеет с посудой могильников Баткена¹⁹, Исфары²⁰ и Таласа²¹.

4. Кувшин с грушевидным туловом, прямой невысокой горловиной и округлым дном. Ручка вертикальная, петлеобразная, прикреплена к боковине выше средней линии сосуда. Кувшин ручной лепки. Поверхность покрыта светло-красным ангобом (рис. 3, 5). Аналогичного типа сосуды известны для подбойно-катакомбных²² и усуньских погребений²³. В целом этот подтип посуды характерен для погребений и поселений Ферганы первых веков нашей эры²⁴.

П. Котел (рис. 3, 6). Подобный тип посуды для Ферганы и других районов Средней Азии не известен. Котлы из Шурабашата и Гайрат-Тепе отличны от карасадакского как формой, так и размерами²⁵.

III. Чаши представлены боковинами, закраинами и поддоном (рис. 4, 5, 6, 9, 10). Изготовлены на гончарном круге. Тесто из хорошо отмученной глины. Обжиг равномерный. Поверхность покрыта плотным красным или коричнево-красным ангобом. Посуда этого типа отличается изяществом форм и отделки и известна в литературе как красноангобированная. К ее числу должен быть отнесен и фрагмент боковины сосуда с процарапанным орнаментом. Идентичная посуда особенно широко была распространена на оседло-земледельческих поселениях Ферганы рубежа и первых веков н. э.²⁶ Известна она также для могильников Ферганы указанного времени²⁷.

IV. Миниатюрный сосудик (рис. 4, 7). Посуда этого типа имеет широкое территориальное распространение в Средней Азии и относится по времени к последним векам до н. э. — первым векам н. э.²⁸

Другие бытовые предметы представлены железными ножами, проколками, пряслами и точиловыми брусками. Подобные находки нередки при раскопках погребений и поселений рубежа и первых веков н. э. как в Фергана, так и за ее пределами.

Предметы украшения состоят из бус, зеркала и палочки для окраски бровей. Они сходны с аналогичными предметами из других памятников.

Таким образом, анализ погребального обряда и инвентаря позволяет сделать некоторые выводы.

1. Карасадакский могильник относится в число широко известных в Средней Азии катакомбных погребений рубежа и первых веков н. э. Однако весь комплекс материалов рассматриваемого могильника предполагает его принадлежность однородной в этическом отношении части населения Ферганской долины.

2. Могильник в целом датируется временем I—V вв. Более узкой хронологии выдвинуть не представляется возможным из-за скудности и разрозненности материалов и малочисленности раскопанных курганов.

3. Карасадакский могильник оставлен населением, ведущим полуседельный образ жизни. Подтверждением этого служит то, что он находится в тесном окружении синхронных поселений, расположенных в бассейнах рек Куршаба, Кара-Дарыя и Ясыя. Кроме того, в материальной культуре населения, оставившего Карасадакский могильник, утрачены многие черты культуры кочевых племен, оставивших катакомбные захоронения и обитавших в горных и пред-

горных районах Центрального Тянь-Шаня, Чаткала, Кетмень-Тюбе и Алая.

4. Не затрагивая всей сложности проблемы происхождения подобно-катакомбных погребений, о чем неоднократно говорилось в печати, следует отметить, что материалы Карасадакского могильника находят многочисленные аналогии в древней культуре народов Средней Азии.

Литература и примечания

1. Могильник находится в 150 м к югу от Карасадакского городища. Хронологически могильник и городище разновременны.
2. По сведениям местных жителей, в могильнике насчитывалось до 60 курганов.
3. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. — *Л.*, 1940. С. 7, 14; Он же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // *МИА*. № 26. — *М.*, *Л.*, 1952. С. 67, 68, 70; *Кибыров А. К.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане в 1953—1955 гг. // *Тр. КАЗЭ*. Т. II. — *М.*, 1959. С. 114, 126; *Верзудин Ю. Д.* Карабулакский могильник // *Изв. АН КиргССР*. Сер. обществ. наук. Т. III. Вып. 3 (история). — Фрунзе, 1961. С. 44, 47; *Сороцкий С. С.* Боркюрбазский могильник // *Тр. Государственного Эрмитажа*. Т. V. — *Л.*, 1961. С. 118. *Кожомбердиев И.* Катакомбные памятники Талаской долины // *Археологические памятники Талаской долины*. — Фрунзе, 1963. С. 35, 55; *Дасидович Е. А.*, *Литвинский В. А.* Археологический очерк Исфаринского района // *Тр. АН Тадж. ССР*. Т. 35. 1956. С. 22; *Максимова А. Г.*, *Мерциев М. С.* *Вайнберг В. А.*, *Легина Л. М.* Древности Чардары. — *Алма-Ата*, 1968. С. 257, 261, 262.
4. *Бернштам А. П.* Историко-археологические очерки... С. 27, 29, 31—37 и др.; *Кибыров А. К.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане... С. 70, 71, 76—78 и др.; *Абетеков А. К.*, *Верзудин Ю. Д.* Сако-усунские памятники Талаской долины // *Археологические памятники Талаской долины*. — Фрунзе, 1963. С. 17—22, 25; *Асеева Е. И.* К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // *Тр. ИИАЭ КазССР*. Т. 12. — *Алма-Ата*, 1961. С. 23, 24, 26; *Ахмиев К. А.*, *Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. — *Алма-Ата*, 1963. С. 91, 148, 149, 152 и др.; *Литвинский В. А.* Древние кочевники «Крыши мира». — *М.*, 1972. С. 9, 10, 11, 12 и др.; *Максимова А. Г.* Подобные захоронения сакского времени // *Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана*. — *Алма-Ата*, 1969. С. 137. Рис. 1; Она же. Курганый могильник в урочище Кызыл-Кайнар // *Поиски и раскопки в Казахстане*. — *Алма-Ата*, 1972. С. 125.
5. *Бернштам А. П.* Историко-археологические очерки... С. 74, 79, 84; *Винник Д. Ф.* Тюркские памятники Талаской долины. — Фрунзе, 1963. С. 82; *Максимова А. Г.* Средневековые погребения Семиречья // *Новые в археологии Казахстана*. — *Алма-Ата*, 1968. С. 146; *Арсланова Ф. Х.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // *Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана*. — *Алма-Ата*, 1969. С. 48.
6. *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник... С. 5—10, 13. *Кибыров А. К.* Археологические памятники Чаткала // *Тр. КАЗЭ*. Т. II. — *М.*, 1959. С. 10, 11, 14; Он же. Археологические работы в Центральном

- Тянь-Шаня. С. 130; *Кожомбердиев И.* Катакомбные памятники Таласской долины... С. 59.
7. *Григорьев Г. В.* Келесская степь в археологическом отношении // Изв. АН КазССР. № 46. Сер. археол. Вып. 1. — Алма-Ата, 1946. С. 55—56; *Воропец М. Э.* Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук Узбекской ССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. воле станции Вревская в 1947 г. // Тр. Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. — Ташкент, 1951. С. 56; *Обельченко О. В.* К вопросу о происхождении скорченных погребений в могильниках Бухарского оазиса // Тр. САГУ. Нов. серия. Вып. XXXI. История. науки. Кн. 12: Археология Средней Азии. — Ташкент, 1956. С. 47—54; *Варуздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Ваткена и Ляйляка. — Фрунзе, 1962. С. 9, 26, 30, 39.
8. *Обельченко О. В.* К вопросу о происхождении скорченных погребений... С. 52—54.
9. *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. — М., 1972. С. 100—102.
10. *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник... С. 15; Он же. Историо-археологические очерки... С. 72; *Кожомбердиев И.* Могильник Акчий-Карасу... С. 110.
11. *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник... С. 6; *Обельченко О. В.* Курганные погребения первых веков н. э. и кепотары Куно-Мазарского могильника // Тр. САГУ. Нов. серия. Вып. CXI: Археология Средней Азии. IV. 1957. С. 115, 117, 127—129; *Варуздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Ваткена и Ляйляка... С. 19, 21, 26, 44; *Литвинский Б. А.* Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г.... С. 60, 62, 66; *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. — М.; Л., 1966. С. 42, 51, 76.
12. *Варуздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Ваткена и Ляйляка... С. 72. Табл. II, 1, 2, 3.
13. *Козенкова В. И.* Гайрат-Тепе // СА. 1964. № 3. С. 232. Рис. 6, 8.
14. Фонды Андижанского музея.
15. Фонды Ферганского музея.
16. См.: *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. № 117. — М.; Л., 1963. Табл. XV, 7, 10; XVII, 18.
17. Керамика с городища Сары-Тепе. Фонды Андижанского музея. Керамика с нижнего слоя городища Кассан. Фонды Наманганского музея.
18. *Мариаш Б. И.* Керамика нижнего слоя Пенджикента // Изв. отд. обществ. наук ТаджССР. Вып. 14. 1957. Рис. 2, 10; Он же. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. // МИА. № 124. — М.; Л., 1964. Рис. 23, 5; Фонды Пенджикентского городского музея.
19. *Варуздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Ваткена и Ляйляка... С. 83. Табл. XIII (Сосуд без ручки выделен Ю. Д. Варуздиным в особую группу, не имеющую аналогий в керамике Ферганы и за ее пределами).
20. *Литвинский Б. А.* Исследования могильников Исфаринского района... Рис. 8, 34.
21. *Кожомбердиев И.* Катакомбные памятники Таласской долины... С. 44. Рис. 10, 1; С. 53. Рис. 16, 5.
22. *Обельченко О. В.* Курганы около селения Хозара // ИМКУ. Вып. 4. — Ташкент, 1963. С. 61. Рис. 2, первый справа; *Бернштам А. Н.* Историо-археологические очерки... С. 72. Рис. 36, 1, 8 (но аламышские сосуды без ручек).
23. *Кирилов А. К.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане... С. 88. Рис. 10, 6; С. 97. Рис. 14, 3, 13; С. 122. Рис. 23 (Форма подобна карасадакской, но без ручек, является характерной для усуйских погребений последних веков до н. э. и первых веков н. э.). См. также: *Алишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура сиков и усуйей... Табл. VI, VIII; *Абетеков А. К., Варуздин Ю. Д.* Сико-усуйские памятники Таласской долины... Табл. II, 2, 4, 7.
24. *Литвинский Б. А., Оболдуева Т. Г.* Исфаринские курганы // КСИИМК. 76. — М., 1959. Рис. 6 и 8; *Козенкова В. И.* Гайрат-Тепе... С. 233. Рис. 7, 18; Она же. Погребальные памятники Ферганы первых веков нашей эры // СА. 1966. № 1. Рис. 3, 8, 9, 17; Рис. 4, 1—6; *Варуздин Ю. А., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Ваткена и Ляйляка... Табл. VI, 4; Табл. VII, 3, 4.
25. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы... С. 295. Табл. XXVIII, 11; *Козенкова В. И.* Гайрат-Тепе... С. 233. Рис. 7.
26. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки... С. 231. Рис. 93; *Козенкова В. И.* Гайрат-Тепе... С. 227—236; *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники... С. 61—63; *Горбунова Н. Г.* Культура древней Ферганы в эпоху раннего железа // АГЭС. 5. — Л., 1962. С. 92—93. Большое количество красноангобрированной керамики получено с многочисленных тепе и городищ, расположенных на территории Ферганской долины, и хранится в фондах музеев Ферганы, Наманганда, Андижана, Оша и Фрунзе.
27. *Горбунова Н. Г., Гамбург В. З.* Могильник Хангиз // Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР. Вып. 14. Сталинабад, 1957. С. 33—44; *Козенкова В. И.* Погребальные памятники... С. 211—216; *Варуздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Ваткена и Ляйляка... С. 81. Табл. XI, 2, 4, 7.
28. *Варуздин Ю. Д.* Кара-Булакский могильник // Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. наук. Т. III. Вып. 3 — Фрунзе, 1961. Табл. XIII; *Варуздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Ваткена и Ляйляка... С. 82. Табл. XII; *Литвинский Б. А.* Исследования могильников Исфаринского района... Рис. 8, X, XII; *Горбунова Н. Г., Гамбург В. З.* Могильник Хангиз... С. 39. Рис. 4, 21—25; *Сорокин С. С.* Воркоблакский могильник... С. 128, Табл. VIII. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы... Табл. XVIII, 20—23; Табл. III, 2—5; *Козенкова В. И.* Гайрат-Тепе... С. 232. Рис. 66; С. 233. Рис. 7, 13—14.

И. К. КОЖОМБЕРДИЕВ, Ю. С. ХУДАКОВ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ ПАНЦИРЬ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА

Во время раскопок памятника Сары-Джон в долине Кетмень-Гюбе в Кыргызстане И. К. Кожомбердиевым было обнаружено несколько железных панцирных пластин¹. Пластины располагались небольшим скоплением рядом с древнетюркским каменным изваянием и, несомненно, относились к одному доспеку. Хотя вокруг изваяния не было оградки или курганной насыпи, есть все основания предполагать их принадлежность и синхронность со статуей, поскольку в ходе раскопок древнетюркских помпональных памятников на других территориях, в частности, в Саяно-Алтае, нередко находили предметы вооружения, в том числе панцирные пластины².

Пластины из памятника Сары-Джон не составляют полного набора. Однако они представляют несомненный интерес своей оригинальной формой, принадлежностью к одному панцирю и обнаружению в составе памятника культуры древних тюрков Западнотюркского каганата. До сих пор сведений о находках такого рода в тюркских памятниках на территории Кыргызстана в научной литературе, в том числе в обобщающих работах, не приводилось³.

В составе найденного комплекса 9 целых пластин и их обломков. Все пластины плоские, слегка изогнутые по длине или ширине, удлиненой формы. Они существенно различаются по размерам, конфигурации, количеству и местоположению отверстий. По форме среди них выделяется несколько типов.

Тип 1. Пластины со скошенными концами, трехзубчатым краем. Обнаружено 5 экземпляров целых и обломанных пластин, средняя длина — 9 см, средняя максимальная ширина — 3 см. Пластины имеют скошенные на одну сторону концы, один прямой и один зубчатый край. Зубчатый край пластины имеет три зубца и два пологих вогнутых выреза. Вдоль каждого края имеется по 3 или 4 отверстия, в центре 4 отверстия. Все отверстия расположены

перпендикулярно длине пластины, напротив каждого зубца (рис. 1. 1—4, 7).

Тип 2. Пластины с прямыми концами и многозубчатым краем. Данный тип представлен одним обломанным экземпляром. Длина — 10,5 см, максимальная ширина — 3,5 см. Пластина с прямым концом и зубчатым краем. Сохранилось 3 зубца, три пологих вогнутых выреза. На пластине 5 отверстий: одно у конца, два у выреза в средней части, 2 у зубца в средней части. Парные отверстия расположены параллельно длине пластины (рис. 1. 5).

Тип 3. Пластины со скошенными концами и прямыми краями. Включает 2 экземпляра в обломках. Длина наиболее сохранившегося фрагмента — 6,5 см, ширина — 2,5 см. Пластины со скошенными концами, прямыми краями. На одном из фрагментов имеется 3 отверстия вдоль скошенного конца. На другой пластине имеется 2 отверстия вдоль скошенного конца. Вероятно, их было три, так как угол скошенного конца. Два отверстия расположены перпендикулярно длине у одного края пластины, 2 отверстия, также перпендикулярно длине, — у другого края пластины (рис. 1. 6, 8). Один небольшой фрагмент пластины не поддается определению, к какой форме он принадлежал (рис. 1. 9).

Из пластин первого типа 3 находились в сочленении. Верхняя пластина перекрывала нижнюю на половину ее ширины. Все 3 пластины несколько различаются размерами, при их соединении самая длинная пластина находится на одном конце ряда, самая узкая — на другом, так что весь ряд в целом сужается с обеих сторон в одну сторону (рис. 2). Такая система соединения пластин приспособлена для расположения ряда согласно объему предохраняемой поверхности: сверху вниз или справа налево. Подобные ряды могли крепиться вертикально, например, на рукава или подол панциря, или горизонтально на верхнюю часть нагрудника. Такое сочетание вертикального и горизонтального расположений зубчатых пластин присутствует на рельефном изображении панцирного воина на блюде из Кулагача⁴. У этого воина из аналогичных пластин составлена и бармица шлема.

Длинные многозубчатые пластины второго типа входили в состав горизонтальных рядов, составляющих нагрудник, подол, передник и наплечники панциря. Такие пластины встречаются в средневековых памятниках Прииртышья, Приобья, Забайкалья⁵. Они часто изображались на согдийских и восточнотуркестанских фресках, есть на

упоминавшемся выше рельефе кулагашского блюда⁶, встречаются и за пределами тюркского мира. Вероятнее всего, на сары-джонском панцире эта пластина входила в состав нагрудника.

Сложнее судить о принадлежности пластин третьего типа. По общей конфигурации они имеют сходство с пластинами первого типа, отличаясь отсутствием зубцов и иной системой расположения отверстий. Причины этих различий не вполне ясны. Возможно, эти пластины входили, наряду с зубчатыми, в состав одних и тех же рядов, как на согдийских панцирях⁷. Но у согдийцев пластины с прямыми и зубчатыми краями соединились поочередно в составе одного горизонтального ряда, чего не наблюдается в находке из памятника Сары-Джон.

Покрой панцирей, в составе которых имелись зубчатые пластины, самый разный. У согдийцев и восточнотуркестанских воинов они представлены длиннополыми зашашными калатами⁸, у китайцев — нагрудником с подолом и оплечьями, у древнерусских воинов — нагрудником с подолом и рукавами, составленными из пластин другого типа⁹. По всей вероятности, фрагмент сары-джонского панциря относится к части панциря типа зашашного калата — к верхней части левой половины. Он должен принадлежать одному сплошному куску защитного покрытия.

По особенностям оформления пластин и покрою данный панцирь близок согдийским и тохарским образцам защитного доспеха, что свидетельствует о контактах кочевых тюрков с оседлым согдийским населением в области военного дела.

Литература и примечания

1. Хранится в фондах Института истории АН Киргизской ССР.
2. Гасрилов А. А. Монголик Кудырог как источник по истории алтайских племен. — М.; Л.: Наука, 1965. С. 16.
3. Стэнн Ебраани в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1981. С. 36—37, 46; История Киргизской ССР. Т. I. — Фрунзе: Кыргызстан, 1984. С. 262—263.
4. Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. — Новосибирск: Наука, 1967. Табл. XII, 3.
5. Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. С. 146.
6. Соловьев А. И. Военное дело... Табл. XII, 3.

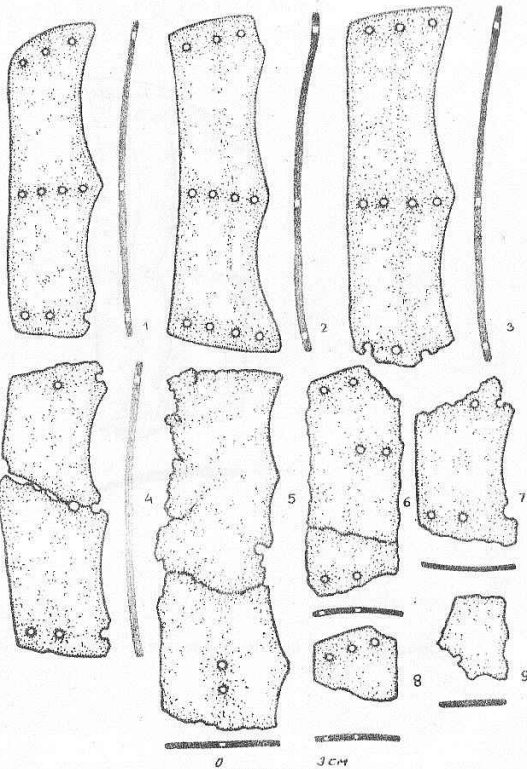

Рис. 1. Панцирные пластины из памятника Сары-Джон: 1—4, 7 — пластины 1-го типа; 5 — пластина 2-го типа; 6—8 — пластины 3-го типа; 9 — обломок пластины.

7. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового
Согда. — Л., Наука, 1980. Рис. 54, 5; 55, 1, 3.
8. Там же. Рис. 55, 1, 3; 57.
9. *Соловьев А. И.* Военное дело... Табл. XII, 1, 4.

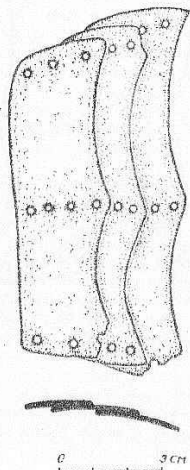

Рис. 2. Система крепления пластин I-го типа из памятника Сары-Джон.

В. И. МАРШАК, В. И. РАСПОПОВА

СОГДИЙЦЫ В СЕМИРЕЧЬЕ

Проблема согдийской колонизации изучается давно¹. В настоящее время вопрос о согдийской колонизации рассматривается прежде всего в историко-культурном плане, как влияние «согдийского культурного комплекса»². В этой статье мы хотим вернуться к вопросу о колонизации как таковой. Археологические материалы, накопленные за последние годы, позволяют сравнить метрополию и колонии и увидеть, таким образом, специфику колоний относительно метрополии. Современные представления о согдийской метрополии сложились в результате многолетней работы археологических экспедиций, которые исследовали города, замки, сельские поселения и погребальные памятники.

Ранние этапы колонизации в археологических материалах представлены пока очень плохо, поскольку на семиреченских городищах слои этого времени практически не изучены. Культурно-торговые связи Согда с Китаем зафиксированы, по косвенным данным, с III в. до н. э. и, по мнению В. В. Хеннинга, связаны с началом согдийской колонизации, вызванной последствиями похода Александра Македонского³. Вероятно, что В. В. Хеннинг прав. Крайняя жестокость, с которой проводилась кампания Александра в Согде, могла вызвать массовое бегство населения, а разрозненные мелкие группы эмигрантов одинакового происхождения, естественно, становятся связующим элементом для далеко отстоящих друг от друга территорий и в соответствии с этим начинают заниматься международной торговлей. Уже в первые века н. э. согдийский термин, обозначающий один из видов шелка, вошел в язык народов Восточного Туркестана⁴.

Согдийцы играли большую роль не только на северном ответвлении Великого Шелкового пути, но и на юге. Обнаруженные при прокладке Каракорумского шоссе многочис-

ленные надписи на скалах оказались по большей части согдийскими. Наиболее ранние из них относятся к первому веку н. э.⁵ Для начала IV в., по датировке В. В. Хеннинга, а по менее вероятной датировке Я. Хармагты — для конца II в. н. э., «Старые согдийские письма» фиксируют существование целой сети поселений согдийцев в Восточном Туркестане и большую колонию в Дуньхуане⁶. Вся эта активная торгово-колонизационная деятельность вряд ли могла миновать Семиречье, но ранние археологические памятники согдийцев там еще не обнаружены.

В античный период начинается взаимовлияние городской культуры Согда и культуры Уструшаны и Чача. Это зафиксировано находками типично согдийской керамики в Ура-тубе и в чачских городищах⁷. Однако следует отметить, что эта керамика появляется эпизодически и не меняет общего характера местной керамики. Это может отражать проникновение в местную среду каких-то групп согдийских ремесленников. На самых ранних моетах Чача, которые относят к IV—V вв., — согдийские легенды⁸.

Около IV в. в Согде наблюдается широкое распространение лепной керамики, в той или иной степени напоминающей кауччинскую керамику Чача. В последнее время исследователи подчеркивают именно кауччинское происхождение этой керамики. Однако не в меньшей степени она находит аналогии в керамике горного Согда к востоку от Пенджикента⁹. Культурные заимствования, прослеживаемые по керамике, свидетельствуют, по-видимому, о притоке нового населения на согдийские равнины. Это плодородные долины были издавна освоены земледельцами, и сама возможность притока нового населения в старые оазисы, вероятно, появилась в результате частичного запустения из-за какой-то катастрофы. Такой катастрофой могло быть вторжение кочевников — хуннов или хивонитов, прошедших через Согд приблизительно в IV в.¹⁰. Когда положение стабилизировалось, начался процесс внутренней колонизации, в которой участвовали как старые населенные оазисы, так и пришельцы с окраинных земель: из горных районов Согда и в какой-то мере из присырдарьинских территорий.

В IV—V вв. в Согде появляются новые укрепленные дома (или замки), которые расширялись, обрастая ридими помещений, подобно тому, как растут деревья обрастая годовыми кольцами¹¹.

В Согде слои V — середины VII в. стали интенсивно изучаться только в последние десятилетия. В результате

этого изучения теперь мы знаем, что в V в. были основаны город Пенджикент и ряд замков и селений, площадь которых в дальнейшем увеличивалась в связи с ростом населения¹². Все это говорит об интенсивном процессе внутренней колонизации, которая предшествовала колонизации на востоке.

В V—VI вв. закладываются основы позднейшей единой согдийской культуры, но еще наблюдается большое разнообразие локальных вариантов, сложные взаимодействия традиций передовых центральных и более отсталых окраинных земель. Только к середине VI в. археология фиксирует культурное единство Согда, а на рубеже VII—VIII вв. появляется «согдийский комплекс», который легко спознается. Однако согдийская колонизация Семиречья начинается гораздо раньше. К 630 г. в Семиречье уже были многочисленные города, население которых, по свидетельству Сюань Цзына, говорило и писало по-согдийски¹³. Однако археологически города этого периода почти не исследованы. Пока нигде в Семиречье не засвидетельствованы комплексы, аналогичные комплексам V—начала VII в. согдийской метрополии. Но в более поздних слоях семиреченских поселений имеются, как показало изучение керамики из Ак-Бешима, сосуды тех форм, которые в Согде были распространены именно в V—VII вв. или даже несколько ранее, но не в VIII в., причем в Семиречье эти занесенные ранними эмигрантами формы сосуществуют с теми, которые в Согде преобладают в конце VII—VIII вв.¹⁴ Керамика согдийского происхождения лучше всего представлена в Семиречье, Фергане¹⁵ и Чаче в слоях VIII в., относящихся ко времени массовой эмиграции периода арабского завоевания. Соответственно в городах Согда слои запустения охватывают по два-три десятилетия VIII в. В Пенджикенте они приходятся на время массовых восстаний согдийцев против арабов в 720—730-х годах. Эти восстания вынудили арабов около 740 г. пойти на уступки согдийцам и разрешить эмигрантам безопасное возвращение. В Согде археологическими раскопками зафиксировано восстановление городских жилищ и целых кварталов в 740-х годах.

В дальнейшем почти на два столетия пути культурного развития Согда и Семиречья расходятся. В Согде происходит исламизация, распространение языка фарси, в материальной культуре явно проявляются связи с другими частями халифата. Между тем в Семиречье и в Южном Казахстане согдийские формы керамики и согдийские

строительные приемы сохраняются, несколько видоизменяясь, до X—XI вв., то есть гораздо дольше, чем собственно в Согде¹⁶.

В связи с походами Саманидов в X в. и особенно в связи со сложением Караханидского государства на рубеже X—XI вв. в Семиречье снова проникает культурное воздействие со стороны Мавераннахра, но уже в формах развитой исламской культуры. Известное свидетельство Махмуда Кашгарского¹⁷ и прочитанные В. А. Лившицем поздние согдийские надписи из Семиречья и Тянь-Шаня показывают столь же длительное (до XI в.) сохранение языка и письменности согдийцев¹⁸, как характерных для них форм материальной культуры.

Мы попытались проследить основные этапы согдийской колонизации с точки зрения Согда. Сопоставление данных письменных источников и археологии показывает, что динамика процесса колонизации в значительной степени определялась событиями политической истории. Бедствия в Согде вызвали волны эмиграции в Семиречье и далее на восток. Однако бедствия — не единственная причина колонизационной деятельности согдийцев. Во второй половине VI в. и в первой половине VII в. в Семиречье появляется целый ряд городов с согдийскими названиями. Возникновение этих городов связано с подъемом, который наблюдается в это время в Согде, и с государственной политикой тюркских каганов, которым подчинялись и Согд, и Семиречье. Как показал С. Г. Кляшторный, тюркские каганы покровительствовали согдийцам, причем не только на Западе, но и в Восточном каганате¹⁹. Для времени подъема Согда в VI—VII вв. причиной колонизации могло быть также и аграрное перенаселение Согда.

Итак, согдийцы играли большую роль в Семиречье. Однако, какова в действительности была эта роль, сейчас еще трудно судить. Дело в том, что по Семиречью мы знаем только отдельные виды материальной культуры — монеты, керамику, знамя, благодаря работам П. Н. Кожемяко, топографию городищ и целых оазисов. На городищах (в пределах больших стен) исследованы культовые постройки — буддийские и христианские храмы, погребальные сооружения, раскопаны отдельные участки цитаделей, а из жилой застройки — несколько отдельно стоящих усадеб. Между тем для обоснованного сопоставления необходимо провести раскопки жилой застройки шахристанов больших городов, выявить историю создания оборонительных со-

ружений, исследовать торгово-ремесленную застройку. Как показывают исследования жилой застройки городов Южного Казахстана — зоны Отрара, там местный компонент играл весьма значительную роль при наличии определенного согдийского влияния²⁰. Семиреченские усадьбы и дворцы Южного Казахстана определено ближе к согдийским, чем южноказахстанские рядовые жилые дома²¹. Для решения исторического вопроса о значении самих согдийских переселенцев в городах Семиречья необходимы раскопки шахристанов.

В Семиречье наряду с согдийцами жили и другие народы, а над городами главенствовали тюркские каганы. В самом Согде тюркский элемент играл меньшую роль, чем в Семиречье. В Согде обнаружено только одно одиночное тюркское погребение с конем²². В Семиречье такие погребения встречаются не только в степи, но и на городском кладбище рядом с наусами согдийцев²³.

В Семиречье принесенная согдийцами культура не могла оставаться такой, какой она была в метрополии. Ее видоизменение наиболее ярко прослеживается по памятникам, отражающим духовную жизнь общества. В Согде и Семиречье были распространены одни и те же религии: буддизм, христианство, зороастризм. Теснейшие контакты между приверженцами христианства и традиционных согдийских верований в согдийской среде метрополии и колоний засвидетельствованы погребальными памятниками. В близ Пенджикента в 1982 г. Г. В. Дружневской завершено исследование могильника Дашти-Урдаков, относящегося к VII в. Здесь обнаружено погребение девочки с бронзовым нательным крестом, ряд подбойных погребений с труположением, оссуарий в могильной яме и большая катакомба с труположениями и хумом с человеческими костями, носящими следы зубов собаки. На этом хуме имеется грубо прочерченное изображение поклонения кресту.

О столь же тесном контакте, имевшим место в Семиречье, свидетельствует находка кувшина с так называемым историканским крестом в наусе Ак-Бешима²⁴. В Семиречье, как и в Согде, были распространены труположения в подбоях и катакомбах и оссуарный обряд. При этом в оссуариях хоронили главным образом согдийцев-зороастрийцев; одинаковый обряд, совершаемый жрецами и повязками на лицах у стационарного жертвенника огня, показан

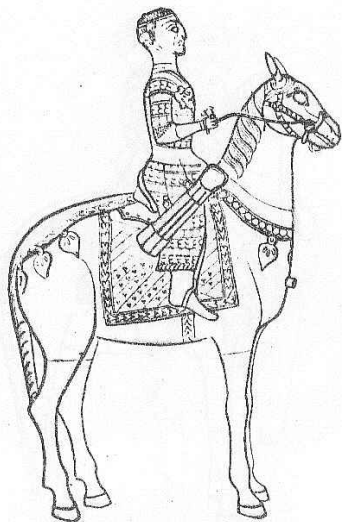

Рис. 1. Сосуд в виде всадника. Серебро. Графическая реконструкция. Правая сторона.

Рис. 2. Сосуд в виде всадника. Серебро. Графическая реконструкция. Левая сторона.

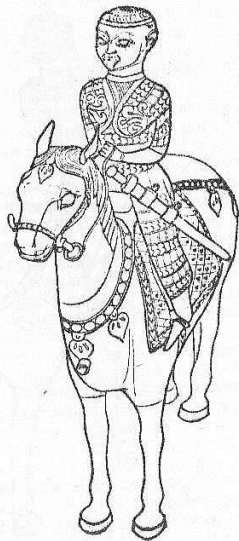

Рис. 3. Сосуд в виде всадника. Серебро. Графическая реконструкция. Вид спереди.

на рельефах оссуариев из Центрального Согда и Семиречья²⁵.

Как известно, буддизм более характерен для Семиречья, чем для Согда, где пока не найдены буддийские храмы. Об исповедании какой-то частью пенджикентцев буддизма свидетельствует надпись на венчике хума VI—VII вв. — «сутра» (эту надпись прочитал В. А. Лившиц), бронзовые блики из первого буддийского храма Ак-Бешима с изображением четырех богов, которые держат в поднятых руках фигуру верблюда богов, которые держат в поднятых руках фигуру верблюда — свидетельство согдийского культа в Семиречье. И. Р. Кыласов определил эти божества как согдийские, хотя в то время не было никаких аналогий в согдийском материале²⁶. Теперь известны настенные росписи с изображением этой четырёх богов из Афрасиаба (VI в.) и трех домов Пенджикента (VIII в.)²⁷. Иконография согдийских росписей отличается тем, что фигурку верблюда держит только мужское божество. Отдельно это божество представлено на пенджикентских терракотах VI—VII вв. Тем не менее отождествление согдийских и семиреченских изображений не вызывает сомнений. Существовало, что в Ак-Бешиме согдийские божества введены в буддийский контекст. Лососная розетка, окружающая эту композицию, находит аналогии в искусстве танского времени, а также в некоторых росписях Восточного Туркестана²⁸.

Наряду со сходством религиозной ситуации в Согде и Семиречье имелись и принципиальные различия. В старых оазисах Согда в VII—начале VIII в. исконные культы местных божеств определенно доминировали. Этих богов почитали в семейных и общегородских святилищах, а иноземные религии были сильно потеснены, тогда как в Семиречье эти религии, напротив, преобладали, поскольку на новом месте буддизм или христианство сближали в рамках одной религиозной общины представителей разных народов. При тюркешах преобладал буддизм, в котором сочетались согдийские и танские элементы. Это наблюдается по акбешимским храмам, прихожане которых почитали согдийских богов. Черепичные кровли и ряд элементов иконографии определенно указывают на связи с Востоком²⁹. Иконографией буддийских сюжетов на акбешимских бляхах занималась Т. В. Грек, которая проследила на них особенности культа Амиды танского времени³⁰. Ближкие к семиреченским буддийские бронзы известны по находкам из Восточного Туркестана периода танской экспансии³¹.

В целом согдийско-танский буддизм акбешимских хра-

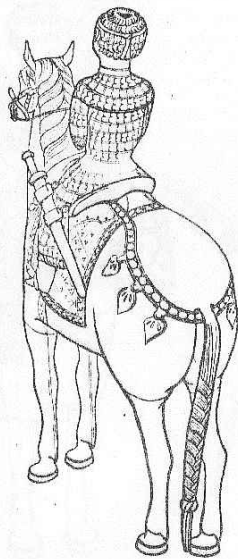

Рис. 4. Сосуд в виде всадника. Серебро. Графическая реконструкция. Вид сзади.

мов вполне соответствует буддизму согдийцев Восточного Туркестана, у которых большая часть религиозной литературы была представлена в переводах с китайской ³².

Ослабленная смутами середины VIII в. Танская империя вскоре была вынуждена отказаться от экспансии, что привело и к ослаблению религиозно-культурных связей с дальним западом. Однако ослабление позиций буддизма не усилило роли согдийских культов, как это было в Согде в VI—VII вв., поскольку, в отличие от городов-государств метрополии, старые общинные и семейные согдийские культы не обладали такой живучестью в зависимых от персидских местных властей колониях с их разнплеменным населением.

Во второй половине VIII в. на смену тюркешам пришли карлуки, которые вскоре приняли христианство ³³. Недавние кочевники-карлуки поселились в равнинах буддийского храма Ак-Бешима ³⁴. В это время в Согде побеждает ислам, поэтому со стороны Согда прекратилось проникновение новых элементов культовой иконографии. Известные серебряные блюда со сценой осады крепости Аникова и с евангельскими сценариями характеризуют искусство карлукской эпохи, в котором принесенная из Сирии и главным образом, из Месопотамии христианская иконография Евангелия и книги Иисуса Навина сочетались с традициями согдийского искусства и даже с элементами персоземляной буддийской иконографии ³⁵. В композиции серебряного блюда со сценой осады крепости Н. В. Дьяконова справедливо увидел влияние сцен «осады Кушнатары» ³⁶. Растущая статичность и упрощение рисунка характерны и для светского искусства конца VIII—IX в., представленного серебряным сосудом в виде вооруженного всадника, хранящимся в Оружейной Палате Московского Кремля (рис. 1—4). Этот сосуд (инв. № 2797 ОХР), до сих пор не привлекавший к себе внимания, в единственной старой публикации назван «башкир на коне» ³⁷. В музейной документации хранятся определения специалистов. Э. Кон-Винер в 1923 г. относил сосуд к раннеисламскому или позднейшесламскому времени. И. А. Орбели в 1924 г. считал его кавказским XIII в. Недавно М. В. Горелик дал новое определение: Средняя Азия (Согд?) — VII—VIII вв.

В Согде VIII в., судя по живописи Пенджикента, были сложные фигурные металлические сосуды, хотя и не в виде всадника. Однако статичность и ненатуральность пропорций не свойственны согдийской торевтике и напоминают

скорее изображения на обоих блюдах карлукского Семичерья. В технике изготовления фигуры коня заметно сходство с танской серебряной погребальной статушкой ³⁸. Сосуд скорее всего относится к VIII—IX вв. Он отражает семиреченский синтез согдийской и тюркской традиций периода начавшейся тюркизации согдийского населения.

В копытах коня (снизу) и на темени человека имеются треугольные отверстия. Нижние, видимо, служили для прикрепления к несохранившейся подставке, а верхние — для наливания вина, которое выливалось через трубочку в груди коня. Тяжело вооруженный всадник, очевидно, имел шлем, закрывавший верхнее отверстие. Чтобы съёмный шлем не падал, он, возможно, был привязан. Фигура издавна хранится в музее, где в XIX в. она была реставрирована. К этому времени относятся спайки на туловище воина, пояса которого не сохранились, и портуция в виде цепочки. Колчан, как и меч, подвешивался к поясу на двух проволочках (имитированных ремни). При реставрации его ошибочно принажили к спине воина. Скорее всего, как показывают росписи Пенджикента, поясов было два: для меча и кинжала (?) и для колчана и налучья с луками (или одним луком). Однако ни кинжала, ни налучья не сохранилось.

В убранстве всадника сочетаются согдийские и тюркские черты. Пропорции коня и всадника несогдийские. Узда с палиями и кисти, подвешенные к обруе, характерны для тюрков. Головной убор человека с лентами на затылке — согдийский, известный по росписям Варахши второй половины VIII в. ³⁸ Шерстяная тканая поддуга и заплетенный в косу хвост обычны для согдийских живописных изображений. Доспех из рядов прошнурованных пластинок был широко распространен в Средней и Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Из-под него над локтями и на груди воина кольчуга, показанная косой сеткой. Доспех состоит из нескольких отдельных частей: двух прямоугольников, защищающих ноги, кирасы на груди и спине, двух прямоугольников на верхних частях рук и плечья, которые сзади лежит горизонтально, а спереди спускается на кирасу двумя клапанами. Нижняя часть клапанов украшена орнаментом в виде пальметт, находящим много аналогий ⁴⁰.

Колчан тюркский. Седло не по-согдийски остается неприкрытым попоной, грива коня не выстрижена в отличие от лошадиных грив, изображенных на согдийских росписях,

15. Горбунова Н. Г. О раннесредневековой керамике Ферганы // УСА. Вып. 4. — Л., 1979.
16. Акишев К. А., Байпаков К. М. Вопросы археологии Казахстана. — Алма-Ата, 1979. С. 142.
17. Бартольд В. В. К вопросу об языках согдийском и тохарском. С. 466—468.
18. Лисица В. А. Согдийский язык. Памятники из Средней Азии // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. — М., 1981. С. 367—368.
19. Кляшторный С. Г. Указ. соч. С. 78—136.
20. Байпаков К. М. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана // УСА. Вып. 4. — Л., 1979.
21. Байпаков К. М. Раскопки раннесредневекового замка в Семиречье // Вестник АН КазССР. Сер. общества. 1966. № 2; Он же. Некоторые вопросы исторической этнографии Отрарского оазиса в раннем средневековье // Вестник АН КазССР. 1985. № 1; Байпаков К. М., Ергалиевич Л. Б. Древние города Казахстана. — Алма-Ата, 1971. С. 35—49.
22. Спиридовский В. И. Погребение с конем середины I тысячелетия, обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. — Ташкент, 1951. Вып. 1.
23. Горячева В. Д., Байпаков К. М. Работы на Краснореченском городище // АО 1982 года. — М., 1984. С. 507; Горячева В. Д. Исследование Краснореченского городища и некрополя // АО 1983 года. — М., 1985. С. 575—576.
24. Кызласов Л. Р. Археологические исследования... С. 230—231. Рис. 55.
25. Павчинская Л. В. Осуарий из Муллакургана // ОНУз. 1983. № 3; Горячева В. Д. Указ. соч.
26. Кызласов Л. Р. Археологические исследования... С. 207—208. Рис. 38.
27. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. — Ташкент, 1975. Табл. II; Belenitskii A. M., Marshak B. I. Paintings of Sogdiana // Azarpay G. Sogdian Painting — Berkeley, Los Angeles, London. 1981. P. 32—35, 70, Fig. 7—9.
28. Gyllensvärd B. Tang gold and silver. — Stockholm, 1957. P. 133—134.
29. Кызласов Л. Р. Археологические исследования... С. 236; Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. № 14. — М., Л., 1950. Табл. XXV.
30. Грек Т. В. Буддийские и индуистские культовые предметы из Семиречья // Тез. докл. Весенней научн. конф. «Культура и искусство Киргизии». Вып. 1. — Л., 1983. С. 81—83.
31. Along the Ancient Silk Routes. Central Asian Art from the West Berlin State Museums: An exhibition lent by the Museum für Indische Kunst // The Metropolitan Museum of Art. — New York, 1982. Cat. Nos. 101—103. P. 164—165. Ср.: Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье: Каталог выставки. — Л., 1983. Кат. 243, 251, 252.
32. Лисица В. А. Согдийско-буддийские тексты // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. — М., 1981. С. 354.
33. Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Сов. востоковедение, 1959, № 5.
34. Кызласов Л. Р. Археологические исследования... С. 213—217.
35. Даревич В. П., Маршак В. И. О так называемом серебряном блюде из Персидской области // СА. 1974. № 2.
36. Дьяконова Н. В. Осада Кушинагаря // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. — М., 1984. С. 98.
37. Вартеков С. Московский Кремль в старину и теперь. Изд. 2. — М., 1916. С. 50. Рис. 95.
38. Gyllensvärd B. Chinese Gold and Silver in the Carl Kempf Collection: Catalogue. — Stockholm. 1953. Cat. No. 131. P. 202—203.
39. Шишкин В. А. Варахша. — М., 1963. С. 164—165. Табл. XVIII, 40. Там же. Рис. 96; Гаврилова А. А. Мотильник Кудурго ван. — М.; Л., 1965. Рис. 8, 1, 3.
40. Исчезнувший алтайский племя. — М.; Л., 1965. Рис. 8, 1, 3.
41. Лисица В. А. Надписи из Монголии // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. — М., 1981; Чугуревский Л. Н. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // Страны и народы Востока — М., 1971. Вып. 10; Pelliot P. Le «Chin» et la colonie sogdienne de la région du Lob-Nor // Journal asiatique. XI. Ser. Vol. VII. № 1. 1916; Pylléblank E. G. Sogdian Colony in Inner Mongolia // Tsoung Pao. 1952. V. 41.

И. И. НЕГМАТОВ, С. М. МАМАДЖАНОВА, Р. С. МУКИМОВ

СОГДИЙСКО-УСТРУШАНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ И КУЛЬТУРЕ СЕМИРЕЧЬЯ

Как известно, раннесредневековый период в Средней Азии носит яркие черты преемственности архитектурно-художественных приемов, сохранив как традицию синтеза архитектуры, монументальной живописи и скульптуры. Этот этап связывается с благоприятной социально-экономической обстановкой, которая содействовала подъему большинства областей Средней Азии. На смену античным городам появляются укрепленные поселения и замкнутые усадьбы землевладельцев, развиваются городские поселения как центры экономической и культурной жизни областей. Это значит, что архитектура Средней Азии, достигнув в древности своего зенита в градостроительном искусстве, с гибелью древних государств не исчезла. Причина этого явления — большая традиционность и устойчивость культурных проявлений, в данном случае духовных и материальных.

Общность преемственности традиций, породивших закономерности формирования среднеазиатских городов, оказывала влияние на формирование городских торгово-ремесленных центров на оседло-кочевнических окраинах Средней Азии. И там часто зародышем города становится группа феодальных замков или торгово-ремесленный посад, нарастающий около одного из них. Как свидетельствуют исследования многих ученых¹, города образуются у перекрестия караванных путей, на берегах рек, на границе степи и культурных земель. Особенно ярко преемственность традиций наблюдается в Согде, культура которого еще в античный период, а впоследствии и средневековый, находилась в тесном общении с культурами Ирана, Индии, Китая, Греции, Рима, Византии и сако-скифских кочевых племен. При этом культура Согда, в том числе искусство и архитектура, играла активную и созидательную роль. Она

отобрала из античного наследия все, что могло найти свое продолжение в культуре феодального общества. И на протяжении ряда веков это наследие, получившее самостоятельное развитие, распространилось через районы согдийской колонизации далеко на север и восток.

Влияние традиций Согда и соседней с ним области Уструшаны за пределами территории междуречья Сырдарьи и Амударьи резко проявляется в культуре восточных соседей, где еще в эпоху античности существовали крупные города и поселения. Например, только в Давани — античной Фергане — было около семидесяти больших и малых городов, крупнейшим из которых был Эрши. Эти города представляли собой обнесенные стенами обширные поселения, часть из которых впоследствии превратилась в поселения городского типа².

В раннем средневековье формирование городских поселений в Семиречье шло конструктивно в общем русле развития Мавераннахра, особенно Согда и Уструшаны. Так, А. Н. Верницким отмечается полную аналогию в сложении городов Чуйской и Таласской долин со схемой развития городов поселений Мавераннахра — цитадель, шахристан, рабад³ (рис. 1). В Южном Кыргызстане, входившем в древности в состав Ферганы, города состояли из угловой цитадели и шахристана, обнесенного стенами с башнями на углах и посередине. Рабады также обносились стенами с башнями на расстоянии 50—100 м⁴.

Аналоги в сложении городов Мавераннахра и Чуйской и Таласской долин ученые связывают непосредственно с переселением в Семиречье жителей Согда⁵. Колонизационная деятельность в Семиречье согдийцев, связанная с торгово-экономическими и политическими процессами согдийского общества, протекала двумя этапами: первый этап относился в III—V вв., а второй происходил с VII в. в связи с арабским завоеванием и походами Саманидов⁶. Здесь привнесенная ими оседлая, земледельческая культура столкнулась с культурой кочевников-тюрков, что явилось основанием для создания оригинальной местной культуры.

Поселения согдийцев размещались вдоль торгового пути из Мерва до Восточного Туркестана, а также в других районах Семиречья. Именно на базе поселений согдийцев, в основной массе своей выходцев из Самарканда, Бухары,

Уструшаны, Чача и других мест, стали возникать города — центры торговли, ремесла и политической власти.

Очевидность переноса согдийских традиций подтверждается общностью градостроительной и материальной культур чуйских поселений и поселений Согда. В частности, выделяемые учеными (В. В. Бартольд, А. Н. Бернштам, П. Н. Кожемяко и др.) городские поселения Чуйской долины с «длинными валами» при наличии признаков местных черт все же в своей основе имеют элементы традиций градостроительной культуры Мавераннахра. На это указывают двух- или трехчастность городищ, наличие валов, окружавших городские поселения. Так, Краснореченское городище четко делится на три части: шахристан, цитадель и рабад, развитие которого шло наряду с ростом шахристана⁷. Городище и предместье с рядом сельских и ремесленных поселений окружал длинный вал, который возник позднее, чем поселения — в VIII—IX вв. (рис. 2А).

В городище Ак-Бешим (рис. 2В) цитадель расположена на возвышенности и укреплена по четырем углам мощными башнями. Во внутреннем пространстве центральных развалин проходили основные улицы шахристана. Длинный вал протяженностью около 11 км окружал городище и рабад с городской округой⁸. Четкую трехчастную схему имело и городище Ашпара⁹ (рис. 2В).

Близкую описанным городищам структуру имеет и поселение Кара-Булак, расположенное в Ляйлякском районе Кыргызстана и входившее во владения средневековой области Мавераннахра — Уструшаны. Здесь кроме замковой и жилой части имелась единая система укреплений, включая и вал, закрывающий доступы к Карабулаку с западной стороны¹⁰.

Определенную преемственность согдийско-уструшанских традиций можно увидеть и в укреплениях, находящихся в округе городищ с длинными стенами. Так, структуры Старо-Покровского I, Георгиевского, Чумышского II и других городищ¹¹ (рис. 3) близки к типу поселений Уструшаны, представленному городищем Калаи Кяххаха II. В обоих случаях доминирующее место занимает парадно-жилая застройка на искусственной платформе внутри комплекса оборонительных сооружений вокруг двора (рис. 4А).

Хотя в специальной литературе уже установилось мнение, что в Мавераннахре длинные стены имелись только вокруг сельскохозяйственных районов-оазисов (например, Дивари-Киямат Самаркандской округи, Каширак вокруг Бу-

хары), а в Семиречье — вокруг каждого поселения, имеющиеся примеры свидетельствуют о древних традициях устройства локальных «длинных стен» также вокруг городов Среднеазиатского Двуречья¹². Такой была, например, четвертая наружная стена трехчастного города Бунджика-та — столицы Уструшаны.

В целом, несмотря на ряд отличительных черт в формировании городов Семиречья и Мавераннахра, правомочно утверждать, что в основе развития городской жизни Семиречья в целом лежит солидное участие опыта градостроительства согдийцев и уструшанцев, издревле обособившихся в этом регионе на торговых путях в глубинную Северную и Восточную Азию.

Фергана, Семиречье и Кашгаро-Хотанский оседло-земледельческий и ремесленно-торговые районы, в свою очередь, в известной мере выступают также ретрансляторами согдийско-уструшанских ремесленно-торговых и культурных традиций на просторах Глубинной Азии вплоть до берегов Унги (левый приток Ангары), степей Монголии (Вугур и др.) и северо-китайских провинций¹³.

Мавераннахские и особенно согдийско-уструшанские традиции проявляются не только в сходстве градостроительного искусства, но и в жилищном строительстве Семиречья. В частности, они проявляются при рассмотрении трех жилых домов Краснореченского городища — в домах № 1, 3 и 5 (рис. 5А, В, В). Общим для всех этих трех домов является наличие центрального распределительного зала, вокруг которого по периметру располагались помещения жилого и хозяйственного назначения¹⁴. Принципиально подобную структуру имеет многокомнатный жилой дом в ансамбле каменных построек IX—XI вв., Чильдухатрон (рядом с городищем Калаи Кяххаха II). Это семикомнатный дом центрического типа с центральным квадратным залом и расположенными вокруг него помещениями жилого назначения. Причем здесь имеется и подобный краснореченским домам центральный входной вестибюль, ведущий в распределительное парадное помещение (рис. 5Д).

Следует отметить, что рассмотренная планировочная композиция родственна и многим современным им жилым домам Мерва, Южного Туркменстана, Хорезма и др.¹⁵ Более того, анализ центрических замков Средней Азии позволяет усмотреть в этой композиции генетическую связь между укрепленным сельским и неукрепленным городским

жилищами (табл. 5А-И). Так, один из трех рассмотренных домов Краснореченского городища может явиться образцом промежуточного типа между замками и городскими домами. Особенность этого дома проявилась в устройстве полукруглых башен на всех четырех его углах (рис. 5В).

Развивая дальше версию о генетической связи различных типов жилища, можно предположить, что их планировочная структура в виде системы помещений вокруг центрального распределительного пространства путем расширения последнего до предела открытого квадратного двора в значительной мере определила формирование ряда общественных и культурных типов сооружений с центральным двором и расположенными вокруг него по периметру помещениями различного назначения (табл. 5К). Наглядным примером сказанному может служить структура караван-сарая на реке Манакельды (XII в.) в Семиречье¹⁶.

Это сооружение представляет собой правильный квадрат стен с размерами сторон 64×64 м, композиция которого является открытым квадратным внутренним двором (25×25 м). Центральный вход с монументальным порталом посредством узкого коридора соединяет двор с внешним миром (так же, как и центральный коридорообразный вестибюль городского жилого дома Уструшаны и Семиречья ведет во внутреннее замкнутое распределительное пространство). К центральной структуре караван-сарая можно отнести и ряд центрально-дворовых сооружений Средней Азии: Таш-Рабат в Кыргызстане (XV в.), караван-сарай в Дахистане (XI—XII вв.), медресе Муххамад-Султана в Самарканде (XV в.) и др.¹⁷ (рис. 5, 5К).

В материальной культуре общность традиций проявляются в сходстве жаровен-сковород Чачского замка Алтепа и поселений Южного Казахстана¹⁸, оссуариев с изображением человеческих фигур, известных в Чуйской долине и Согде¹⁹, в погребальном обряде кыргызов в скальных склепах подобно Куркатским склепам в Уструшане²⁰ и др. Близкие аналогии переносным жаровням Таласской долины обнаружены в поселении Карабулак. Края бортика этих жаровен оформлены часто косо расположенными глубокими рельефами. Они так же, как и жаровни-сковороды Семиречья, использовались в качестве переносных обогревательных очагов²¹.

Большое сходство наблюдается в технике изготовления и облике глиняных столиков для еды — дастарханов Чуйской долины, Уструшаны и Согда. Так, круглые столики,

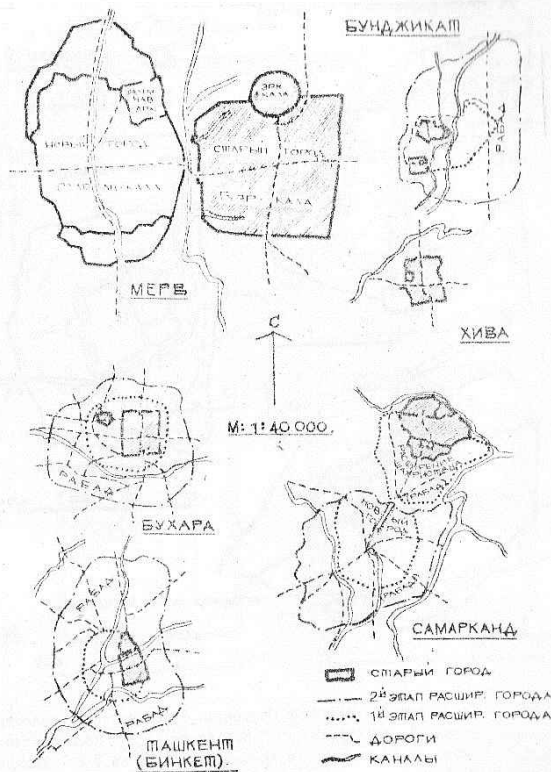

Рис. 1. Города Средней Азии X—XIII вв.

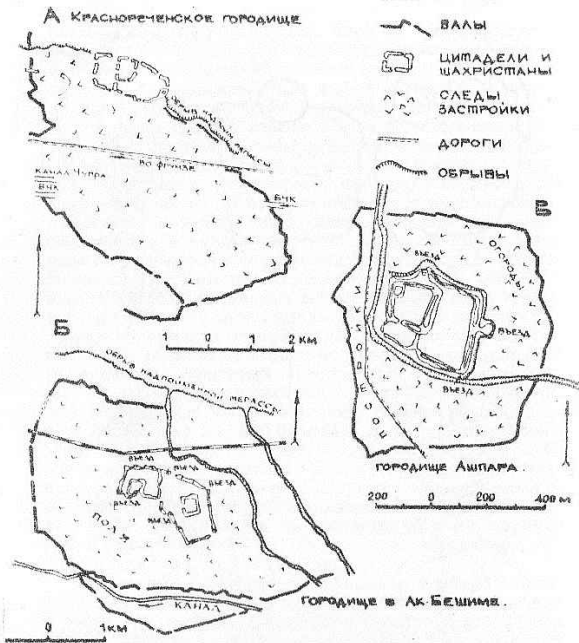

Рис. 2. Средневековые городища Семиречья с трехчастной градостроительной структурой (по П.Н.Кожмяко): А - Краснореченское, УП-УП вв.; Б - в Ак-Бешиме, УП-УП вв.; В - Ашпара, УП-Х вв.

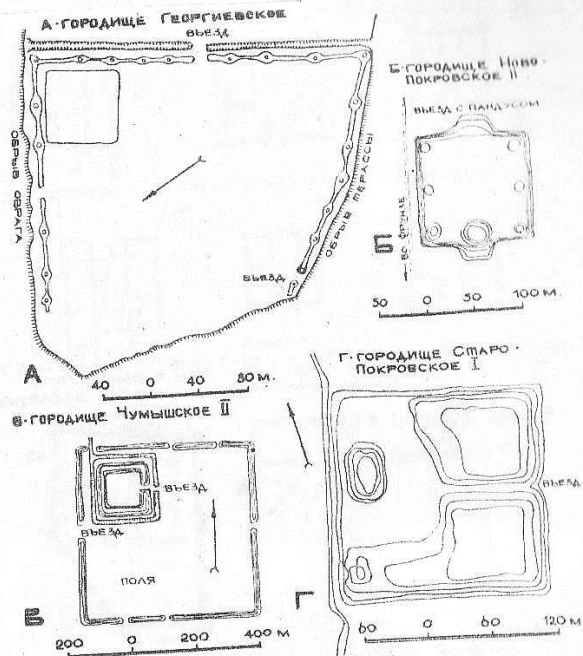
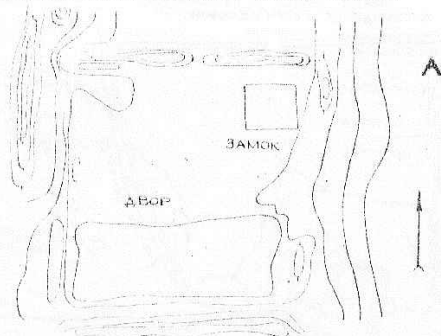

Рис. 3. Средневековые города Семиречья с двухчастной градостроительной структурой (по П.Н.Кожмяко): А - Георгиевское, IX-X вв.; Б - Ново-Покровское II, УП-УП вв.; В - Чумышское II, IX-УП вв.; Г - Старопокровское I, УП-УП вв.

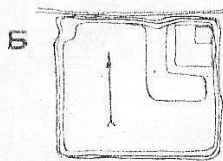

А-ГОРОДИЩЕ КАЛАИ КАХ КАХА II в УСТРУШАНЕ.

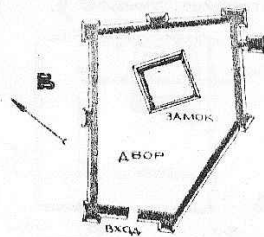

20 0 20 40 60 м В-ЗАМОК УРТА-КУРГАН в УСТРУШАНЕ

Б-ЗАМОК МУДИНТЕПА в СИГДЕ.

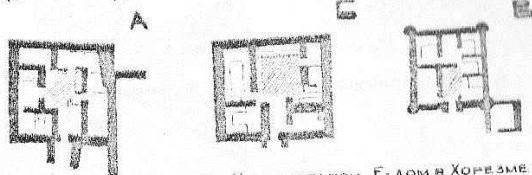
30 0 30 60 м

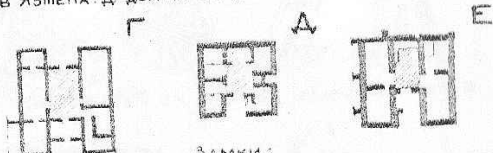
15 0 15 30 45 м

Рис. 4. Сооружения Средней Азии VII в.: А - городище Калаи Ках-каха II в Северном Таджикистане, VII в.; Б - замок Мудинтепа в Кашкадарьинской области Узбекистана, У-УИ вв. (по В.А.Нильсену); В - замок Урта курган в Северном Таджикистане, VII в. (реконструкция).

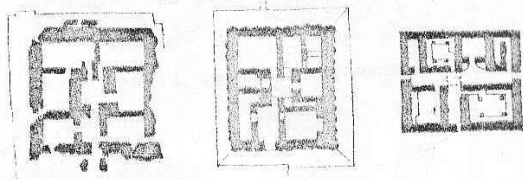
А,Б,В-ЖИЛЫЕ ДОМА КРАСНОРЕЧЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Г-ДОМ в ЯЗМЕПА. Д-ДОМ на ЧИРАБУХАРАОН. Е-ДОМ в ХОРЕЗМЕ.

Ж ЯКА-ПАРСАН. З - ТЕШИК КАЛА. И - УРТАКУРГАН в УСТРУШАНЕ.

К-КАРАВАН-САРАЙ в ДАХИСТАНЕ, XI-XII в.

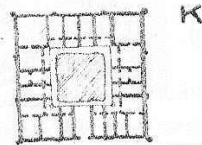
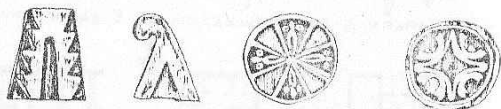

Рис. 5. Сравнительное сопоставление сооружений с центральным распределительным пространством (сво заштриховано): А,Б,В - жилые дома № 1, 3 и 5 Красноречненского городища, X-XII вв. (по Н.Н.Кожелько); Г - дом в Дарсене, XI в. (по Г.А.Пугаченковой); Д - дом в комплексе Чалбухата (по Г.А.Пугаченковой); Е - дом № 2 в поселении Дарьярон в Уструшае, X-XII вв.; Ж - дом № 2 в поселении Дарьярон в Уструшае, X-XII вв. (по Е.Е.Неразник); З - замок Янка-Куль в Хорезме, XII в. (по Е.Е.Неразник); И - замок Янка-Дарван в Хорезме, VII в. (по Е.Е.Неразник); И - замок Тешик-Кала в Хорезме, VII в. (по С.П.Толстову); И - замок Уртакурган в Уструшае; УИ в; К - караван-сарай в Дахистане, XI-XII вв. (по Г.А.Пугаченковой).

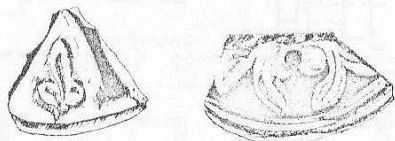
А-ТЕРРАКОТОВЫЕ ДЕТАЛИ ИЗ АКМЕПА

А

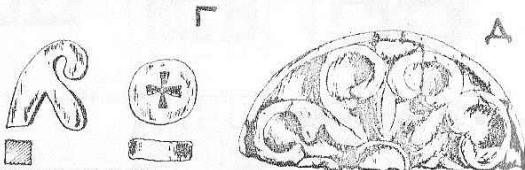
Б-ТЕРРАКОТОВЫЕ ДЕТАЛИ ИЗ ТАРАЗА

Б

В-ТЕРРАКОТОВЫЕ ДЕТАЛИ ИЗ ДЖУВАН-ТОБЕ

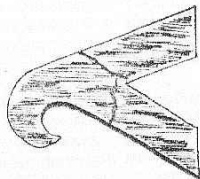
В

Г-ДЕТАЛИ ИЗ АК-БЕШИМА. Д-ДЕТАЛЬ ИЗ БАРАХШИ

Д

Рис. 6. Керамические элементы облицовки фасадов средневековых зданий Средней Азии: А- терракотовые детали из Акмепа близ Ташкента (по В.А.Нильсену); Б- терракотовые детали из Тараза (по В.А.Нильсену); В- облицовочные плитки из городища Джуван-Тобе в Семиречье (по П.Н.Кожаянко); Г- обожженные облицовочные кирпичи из Ак-Бешима (по П.Н.Кожаянко); Д- терракотовая плита из Баракши (по В.А.Нильсену).

5 0 5 10 15 см

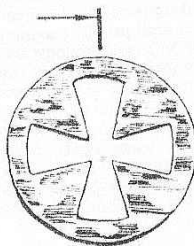
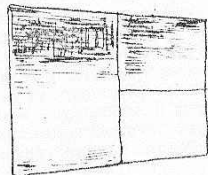
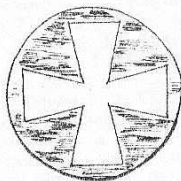

Рис. 7. Керамические элементы облицовки фасадов зданий в городище Калын Каттан I.

имеющие массивную площадку и три конусовидных попки, обнаружены и в Карабулаке²². Семиреченские дастарханы из обожженной глины выполнены с круглой чашевидной подставкой²³. Столики-дастарханы изображены и в живописи Пенджикента²⁴.

Одним из признаков общности и преемственности традиций в семиреченском и согдийско-уструшанском зодчестве может служить единое архитектурно-художественное оформление фасадов монументальных зданий. Это единство подтверждается находками круглых облицовочных плиток со штампованным и резным орнаментом и фигурных обожженных кирпичей в древнем Таразе²⁵, в городищах Ак-Бешиме в Чуйской долине²⁶, а также в замке Актепа близ Ташкента²⁷ и городище Варахша в Бухарском оазисе²⁸ (рис. 6А-Д). Археологическое изучение городища Калаи Какхаха I в Бунджикате позволяет также выявить названный декоративный прием в архитектуре монументальных сооружений. Так, доижон дворца Бунджиката был облицован фигурным жженым кирпичом в виде прописной буквы «у», а также цилиндрическими керамическими плитками с крестовидным углублением, подобным терракетовым деталям из замка Актепа (табл. 7).

Таким образом, представители народов Согда и Уструшаны, расселяясь вдоль торговых путей Центральной, Северной и Восточной Азии, сыграли значительную роль в развитии социально-экономических отношений, ремесленного производства и торговли, способствовали возникновению городов и городской культуры в Семиречье. И это цивилизующее воздействие согдийцев усилилось после вхождения Средней Азии в Западнотюркский каганат. В частности, оно оказало воздействие на культуру Центральной Азии. При этом, несомненно, и сама культура Согда и Уструшаны восприняла ряд оригинальных элементов и явлений, сформировавшихся издревле на территории Чуйской и Таласской долин на базе древнесакских традиций.

Л и т е р а т у р а

1. Бартольд В. В. История Туркестана. — Ташкент, 1922; Якубовский Ю. А. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. — Л., 1933; Бернштам А. П. Памятники старины Таласской долины. — Алма-Ата, 1941. С. 38—39; и др.

2. Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. — Фрунзе; Кыргызстан, 1971, С. 5.

3. Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. С. 39.
4. Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. С. 6.
5. Виргольд В. В. К вопросу о языках согдийском и тохарском // Иран. Т. 1. — Л., 1926. С. 32—41; Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья // КСИИМК. Вып. 6. — М., Л., 1940. С. 34—43; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. — М.: Наука, 1972. С. 260—261; и др.
6. Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья. С. 34—43.
7. Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. — Фрунзе, 1941. С. 74.
8. Кыласов Л. Р. О работе Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. // КСИЭ. Вып. 26. — М., 1957. С. 88.
9. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. — Фрунзе, 1959. С. 84—88.
10. Брыкина Г. А. Карабулак. — М.: Наука, 1974. С. 117—118.
11. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. С. 133—139, 141.
12. Мухамедов Х. Из истории древних оборонительных стен вокруг саизов Узбекистана. «Стена Кинчирак» древнебухарского оазиса: Автореф. дис.... канд. ист. наук. — Ташкент, 1961.
13. Окладников А. Открытие Сибири. — М., 1979. С. 147, 148, 151; Воронича В. Л., Незмагов Н. Н. Открытие Уструманы // Наука и человечество: Международный сборник 1975 г. — М.; Наука, 1974. С. 70, 71.
14. Кожемяко А. Н. Раскопки жилища горожан X—XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. — Фрунзе: Илим, 1967. С. 55, 77, 85. Рис. 2, 11, 16.
15. Неразик Е. А. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). — М.: Наука, 1966. Рис. 57, 48; Пузаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 137; и др.
16. Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. С. 6. Рис. 13.
17. Пузаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии XV века. — Ташкент, 1976. Рис. на с. 48, 70; Она же. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана.... Рис. на с. 116.
18. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. С. 28. Табл. III. Рис. 1, 2, 3; Тереножкин А. И. Холм Ак-тепа близ Ташкента (раскопки 1940 г.) // Тр. Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Т. I. — Ташкент, 1948. С. 117; Агеева Г. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Т. V. — Алма-Ата, 1958. С. 171.
19. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. С. 34. Табл. V. Рис. 1; Поганов А. А. Рельефы древней Согдианы как исторический источник // ВДИ. 1938. № 2. С. 127—137; и др.
20. Айдарсулов К. К вопросу о погребальном обряде киргизов в скальных склепах (по эпосу «Семетей») // Тез. докл. и выступл. на науч. конф. в г. Фрунзе, апрель 1983 г. — Фрунзе: Илим. — 1983. — С. 63; Мирбаев А. К. Раскопки Курктекских склепов // АРТ. Вып. XV (1975 г.). — Душанбе: Дониш, 1980. С. 295—302.
21. Брыкина Г. А. Карабулак. С. 69.
22. Там же. С. 98. Рис. 64.
23. Воронича В. Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ. 1963. № 6. С. 95.
24. Живопись древнего Пенджикента. — Душанбе, 1977. С. 42.
25. Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. — Ташкент: Наука, 1966. С. 312. Рис. 114.
26. Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. — Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1968. С. 176, 177. Табл. VII.
27. Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. С. 311. Рис. 113.

К. Ш. ТАБАЛДИЕВ

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ ОБЛАСТИ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ САКСКОГО ВРЕМЕНИ ТЯНЬ-ШАНЯ

За несколько десятилетий археологических раскопок памятников эпохи раннего железа на Тянь-Шане накоплены богатые археологические материалы, позволяющие охарактеризовать различные стороны материальной и духовной культуры кочевых племен сакского времени Кыргызстана.

В 1989 году в ходе археологических работ кафедры археологии и этнологии Кыргызского государственного национального университета в Ат-Башинской долине Внутреннего Тянь-Шаня автором настоящей статьи были получены новые сведения, касающиеся погребально-поминальной обрядности местных саков. Они были доложены на конференции «Охрана и исследования археологических памятников Алтая» в г. Варнауле в апреле 1991 года, но в публикациях до сих пор не получили отражения.

Исследовался могильник Кичи-Ача, расположенный в северо-восточной части долины на высоте 2000—3200 м над уровнем моря. Могильник разновременный. Основная часть курганов находится на высокой западной террасе правого берега р. Чон-Ача (рис. 1). В составе могильника выделялись отдельные компактные группы курганов эпохи раннего железа, XI—XIII вв. н. э. и мусульманских погребений второй половины II тыс. н. э.

10 курганов эпохи раннего железа располагались цепочкой по линии север—юг. Насыпи их диаметром до 9 м с кольцом из мелких камней у основания и овальной кольцевой выкладкой из массивных речных валунов в центре. Овальная кольцевая выкладка, ориентированная с юго-востока на северо-запад, оказалась составной частью внутримогильного сооружения в виде каменного ящика (рис. 2—3). Погребения были совершены внутри каменных ящи-

ков в неглубоких ямах (до 0,5—1 м). Только в двух случаях по расположению берцовых костей удалось установить, что погребения лежали вытянуто, головой на З, СВ.

В восточной стороне каждого кургана из валунов сооружено от трех до четырех округлых в плане формы «поминальничков». Диаметр каждого до 1 м. При раскопках «поминальничков» находок или других признаков ритуальных действий не обнаружено.

Наиболее интересными для нас оказались объекты №№ 5 и 7 (рис. 4).

Объект № 5, был расположен в цепочке курганов. До раскопок он представлял собой квадратную оградку из валунов размером 2,1×1,8 м. В центре оградки лежал трапециевидный в сечении камень длиной 1 м, шириной 0,50 м. К востоку, в двух метрах от квадратной оградки, располагались три округлые оградки диаметром 0,60—0,70 м — «поминальнички». При зачистке внутри округлых «поминальничков» ничего не обнаружено. Под камнем, расположенным внутри квадратной оградки, на глубине 0,10 м, найден клад бронзовых изделий: бронзовые детали конской упряжи, нож и золотая фольга. Приведем краткое описание находок.

1. Бронзовые удила со стремячковидными концами и с дополнительным отверстием. Длина стержня 4 см, сечение стержня круглое (рис. 5, 2).

2. Две бронзовые дугобразные псалмы длиной 15 см, с тремя отверстиями. Одна из них сломана в середине (рис. 5, 3—4).

3. Бронзовый нож с кольчатым навершием. Длина 17,5 см, диаметр кольца 2,8 см, ширина клинка до 1,5 см (рис. 5, 8).

4. Три бронзовых распределителя для перекрещивания ремней (рис. 5, 5—7).

5. Золотая фольга длиной 7 см, шириной 4 см. На двух концах имеются сквозные отверстия (рис. 5, 1).

Объект № 7 расположен с восточной стороны. Это ограда, сооруженная из массивных валунов, овальная в плане (длина 4 м, ширина 3,20 м). По форме напоминает восьмиконечные поминальные оградки эпохи раннего железа. Внутри нее, с северо-восточной стороны, на глубине 0,20 м обнаружены бронзовые детали конской упряжи:

1. Пара бронзовых удили со стремячковидными концами. У одного экземпляра имеется дополнительное отвер-

стие, у другого на поверхности ствола орнамент в виде прямоугольных литых насечек (рис. 6, 1—2).

2. Две бронзовые бляшки с рамковидными выступами. У одной в конце штгфт (рис. 6, 5—6).

3. Две бронзовые бляшки в форме «шестерки» (рис. 6, 3—4).

4. Две бронзовые бляшки округлой формы. У одной на обратной стороне кольцо, у другой — выступ с припаянным диском, диаметр которого составляет 8 мм (рис. 6, 7—8).

5. Два распределителя для перекрещивания ремней (рис. 6, 9—10).

Опорой для датировки рассмотренных памятников являются перечисленные выше бронзовые изделия и весь погребально-поминальный комплекс. Широкое бытование в кочевых культурах бронзовых удил со стремячковидными окончаниями в первой половине I тысячелетия до н. э. (в VIII—VI вв. до н. э.) отмечается в исследованиях ведущих специалистов¹. Они известны из раскопок на Востоке Памире, в низовьях Сырдарьи, Центральном Казахстане, на Алтае, в Туве и в скифских памятниках Европейской части б. СССР. Выделяются два подтипа подобных удил — с дополнительным отверстием и без дополнительных отверстий. С середины I тыс. до н. э. удила со стремячковидным окончанием сменяют удила с кольчатыми окончаниями. Остальные детали конского снаряжения и нож с кольчатом навершием многие исследователи считают широко распространенными в VIII—VI вв. до н. э. В памятниках перечисленных выше регионов аналогичные предметы встречались в составе погребального инвентаря, т. е. лежали непосредственно около погребенных или находились в оклпшровке погребенного коня.

Особый интерес вызывают сами объекты, на которых обнаружены «клады» бронзовых изделий. Конструктивные особенности позволяют считать их поминальными памятниками эпохи раннего железа. Например, конструкция объекта № 7 напоминает восьмикамешное кольцо на некоторых Тянь-шанских могильниках сакского времени. Я. А. Шер в начале 60-х годов в районе высокогорного озера Сон-Куль, в местности Таш-Тулга зафиксировал комплекс каменных сооружений в виде цепочки из девяти кольцевых выкладок, расположенных в один ряд по линии север-юг. Каждая из девяти выкладок состояла из восьми небольших валунов. Одна из них, внутри которой находи-

лась стела, распана, однако никаких находок не обнаружено². Подобные сооружения зафиксированы нами в могильниках Кок-Кумбес и Желе-Добо, где они располагались в западной дубе в восточной стороне от курганов. В могильнике Кок-Кумбес одно из них было распано. Кроме мелкого фрагмента керамического сосуда ничего не обнаружено.

Шер Я. А. предполагает, что исследование комплекса Таш-Тулга и восьмикамешных колец в других местах Сон-Кули может дать свидетельства о древних связях населения Тянь-Шаня с Алтаем и другими районами Центральной Азии. Он отмечал их бытование на Алтае, в Туве и в Монголии.

Раскопки памятников этого типа А. В. Андриановым, С. И. Руденко, С. С. Сорокиным, А. А. Гавриловой, В. А. Могильниковым, В. Д. Кубаревым, А. С. Суразаковым, А. М. Илошиным в Горном Алтае подтверждает данное предположение. Как пишет В. Д. Кубарев, восьмикамешные кольца наряду с балбалами являются основными определяющими признаками при поисках курганов пазырыкской культуры. Они расположены, как правило, 25—30 м от курганов с западной стороны, образуя две-три параллельные цепочки. На отдельных могильниках на Юстуде каменные кольца устраивались и с восточной стороны курганов. Имеются кольца, состоящие из семи камней. Внутри них обычно фиксируются следы огня, мелкие обгорелые кости животных, изредка — мелкие фрагменты керамических сосудов. Раскопки подобных сооружений выявили их ритуальный характер³. В Майэмирской степи Горного Алтая под каменным сооружением в виде кольца из семи камней найдены бронзовые удила со стремячковидными окончаниями, бронзовый кружок, пять золотых выпуклых округлых пластин, вложенных одна в другую, украшенных изображением животного⁴. В могильнике Бике I обнаружен однолезвийный нож⁵.

Обращает на себя внимание наличие в восточной части курганов Кичи-Ача 3—4 каменных колец-«поминальных» диаметром до 1 м. С запада от небольших курганов рядовых пазырыкцев обычно располагалось один—три каменных кольца. Курганы знати сооружались комплексами из каменных колец и крупных выкладок, что дает основание предполагать большие масштабы культовых действий во время поминков⁶.

Восьмиканальные кольца и круглые выкладки не всегда сопровождают курганы Внутреннего Тянь-Шаня сакского времени. Указанные признаки погребально-поминального комплекса являются дополнительными подтверждением мнения исследователей о древних связях населения Тянь-Шаня и Горного Алтая с пазырыкской культурой и населением других регионов Центральной Азии.

Что касается курганов с кольцевыми выкладками вокруг основания курганов с каменными насыпями, то по классификации К. И. Ташбаевой эти памятники ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня относятся к типу № 6. Такие же курганы встречаются и в Алайской долине⁷.

Внутримогильные сооружения в виде каменного ящика ранее были известны на соседних территориях: по раскопкам В. М. Мокрынина и П. П. Гаврюшенко — в Иссык-Кульской котловине, в долине реки Тон; по раскопкам А. К. Абетекова — в Кочкорской долине Внутреннего Тянь-Шаня⁸. По мнению К. И. Ташбаевой, подобные внутримогильные сооружения характерны также для ранних кочевников Алая⁹.

Все исследователи датируют их сакским временем.

Детальное сопоставление данных о могильных сооружениях в виде каменного ящика, приводимые предшествующими исследователями, и новых данных из Внутреннего Тянь-Шаня показывает некоторые их отличия и дает возможность внести некоторые дополнения. Такие же каменные ящики нами встречены в соседнем могильнике Желе-Добо в Ат-Вашинской долине и в могильнике Суттуу-Булак в Кочкорской долине. Все они имели много общих признаков. «Ящички» были заметны почти на уровне дневной поверхности. Внутри них в неглубокой могильной яме (до 0,5—1 м) совершались погребения.

Каменные ящички, исследованные А. К. Абетековым в Кочкорской долине, и аналогичные сооружения, исследованные в долине реки Тон, находились под земляными или каменными (каменно-земляными) насыпями. Здесь стенки могильных сооружений выполнены аккуратной кладкой из каменных плит и образуют каменный ящик с нишей, т. е. сооружены ниже уровня дневной поверхности.

По всей вероятности, каменные ящички, сооруженные почти на дневной поверхности, из Кичи-Ача, Желе-Добо и Суттуу-Булак II имеют архаичный вид и могут быть датированы VIII—VI вв. до н. э., они также имеют некоторые

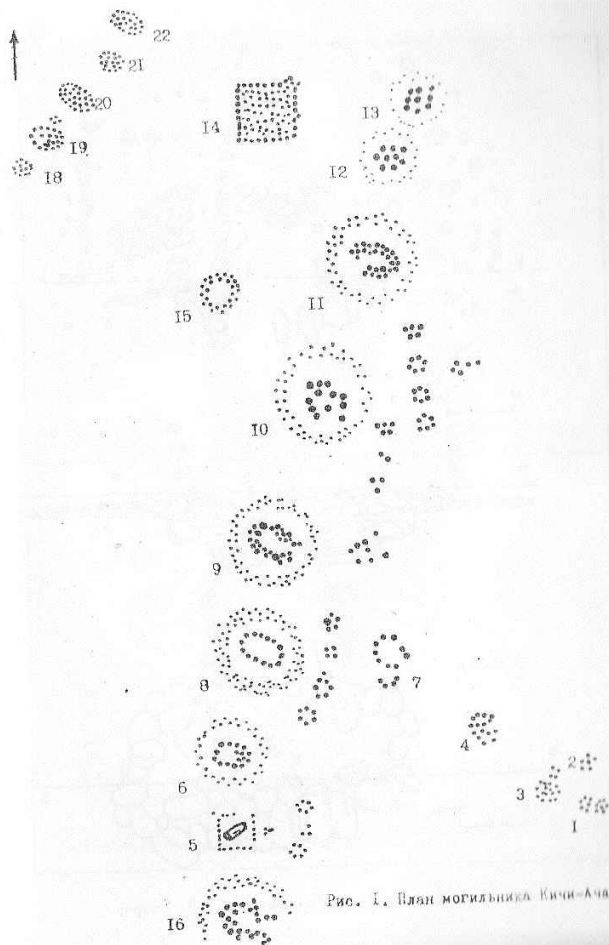

Рис. 1. План могильника Кичи-Ача

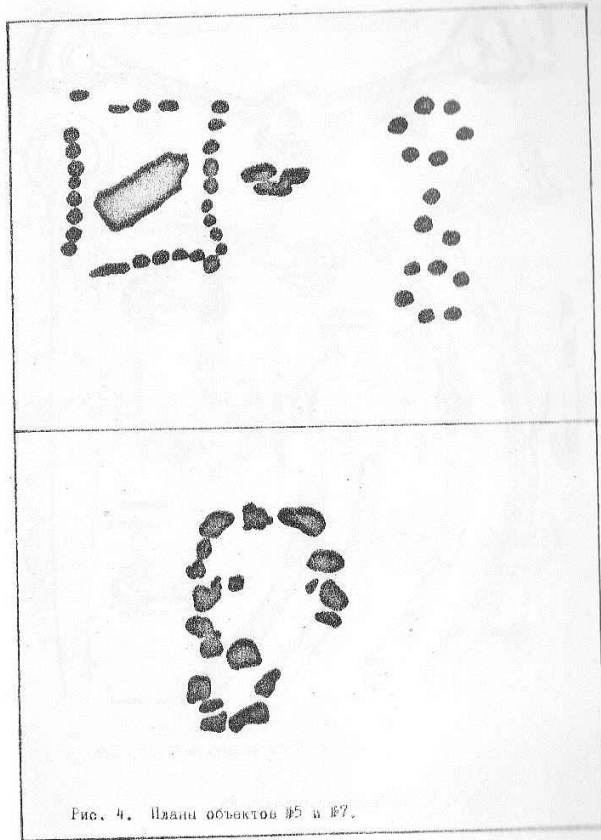
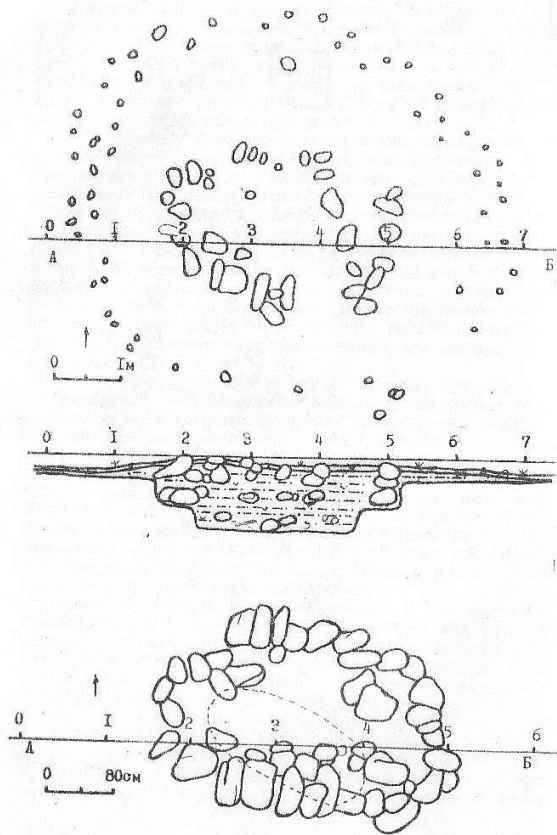

Рис. 2-3. План кургана 9. Горизонты I-П, разрез.

Рис. 4. Планы объектов E5 и E7.

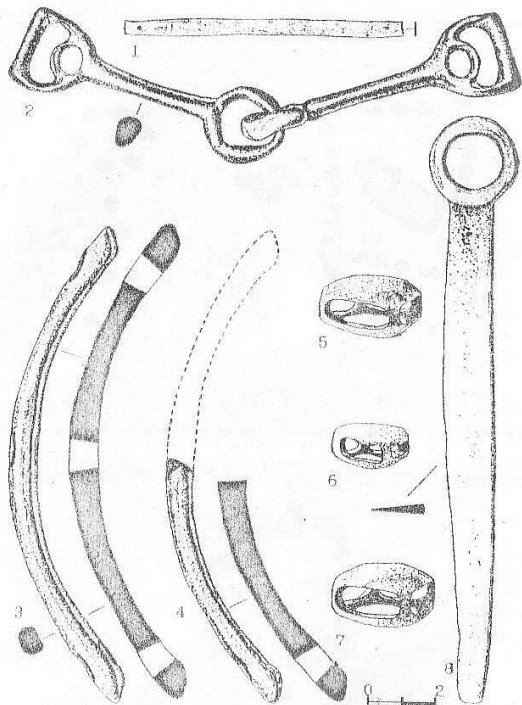

Рис. 5. Находки из объекта №5.

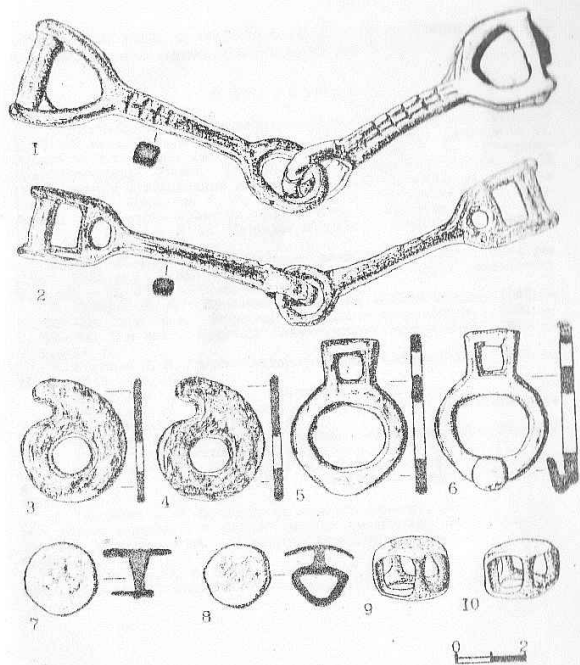

Рис. 6. Находки из объекта №7.

общие признаки с погребальными сооружениями эпохи поздней бронзы Западного Тянь-Шаня¹⁰.

Л и т е р а т у р а

1. Вишневская О. А. Культура сакских племен извоинов Сардарын в VII—V вв. до н. э. — М.: Наука, 1973. — С. 100, Грязнов М. П. Аржан. — Л.: Наука, 1980. — Рис. 28, Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, № 28 (Материалы и исследования по археологии СССР). — М., Л., 1963. — Рис. 128, 129, Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Казахстана. — Алма-Ата, 1966. — Рис. 24, 26, 60, Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. — Новосибирск, 1991. — С. 42—94. — Рис. 8, 3.
2. Шер Я. А. Археологические разведки на озере Сон-Куль (1960—1962 гг.) // КСИА (Краткие сообщения Института археологии). Вып. 98. — М., 1964. — С. 66—72.
3. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. — Новосибирск, 1987. — С. 11—12; Он же. Курганы Юстыда. — Новосибирск, 1991. — С. 23—24; Он же. Курганы Сайлюгема. — Новосибирск, 1992. — С. 12—14.
4. Кисилев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА № 9. — М., Л., 1949. — С. 169.
5. Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема... — С. 13.
6. Полосьмак Н. В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). — Новосибирск, 1994. — С. 17.
7. Ташбаева К. И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая: автореф. дис... канд. ист. наук. — Л., 1987. — С. 9—11.
8. Мокрынин В. П., Гаврющенко П. П. Курганы сакского времени долины реки Тон // Археологические памятники Прииссыккуля. — Фрунзе, 1976. — С. 52—82.
9. Ташбаева К. И. Культура ранних кочевников... — С. 11; Он же. Новые аспекты в культуре ранних кочевников Тянь-Шаня // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. — Бишкек, 1995. — С. 30—43.
10. Галочкина Н. Г. Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы // Кетмень-Тюбе. — Фрунзе, 1977. — С. 30—38.

это демонстрация непризнания пришедшего ему на смену Абдалмалика и попытка превратить Насрабад в независимое владение, то это требует дополнительного изучения. Монеты 343 г. х. могли быть чеканены еще при жизни Нуха б. Насра. Штампы монет 344 г. х. могли быть заготовлены загодя, до того, как пришло известие о смерти Нуха б. Насра. Поскольку штампы-инструмент весьма дорогой (так, в пересчете на цены IX—X вв., изготовление пары штампов, верхнего и нижнего, стоило 29 дирхемов 2 данака (29 1/3 дирхема), а это составляло месячный заработок квалифицированного ремесленника или цену двух баранов)⁷, штамп с именем покойного Нуха б. Насра мог быть использован из соображений экономии, а не обязательно политических. Кроме того, совсем не исключено просто совмещение и использование штампов разных лет. Если же мы действительно имеем дело с политической демонстрацией, то появление фельсов 344 г. х. можно объяснить следующим образом: 1) не признав Абдалмалика, Малик б. Шукур(?)-тегин захватил какой-то город и выпускал там монету от своего имени, а в Насрабаде монеты чеканили от имени Вакра б. Малика, получившего этот город от покойного Нуха б. Насра; 2) обе монеты выбиты в Насрабаде, только та, на которой не упомянут Вакр б. Малик, чеканена его отцом уже после того, как Вакр был убит далеко от Насрабада забунтовавшими войнами саманидской придворной гвардии.

Литература

1. Давидович Е. А. Владетели Насрабада. (По нумизматическим данным) // КСИИМК. — 1956. — Вып. 61. — С. 107—113.
2. Вернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрально-го Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — М.; Л., 1952. — МНА, № 26. — С. 119.
3. Давидович Е. А. Владетели Насрабада... С. 112—113.
4. Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. — СПб., 1886. — С. 149, № 868.
5. Давидович Е. А. Владетели Насрабада..., С. 112—113.
6. Давидович Е. А. Владетели Насрабада..., С. 113.
7. Федоров М. П. О покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX—XII вв. // Советская археология. — 1972. — № 2. — С. 75, 74, 77.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО —	Археологические открытия
АРТ —	Археологические работы в Таджикистане
АСГЭ —	Археологические сообщения Государственного Эрмитажа
ВДИ —	Вестник древней истории
ИАК —	Известия Археологической Комиссии
ИМКУз —	История материальной культуры Узбекистана
КСИА —	Краткие сообщения Института археологии
КСИМК —	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ —	Краткие сообщения Института этнографии
МИА —	Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ —	Материалы Хорезмской экспедиции
НЭ —	Нумизматика и эпиграфика
ОНУз —	Общественные науки Узбекистана
ПТКЛА —	Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СА —	Советская археология
САИ —	Свод археологических источников
САЭ —	Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ —	Советская этнография
ТГЭ —	Труды Государственного Эрмитажа
Тр. ИИАЭ АН КазССР —	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
Тр. ИИАЭ АН ТаджССР —	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР
ТИА АН УзССР —	Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
Тр. ИИЯЛ АН КиргССР —	Труды Института истории, языка и литературы Академии наук Киргизской ССР
ТИАЭ —	Труды Института этнографии
ТМИ УзССР —	Труды Музея истории Узбекской ССР
Тр. КАЭЭ —	Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
Тр. САГУ —	Труды Среднеазиатского государственного университета
ТЮТАКЭ —	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Предисловие</i>	3
<i>Массон В. М.</i> Древние культуры Кыргызстана и история древнего мира	5
<i>Заднепровский Ю. А.</i> Основные этапы истории культуры Южного Кыргызстана в свете новых данных (1976—1984 гг.)	15
<i>Галочкина Н. Г.</i> Связь памятников эпохи бронзы Кыргызстана с памятниками сопредельных территорий Средней Азии и Казахстана	33
<i>Ташбаева К. И.</i> Археологические комплексы ранних кочевников Тянь-Шаня	42
<i>Кадырбаев М. К.</i> Светильник с космогоническим сюжетом из г. Алматы	65
<i>Ташбаева К. И.</i> О расписной керамике ранних кочевников Тянь-Шаня	69
<i>Горбунова Н. Г.</i> Женские украшения кугайско-карабулакской культуры Ферганы	77
<i>Мандельштам А. М.</i> Заметки об археологических памятниках усуней	93
<i>Винник Д. Ф.</i> Карасадакский могильник	104
<i>Кожомбердиев И., Худяков Ю. С.</i> Древнетюркский панцирь из Кыргызстана	120
<i>Маршак Б. И., Распопова В. И.</i> Согдийцы в Семиречье	124
<i>Негматов Н. Н., Мамаджанова С. М., Мукимов Р. С.</i> Согдийско-уструшанские традиции в градостроительстве и культуре Семиречья	136
<i>Ведутова Л. М.</i> Архаичные представления в раннесредневековой художественной культуре Кыргызстана в свете восстановительных ритуалов	144
<i>Иманкулов Д. Д.</i> Новое в Таш-Рабате	161
<i>Табалдиев К. Ш.</i> Новые сведения из области духовной и материальной культуры сакского времени Тянь-Шаня	173
<i>Федоров М. Н.</i> Еще раз о владельцах Насрабада	179
<i>Список сокращений</i>	184

ДРЕВНИЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КЫРГЫЗСТАН

Технический редактор *Э. К. Гаврина*

Подписано к печати 24.10.96. Формат 60×84¹/₁₆.
Высокая печать. Школьная гарнитура. Объем 15,75 п. л.,
15,2 уч.-изд. л. Тираж 300 экз. Заказ 112.

Издательство «Илим»
720071, Бишкек, проспект Чуй, 265а

Типография НАН Кыргызской Республики
720001, Бишкек, ул. Пушкина, 144